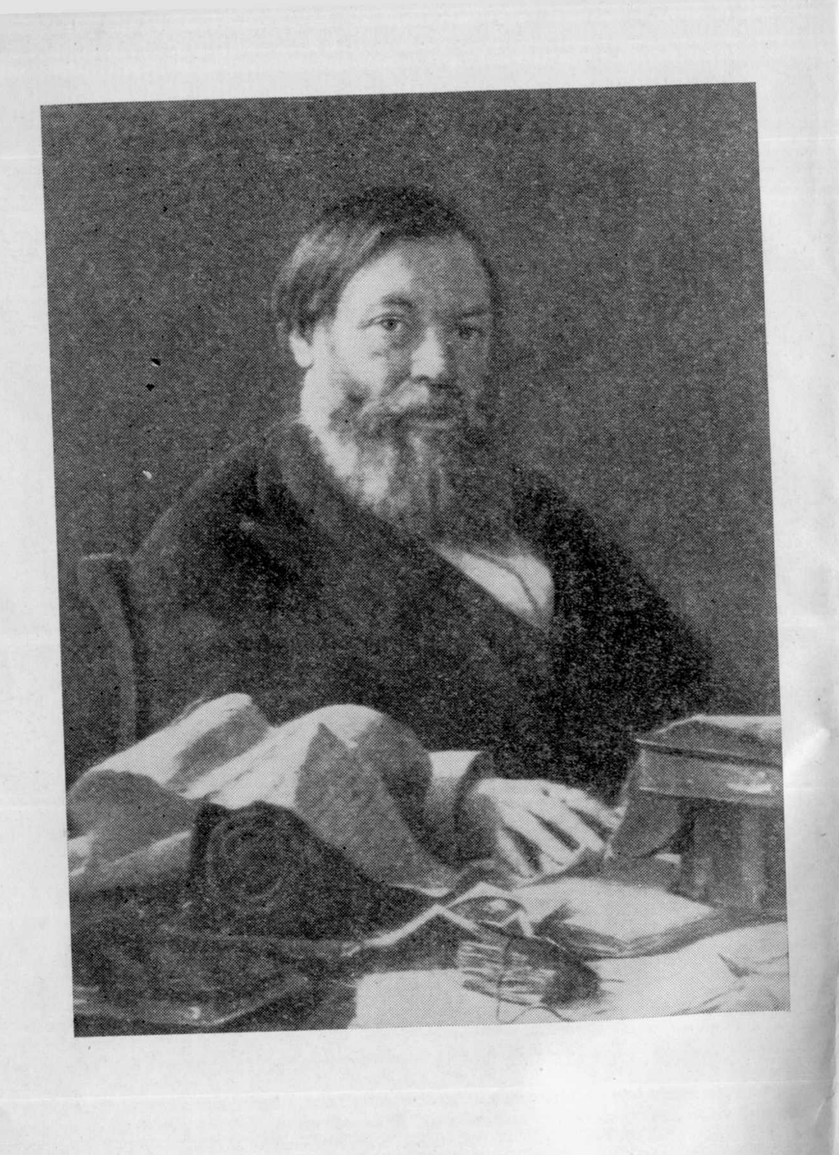
В. Ф. СОКОЛОВА

П. И. МЕЛЬНИКОВ
(АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

В. Ф. СОКОЛОВА

П. И. МЕЛЬНИКОВ (АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

ГОРЬКИЙ
ВОЛГО-ВЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

ББК 83.3Р1
С59

Рецензент
кандидат филологических наук
В. П. Мещеряков

Соколова В. Ф.

С59 П. И. Мельников (Андрей Печерский): Очерк жизни и творчества.— Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981.— 191 с.

70 коп.

Творчество П. И. Мельникова-Печерского — одного из выдающихся русских писателей XIX в., блестящего стилиста и великолепного знатока народного быта — до сих пор не оценено нашим литературоведением по достоинству. Работа канд. фил. наук В. Ф. Соколовой — результат серьезного изучения жизненного пути писателя, его общественной деятельности, писем, рукописей, черновиков, корректур. Автор пытается дать очерк жизни нижегородца П. И. Мельникова, первых литературно-художественных опытов писателя. Особое внимание исследователь уделяет романам «В лесах» и «На горах», их литературным, документальным и фольклорным источникам, изучению эволюции замысла, сюжетов и образов этой своеобразной эпопеи.

С $\frac{70202—108}{М140(03)—81}$ ББК83.3Р1

В произведениях Павла Ивановича Мельникова-Печерского русская душа говорит о русском народе: в произведениях этих живьем встает перед нами русская жизнь среди русской природы.

К. Бестужев-Рюмин

ВВЕДЕНИЕ

Имя Павла Ивановича Мельникова-Печерского, крупного и самобытного художника слова XIX столетия, хорошо знакомо советскому читателю.

Как писатель-беллетрист Мельников-Печерский получил признание уже у своих современников. Еще при жизни он считался выдающимся мастером слова, замечательным знатоком русского народного быта.

Прошли годы. Наследие П. И. Мельникова-Печерского достойно выдержало испытание временем. Его творчество занимает значительное место в истории нашей отечественной литературы и до настоящего времени способствует делу воспитания молодого поколения в духе патриотизма, национальной гордости и гуманизма.

Художественные труды Мельникова-Печерского до сих пор издаются массовыми тиражами, волнуют нас своим глубоким реализмом, живописными картинами ушедшего в прошлое семейно-бытового уклада и драматическими страницами из истории нашего народа.

Современный читатель, любитель русской старины и русского национального быта, находит в его произведениях неиссякаемый источник познаний.

Литературно-художественное творчество Андрея Печерского нашло признание не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, оно привлекает внимание ученых Европы и Америки, а романы «В лесах» и «На горах» переведены на немецкий, французский, датский, чешский и другие языки.

Талант Мельникова-художника сочетается с глубокими познаниями в области истории и этнографии, фольклора и народного языка. Превосходный рассказчик, крупный реалист прошлого столетия, он предстает перед нами и как эпически невозмутимый повествователь, и как тонкий лирик, и как выдающийся сатирик.

Писатель по призванию и чиновник по долгу службы, об усердии которого ходили невероятные слухи, граничащие с ле-

гендами, Мельников-Печерский, казалось бы, должен был испытывать постоянную раздвоенность и серьезные противоречия нравственно-этического плана. Но суровый обличитель царских казнокрадов и карьеристов Андрей Печерский уживался в нем с рачительным чиновником Мельниковым, рвение которого при исполнении служебных поручений вызывало резко отрицательную реакцию со стороны даже близких ему людей и заставляло настороженно относиться к нему представителей передовой интеллигенции.

Отвергая революционный путь преобразования страны, Мельников был твердо убежден, что только на государственной службе прогрессивно настроенный деятель способен принести реальную пользу народу и родине. Вероятно, именно этим объясняется то «административное донкихотство» Мельникова-чиновника, которое бросается в глаза при углубленном изучении его деятельности.

Не случайно служебные успехи инициативного чиновника оставались без достаточного внимания со стороны высших властей, а начиная со второй половины 50-х годов поручения ему давались все реже. Более того, многие даже из министерских сослуживцев относились к нему с откровенной неприязнью, что заставляло Мельникова с тревогой искать причину этого разлада с окружавшей его средой. «Есть у нас люди,— писал он в одном из писем,—...люди деловитые, обрекшие себя на вечное вращение формальностями канцелярскими, люди, которых цель состоит в том, чтобы дело шло формально-хорошо и не могло бы иметь дурных последствий, а будет ли оно иметь последствия хорошие — это не наше дело. Этим-то людям я и не по нутру»[1].

Образ легендарного Мельникова, гонителя старообрядцев и «зорителя» керженских скитов, окруженный в свое время всевозможными небылицами и россказнями, не имел ничего общего с Андреем Печерским, талантливым художником слова, известным ученым, труды которого не потеряли своего значения до настоящего времени.

Вся деятельность Мельникова — чиновника, ученого и литератора — была посвящена кропотливому исследованию жизни провинциальной России. Выросший вдали от обеих столиц, он все труды, как научные, так и беллетристические, посвятил этой провинции — рассказал в своих статьях, очерках, повестях и романах о жизни нижегородских старообрядцев,

[1] Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии.— Сборник, т. 9, ч. 1, с. 22. Дальше сноски на это издание будут даваться сокращенно: Сборник, т. 9.

изобразил положение различных социальных слоев в предреформенный и пореформенный период, осветил историю, этнографию и экономическое состояние родного Поволжья, отразив тем самым общие закономерности общественного развития России. Как справедливо заметил Г. С. Виноградов, старообрядческое Заволжье «завоевано» Печерским. Только «ему обязана литература и территориальным, этнографическим «приращением»[1].

Умеренный либерал, Мельников-Печерский пережил идейную эволюцию, характерную для русского либерализма предреформенной и пореформенной поры. Начав свой творческий путь под знаком гоголевского сатирического направления, он в 40—50-е годы испытывал полное единомыслие с его представителями, резко обличавшими порядки самодержавно-крепостнической России, а в период общественного подъема 60-х годов готов был сомкнуться с крайними консерваторами в своем стремлении подавить «крамолу».

Будучи страстным поклонником Пушкина и Гоголя, Мельников с ранних лет горячо любил литературу, а художественное творчество мыслил не иначе, как результат досконального изучения действительности и упорного, кропотливого труда. Свои литературно-художественные занятия он начал как ученик Гоголя и последователь эстетических идей Белинского. Изменение общественной и литературной позиции писателя в дальнейшем сказалось в уклоне в сторону славянофильско-почвеннических идей, наложивших на его творчество своеобразную печать, и выразилось в идеализации патриархальных форм жизни в произведениях 60-х — начала 70-х годов.

Подлинную славу Мельникову-Печерскому принесли его романы «В лесах» и «На горах», появление которых представляло собой выдающееся событие в нашей литературе. Со страниц эпопеи встает перед читателем и старая Русь с ее дедовскими свычаями и обычаями, с преданиями и легендами, с кустарными промыслами и старообрядческими скитами, и Россия XIX в. в момент исторического перелома жизни ее народа, перехода от ремесел и патриархального быта к промышленному капитализму.

Отражая настоящее и стремясь заглянуть в глубь веков, Мельников воспевает исконную, кондовую Русь, где чистородная струя «не смешивается ни с какими примесями и ви-

---

[1] *Виноградов Г. С.* Фольклорные источники романа Мельникова-Печерского «В лесах».— В кн.: Мельников П. И. В лесах. М.; Л., 1936, с. 9.

димыми влияниями» и где, по его мнению, можно найти как ключ к уяснению задач на будущее, так и способ их решения.

Романы «В лесах» и «На горах» открыли читателю еще не исследованную область русской действительности, не нашедшую художественного изображения в литературе. В них Мельников-Печерский рассказал о жизни старообрядцев Заволжья и Нагорья XIX столетия, раскольничьих скитах и их разорении.

В своей эпопее писатель как бы сближает два столетия — век Алексея Михайловича с веком Николая I. В старообрядческом мире, изображенном в романах Мельникова-Печерского, как в заколдованном царстве, жизнь не подвластна времени. Но старинные народные нравы и обычаи, национальные костюмы, домашний уклад, основанный на Домострое,— вся сохранившаяся здесь древняя русская культура соседствует с капиталистической практикой ее носителей.

Художественное дарование Мельникова-Печерского проявилось как в создании ярких реалистических характеров и живописном описании русской природы, так и в высокой степени обобщения жизненных явлений. Рассказывает ли он о весенних народных гуляньях, начинающихся с радуницы, когда по селам и деревням ходит веселый бог любви и счастья Яр Хмель с венком из красных маков на голове, дает ли незабываемые описания пахнущих густым ароматом керженских и чернораменских лесов, рисует ли раскольничьи молельни с низкими закоптевшими потолками и ликами святых, смотрящих со стен, показывает ли взаимное надувательство купцов на Макарьевской ярмарке — Мельников везде остается превосходным художником-реалистом, прекрасно владеющим русским словом.

Прибегая к экскурсам в историю, писатель заглядывает в прошлое народа, но больше всего говорит о современности — о состоянии промышленности, о кустарных промыслах и торговле, о народной нужде, о все усиливающейся власти денег, о горькой женской доле.

Темы и образы романов Мельникова-Печерского неоднократно обращали на себя внимание выдающихся деятелей русского искусства. По их мотивам созданы незабываемые полотна Васнецова, Нестерова, опера Римского-Корсакова «У невидимого града Китежа», непревзойденные иллюстрации Глазунова и Боклевского.

Являясь неиссякаемым источником познания русского национального быта, романы Мельникова-Печерского привлекают внимание своими художественными достоинствами; бо-

гатством и разнообразием реалистических типов, ярких и живых характеров героев, своеобразием стиля, органически усвоившего многие художественные средства устной народной поэзии, и широким использованием лексического богатства русского языка.

Тем не менее творчество Мельникова-Печерского, если не считать его первых повестей и рассказов, оказалось почти обойденным русской критикой. До последнего времени мы не имеем даже полного комментированного издания его трудов. «По странной иронии судьбы,— писал в 1910 году Н. А. Савин,— Мельников до сих пор не дождался подробного, обстоятельного если не изучения, то разбора как писатель-беллетрист. Никто из критиков и историков литературы не дал полного освещения физиономии писателя, не выяснил значения его художественных образов, не поставил его в общую связь с предшествующим литературным развитием, не указал основных приемов творчества; в большинстве случаев дело ограничивалось самою общею, самою сжатою характеристикой талантливого писателя»[1].

А. А. Измайлов справедливо объяснял это обстоятельство тем, что расцвет творчества Мельникова-Печерского выпал на тот период в истории нашей литературы, когда русская критика оскудела. В 1861 году умер Н. А. Добролюбов, а в 1868-м — погиб Д. И. Писарев. Чернышевский находился в сибирской ссылке.

Советское литературоведение также не уделило творчеству П. И. Мельникова-Печерского достаточного внимания. Наиболее обстоятельно и всесторонне личность писателя и его литературное творчество раскрываются в работах Л. М. Лотмана (в кн.: История русской литературы. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1956, т. 9, ч. 2 и в кн.: История русского романа. М., Наука, 1964), Г. С. Виноградова, М. П. Еремина, в которых воздается должное исключительной широте и трезвости в изображении русской действительности в произведениях Мельникова-Печерского. Но все же нужно признать, что на очереди не только общие характеристики писателя в статьях и предисловиях к изданиям его произведений или главы общих трудов и учебников по истории русской литературы, но и специальные исследования, которые были бы основаны на тщательном изучении документальных источников, связанных с жизнью, мировоззрением, творчеством, всей деятельностью Мельникова-Печерского.

---

[1] Сборник, ч. 1, 1910, с. 296.

I
ПО СТРАНИЦАМ ЖИЗНИ

Он весь свой век с любовию глубокой
Народа быт и нравы изучал,
Все, что в лесах и на горах далеко
От городов, пытливо подмечал
И кистью вольной, светлой и широкой
В картинах чудных нам живописал.

Памяти П. И. Мельникова.
Из архива писателя

В Нижнем Новгороде, в семье капитана жандармской команды Ивана Ивановича Мельникова, в доме П. П. Сергеева, что стоял на углу Мартыновской и Тихоновской улиц, 25 октября (ст. стиля) 1818 года родился сын Павел, которому под именем Андрея Печерского суждено было стать в ряды знаменитых русских художников-беллетристов.

Отец будущего писателя, вскоре выйдя в отставку, поселился в Лукьяновском уезде Нижегородской губернии.

«Связные мои воспоминания,— писал впоследствии Мельников,— начинаются с пятилетнего возраста. Нас было в то время у родителей трое сыновей: я, брат Николай, годом моложе меня, и Федор, родившийся в 1823 г. в Лукьянове, где по выходе из военной службы мой отец служил по дворянским выборам»[1].

Вся жизнь П. И. Мельникова начиная с детских лет была связана с Нижегородской губернией. Лукьянов, Балахна, Арзамас, Семенов и другие населенные пункты он знал с тех пор, как начал помнить себя. Первым путешествием по губернии, которое особенно запомнилось мальчику, явилась поездка из Лукьянова в Балахну по случаю тяжелой болезни дедушки П. П. Сергеева. «Путешествие на долгих,— пишет он,— помню отрывочно, живо помню Арзамас, поразивший меня своей огромностью, множеством церквей и каменной мостовой...»[2].

---

[1] *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Полн. собр. соч. СПб., Изд-во М. О. Вольф, 1897, т. 1, с. 14.
[2] Там же, с. 14—15.

В 1825 году Иван Иванович Мельников был избран земским заседателем в г. Семенов. Здесь в основном прошли детские годы будущего писателя.

В семье малосостоятельных дворян Мельниковых не было ни гувернеров, ни дорого оплачиваемых учителей. Первоначальное воспитание и обучение П. И. Мельников получил от матери, женщины хотя и малообразованной, но много читавшей и стремившейся привить своим детям любознательность и страсть к книге.

Мальчик рос среди людей из народа, с детства вслушиваясь в строй народной речи, наблюдая местные нравы и обычаи.

Мельниковы располагали сравнительно богатой библиотекой, где можно было встретить переводы греческих, римских и французских классиков, сочинения Новикова, Кантемира, Ломоносова и Жуковского, которые были доступны детям. Очень рано проявилась у Мельникова страсть к чтению. В десятилетнем возрасте он, по его собственному признанию, по линейкам переписывал в толстые тетради Пушкина, Дельвига, Жуковского и Баратынского, а в двенадцать знал наизусть всю «Полтаву» и множество отрывков из «Евгения Онегина».

В 1829 году Мельников был определен в Нижегородскую гимназию. Разгул реакции после восстания декабристов с особой силой давал себя знать в области просвещения. Правительство Николая I давило любые проявления свободной мысли, насаждало в учебных заведениях схоластику и зубрежку, поощряло розгу и карцер как самые действенные меры воспитания и образования.

В своих воспоминаниях Мельников рассказывает характерный для данной эпохи случай из его гимназических лет. Учащиеся гимназии, в число которых входил и будущий писатель, решили устроить свой театр. «В пустой башне нижегородского Кремля, именно в Часовой, устроили мы театр, разумеется, без декораций и без костюмов. Это было не без пользы для нас. Многие из пас наизусть выучили Эдипа в Афинах, Фингала, Дмитрия Донского, и хотя у нас не было руководителя, однако мы сделали немалые успехи в декламации. Но только одно лето разыгрывали мы трагедии Озерова. Башня понадобилась гарнизонному начальству под цехгауз, и батальонный командир, придя ее осматривать, застал нас во время представления «Поликсены». Драматическую группу под присмотром солдат отправили к директору, а башню заперли. С нами расправились по тогдашнему обычаю, довольно круто...

Из ребячьей нашей шалости сумели раздуть страшную историю. В городе рассказывали вещи несодеянные, будто бы мы, одиннадцатилетние и двенадцатилетние мальчики, составили опасный заговор для ниспровержения существующего порядка. Одна нижегородская барыня... поехала в это время в Казань и там стала рассказывать о нашем злоумышлении. Из учебного округа предписано было разобрать дело как можно строже, и с нами в другой раз распорядились круто»[1].

К гимназическим годам относятся и первые пробы пера юноши Мельникова. Для самодеятельного театра он написал трагедию «Вильгельм Оранский».

Несмотря на мрачную атмосферу, царившую тогда в Нижегородской гимназии, среди ее преподавательского состава выделялись и одаренные, гуманно настроенные педагоги. Светлые воспоминания оставил о себе у Мельникова учитель словесности А. В. Савельев, который внес живую струю в затхлую атмосферу учебного заведения. «Тут мы ознакомились с Пушкиным, Козловым, Дельвигом, Баратынским, а до тех пор нас заставляли удивляться только Хераскову, Ломоносову и Державину»[2],— вспоминал Мельников.

После окончания гимназии в 1834 году будущий писатель поступает на словесный факультет Казанского университета, ректором которого тогда был великий ученый-математик Н. И. Лобачевский. Покровительствуя науке и приветствуя проявление любой живой мысли, Лобачевский стремился привлекать в университет наиболее прогрессивных профессоров. Тем не менее отголоски мрачных лет, когда попечителем Казанского учебного округа был мракобес, казнокрад и доносчик Магницкий, были ощутимы. На словесном факультете, куда поступил Мельников, было еще немало старых профессоров. Не случайно первые лекции в университете глубоко разочаровали начинающего студента.

Лекции по русской литературе читал профессор Суровцов, принадлежавший также к старой школе, но преклонявшийся перед гением Пушкина, горячо любивший современную литературу и умевший зажечь эту любовь в сердцах своих слушателей. Чувство благодарности к любимому профессору Мельников хранил всю свою жизнь. «...Суровцов,— вспоминает он позднее,— советовал нам избегать малейшей вычурности в выражениях, внушал, что простота и естественность — главнейшие свойства изящного. Замечательно, что это гово-

---

[1] Исторический вестник, 1884, № 19, с. 487.
[2] Там же, с. 489.

рилось с кафедры в 30-х годах, когда риторика царствовала в нашей литературе»[1].

Кумиром большинства студентов университета был Марлинский. «Избави бог подражать ему,— предостерегал Суровцов своих питомцев.— Огня много, но тепла ни на грош. Вспыхнет, блеснет и померкнет»[2]. Подобные выступления профессора против Марлинского многим из его учеников казались кощунственными, но Мельников навсегда запомнил уроки своего учителя. Недаром словами горячей благодарности встретил через много лет старый профессор известного писателя Андрея Печерского: «А попомнил же ты меня, старика. Я все читаю, что ты пишешь; иноязычных слов у тебя нет. Хвалю, ставлю тебе пять»[3].

Большой популярностью пользовались и лекции молодого преподавателя, бывшего ученика Суровцова К. Фойга.

Окончив в 1837 году университет, Мельников как казеннокоштный студент должен был отслужить определенное время по учебному ведомству. Диплом с отличием давал ему возможность остаться при университете. Перед будущим писателем раскрывалась широкая перспектива научной работы. Он готовился к поездке за границу. Как свидетельствует К. Н. Бестужев-Рюмин, ведомство народного просвещения прочило тогда Мельникова на кафедру славянских языков. Но этим планам не суждено было осуществиться. На одной из студенческих вечеринок Мельников, человек горячий по темпераменту, увлекавшийся, в споре с товарищами, очевидно, повел себя неосторожно: забыв обстановку, он потерял над собой контроль и по некоторым вопросам резко разошелся с официальной точкой зрения. Что произошло конкретно, об этом Мельников не любил говорить и в своей автобиографии этот факт обошел молчанием. Его биографы также ограничились неясными намеками. Но этот случай резко изменил судьбу начинающего ученого. Очевидно, его вина с точки зрения официальных кругов была довольно серьезной. Поездку за границу отменили, а сам он в сопровождении солдат был доставлен в Пермь с тем, чтобы оттуда отправиться в качестве уездного учителя в захолустный городок Шадринск. Но, приехав в Пермь, Мельников узнал, что «гнев положили на ми-

---

[1] *Усов П. С.* П. И. Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность.— Собр. соч. П. И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб., Изд-во М. О. Вольф, т. 1, с. 59. В дальнейшем сокращенно: Усов П. С.

[2] Там же, с. 59.

[3] Там же.

лость»: отъезд в Шадринск отменялся, и он оставался для прохождения службы в Пермской гимназии в должности старшего учителя. Фактически Мельников оказался в ссылке, которая длилась до 1839 года.

Педагогическая деятельность не удовлетворяла Мельникова. Тяга к познанию и научному исследованию определяет его интерес к истории и этнографии края. Он много ездит по Приуралью, посещает промышленные предприятия, изучает быт и нравы населения. Результатом этих поездок явился ряд статей, впервые напечатанных в «Отечественных записках» в 1839—1842 годах под общим названием «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь». Эти статьи положили начало многочисленным его работам по истории, археологии и этнографии отдельных областей России.

Изгнание очень тяготило Мельникова, и он упорно хлопотал о переводе в Нижний Новгород. В конце концов просьбу его удовлетворили, и весной 1839 года он был переведен старшим преподавателем в Нижегородскую гимназию. Прогрессивно настроенный молодой педагог столкнулся здесь с косностью и равнодушием преподавательского состава, значительную часть которого составляли люди недостаточно образованные, пресмыкающиеся перед губернской администрацией. «Пушкин, по их мнению,— писал Мельников,— пустомеля, не имеющий изящного вкуса, и притом вольнодумец, Лермонтов — мальчишка, которому необходимы розги, Гоголь — сальный марака, а Белинский — сумасшедший человек, который сам не знает, что пишет»[1].

Это было время формирования литературных вкусов и эстетических идеалов Мельникова-Печерского. Оно осуществлялось в период обостренной борьбы между реализмом и романтизмом. Имена Пушкина, Гоголя и Герцена были священны для молодого преподавателя гимназии. Он увлекается статьями Белинского, печатавшимися на страницах «Отечественных записок». Их влияние будет ощутимо уже в первых беллетристических опытах начинающего писателя.

Конечно, это еще не означает, что Мельников понимал и воспринимал революционные проповеди Белинского, но его борьбе за укрепление реалистического направления в литературе он горячо сочувствовал.

«Не помню, знал ли отец лично Герцена,— писала в своих воспоминаниях дочь писателя,— если это и было, то до появления моего на свет, но, вероятно, все симпатии отца были

[1] *Усов П. С.*, с. 72—73.

на его стороне, потому что мы, дети, как бы унаследовали эти симпатии от него; для меня, по крайней мере, имя Герцена за всю мою жизнь было окружено каким-то особенно светлым ореолом... Не то было по отношению к Каткову. Мы, дети, почему-то не любили его, не любили, можно сказать, заочно»[1].

В Нижнем Новгороде Мельников занялся русской историей, «изучая ее по изданиям Археологической комиссии и другим источникам». Важное значение для него как для начинающего археолога и этнографа имело знакомство с директором Нижегородской ярмарки графом Д. Н. Толстым, одним из образованнейших нижегородцев того времени, который посоветовал ему начать изучать нижегородские древности и историю церковного раскола.

До 1842 года продолжал Мельников печатать в «Отечественных записках» начатые в 1839 году «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь». Это своего рода очерки этнографического и географического характера, рассказывающие о Перми, Соликамске, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове и других населенных пунктах — селах, деревнях, уральских заводах, монастырях. Мельников дает целый ряд этнографически верных типов населения той или иной местности, приводит важные исторические и статистические данные.

«Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» состоят из 10 глав, или «статей», как называет их автор, объединенных образом путешественника, внимательно всматривающегося в окружающую его действительность.

Статьи эти, обличающие мещанство, пустоту жизни провинциального общества, раскрывающие народную нужду и бесправие тружеников, вызвали серьезный переполох и негодование против автора среди тех, кто в них узнавал себя. В одном из писем к Краевскому Мельников сообщал о реакции жителей Перми на его очерки: «Мне пишут, что для Перми я больше Наполеона, потому что в 1812 году не было такой тревоги там, что меня, Вас и цензоров там приговорили чуть-чуть не на смертную казнь, что меня до сих пор дожидают там в виде ссыльного, и бог знает еще что такое»[2].

Высокий уровень этнографических описаний, богатство исторических и статистических данных «Дорожных записок...» привлекли внимание немецкого журнала «Das Ausland», который и опубликовал их в 1840 году в № 150.

---

[1] ЦГАЛИ, ф. 321, оп. 2, ед. хр. 1, л. 22.
[2] ГИБ, ф. Краевского, 391. Письмо от 7 июля 1840 г.

Тем не менее это было лишь пробой пера начинающего писателя. Недостаточная зрелость очерков сказывается прежде всего в слабой психологической разработке образа рассказчика, в его неопределенности.

В 1842 году Мельников был назначен членом-корреспондентом Археологической комиссии. Выполняя свои обязанности, он разбирал архивы присутственных мест и монастырей Нижегородской губернии, изучал родословную Минина, стремясь отыскать потомков «спасителя России».

Его статья «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время» получает одобрение В. Г. Белинского, который в обзоре литературы за 1843 год назвал ее научно-беллетристической.

В это время П. И. Мельников ведет большую исследовательскую и общественную работу, интересуется всеми научными и литературно-художественными новинками. В 1846 году он становится членом Русского географического общества, выполняет обязанности секретаря губернского статистического комитета. На материалах исследований и разысканий он пишет многочисленные статьи о Нижнем Новгороде и разных уездах Нижегородской губернии: «И. П. Кулибин» (1845), «Нижегородское великое княжество» (1842), «История Нижнего Новгорода до 1350 г.» (1847), «Княгинино» (1842), «Балахна» (1849), работы о Нижегородской ярмарке и многие другие.

В первой половине 40-х годов Мельников проявляет серьезный интерес к славянофильству, складывавшемуся в то время в определенную систему.

Ратуя за самобытность русского народа, которую славянофилы видели в таких незапятнанных источниках, как специфика его органических свойств и православие, они свято верили в особый путь развития России, отличный от западноевропейского, и возможность найти мирные пути в решении социальных вопросов. Сближаясь с идеологами официальной народности, они представляли русский народ носителем таких «добродетелей», как смирение, религиозность, приверженность к старине.

В то же время народ для славянофилов был, по справедливому замечанию В. И. Кулешова, «не просто носитель смирения», «бараньей покорности», он являлся для них «верованием», величайшим художником, поэтом и «даже мыслителем»[1].

---

[1] *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., Худ. лит., 1976, с. 138.

В письме к Погодину, редактору журнала «Москвитянин», проявлявшему интерес и симпатии к славянофильским идеям, Мельников писал 2 марта 1841 года: «Судя по программе и двум книжкам вашего «Москвитянина», я полагаю, что главная цель его состоит в том, чтобы познакомить русских с Русью и их братьями — славянами западными. Желая быть сколько могу полезным к достижению вами вашей высокой цели, я посылаю вам четыре статьи... При принятии литератора в сотрудники господа журналисты обыкновенно обращают внимание на литературные условия. Поэтому я предлагаю вам свои: несмотря на то, что я человек очень небогатый — за деньги я не пишу. Так делал и делаю я и с А. А. Краевским»[1]. Вскоре Мельников посылает Погодину ряд статей, соответствующих направлению журнала, в том числе работы о старинной утвари и отрывок из Нижегородской летописи.

Тем не менее типичным славянофилом Мельников не стал. Он не смог принять славянофильского учения с его односторонностью и нетерпимостью. Но горячая любовь славянофилов к русской старине и русскому национальному быту была ему понятна.

В 1845 году нижегородский губернатор ген. Урусов поручает Мельникову редактирование местной газеты. С 1845 по 1850 год Мельников был редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей». На страницах редактируемой им газеты начали появляться его многочисленные статьи исторического, этнографического и статистического характера. В эти годы «Нижегородские губернские ведомости» переживали пору своего небывалого до тех пор расцвета.

Как сознается сам Мельников, газета поглощала почти все его время. Первые девять месяцев редакторства он сам писал от первого слова каждого номера до последнего, и в остальные годы почти одну треть газеты составляли его статьи. Он освещал историческое прошлое и настоящее края, особенности быта населения; промышленность и кустарные промыслы, этнографию и фольклор. Все это содействовало обогащению жизненного опыта писателя и давало богатый материал для последующей литературной деятельности, способствовало становлению литературного слога.

Многие из работ Мельникова, печатавшиеся на страницах «Нижегородских губернских ведомостей», привлекали внима-

[1] Сборник «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. 9, ч. 1. Н. Новгород, 1910, с. 151. Дальше сноски на это издание будут даваться сокращенно: Сборник, т. 9.

ние специалистов своей научной обоснованностью, богатством жизненных фактов и мастерством социального анализа описываемых явлений. Например, в статье «Нижегородская ярмарка» (1846) Русское географическое общество увидело благородную цель автора «изобразить состояние внутренней нашей торговли в минуту сильнейшего ее годового напряжения», на торжище, «где три части света — Россия, Европа и Азия — меняют свои избытки». «Представляя в книге своей официальные, непросвещенные цифры,— подчеркивается в отзыве,— г. Мельников должен был употребить много труда и усердия, но несколько беглых замечаний, почерпнутых им из собственных разведок, касательно происхождения товаров, распродажи их ходебщиками, направления путей и способов сбыта и проч., гораздо более поучительны, нежели все эти мнимые числа (официальные), и нельзя не пожалеть, что шестилетние наблюдения автора составляют лишь малую часть его книги»[1].

Впоследствии Мельников сумел привлечь к сотрудничеству в газете способных, любящих свой край земляков. Даже архимандрит Макарий под его влиянием начал заниматься русскими древностями и печатал свои сочинения в редактируемой Мельниковым газете. «Нижегородские губернские ведомости» знакомили нижегородцев с их краем.

Преподавателем Нижегородской гимназии Мельников оставался недолго. Уже в 1846 году он определяется на должность чиновника особых поручений при нижегородском военном губернаторе, что открыло перед ним широкие возможности для научных исследований в области церковного раскола. Исключительная добросовестность, хорошее знание края в сочетании с присущей ему необыкновенной энергией создали Мельникову репутацию дельного и исполнительного чиновника. Ему поручались в основном раскольничьи дела, в которые он, как правило, тщательно вникал и в ходе которых неукоснительно выполнял все предписания начальства.

Деятельность в качестве чиновника давала богатый материал для художественного творчества, способствовала обогащению жизненного опыта писателя. Он ближе познакомился с народом, изучая его не по книгам, сидя в кабинете, а столкнувшись с ним лицом к лицу.

Не ограничиваясь служебной деятельностью, Мельников ведет большую общественную работу — руководит статисти-

---

[1] См.: Автобиография П. И. Мельникова.— В кн.: *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Собр. соч. в 6-ти т. М., 1963, т. 1, с. 323.

ческим комитетом, продолжает редактировать «Нижегородские губернские ведомости», разбирает архивы, участвует в организации различных выставок и т. д. Его по-прежнему интересуют нижегородские древности, местные архивы, достопримечательности родного края.

В своей служебной деятельности Мельников в этот период не ограничивался ролью беспристрастного исполнителя указаний свыше. Он сам был убежден в том, что церковный раскол представляет серьезную опасность для общественного спокойствия.

Исполнительность и непреклонность его по отношению к старообрядцам, широкая осведомленность в истории и состоянии церковного раскола, необычайная начитанность обратили на Мельникова внимание высших властей. И в 1850 году он был переведен чиновником особых поручений Министерства внутренних дел. Но деятельность его по-прежнему должна была разворачиваться на территории Нижегородской губернии.

Особую известность Мельников-чиновник приобретает в начале 50-х годов, в период обрушившихся на старообрядцев гонений.

В 1853 году для выяснения состояния церковного раскола правительство посылает в различные губернии страны специальных чиновников. В Поволжье были направлены четыре человека: в Саратовскую губернию — сам создатель проекта уничтожения раскольничьих скитов действительный статский советник Алябьев, в Кострому — Бренчанинов и Арнольди, а в Нижегородскую губернию — Мельников. По окончании работы комиссий их руководители должны были представить подробные отчеты.

В 1852—1853 годах Мельников руководил статистической экспедицией Министерства внутренних дел, в задачи которой входило прежде всего изучение раскольничьего движения в губернии. «Отчет о состоянии раскола в Нижегородской губернии», составленный Мельниковым в 1854 году, отличался исключительным богатством фактического материала, отобранного тонким знатоком старообрядчества, и важными литературно-художественными достоинствами.

На долю Мельникова выпало и исполнение указа об уничтожении керженских и чернораменских скитов. Долгие годы нижегородские старообрядцы вспоминали Мельникова как самого опасного гонителя и преследователя. И не случайно. При исполнении служебных обязанностей он, человек по натуре не жестокий, был непреклонен, а зачастую суров. Харак-

теризуя личность П. И. Мельникова, известный революционный деятель Н. А. Морозов не без основания писал, что в нем «удивительно слились чисто русское простодушие и мягкосердечность и черта неумолимой суровости, с которой подчас исполнял он поручения по государственной службе, не останавливаясь ни перед чем, черта суровости, которой отличалась николаевская эпоха, эпоха процветания шпицрутена»[1].

Суровость и простодушие... Два, казалось бы, взаимоисключающих качества человеческой натуры. Но именно они точно характеризовали этого необыкновенного человека, сделавшего значительный вклад в наше общее культурное достояние — великую русскую литературу.

Жестокость, легко сменяющаяся добродушием, граничащим с наивностью, отличали его и в семейном и дружеском кругу. «Боже сохрани, если что-нибудь ему помешает, бывало, когда он, чувствуя настроение, засядет за работу,— вспоминает сын писателя.— Он засел писать и строго-настрого приказал прислуге никого не принимать. В доме водворялась обычная в таких случаях тишина. Вдруг в передней раздается звонок.

— Это еще кого принесло,— досадливо вскрикивает он и, запахнувшись халатом, спешит в переднюю послушать, «кого принесло».

— Дома Павел Иванович?— раздаются веселые голоса в передней.

— Никак нет-с, — робко отвечает прислуга.

— Экая досада. Ну а Елена Андреевна?

Отец делает нетерпеливое движение, прислуга совсем робеет и не знает, что отвечать.

— Барыня дома?

— Дома, пожалуйте.

— Дура,— не выдерживает отец и кричит на прислугу: «Сказано, никого не принимать!»

За дверью хохот, это еще больше раздражает его; и вот не в силах сдерживать своей досады и еще не зная, кто там находится за дверью, кричит он:

— Дома нет, дома нет! Сказано не принимать.

— Павел Иванович, да что это как нас встречаете?

— Да кто же это там?— щуря близорукие глаза, выходил он из-за двери.

— Да это мы, такие-то.— Оказывается кто-нибудь из людей, близких и приятных ему.

[1] Государств. публ. библ. им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 171, к. 13, № 21, л. 10.

— Ах, боже мой, кто ж знал,— говорил он, уже улыбаясь»[1].

Конечно, П. И. Мельникову — «зорителю» керженских скитов — приписывалось многое и из того, в чем он не был виновен. Образ жестокого преследователя жил в воображении заволжских раскольников со времен Петра I, когда сподвижник царя архиепископ Питирим, борясь с расколом, разорил почти все заволжские скиты. Имя Питирима нижегородскими старообрядцами, конечно, было забыто, но его мрачная тень осталась в их памяти. В раскольничьих преданиях жил легендарный образ гонителя, могущественный и величавый. В песнях он уподоблялся Навуходоносору. Окруженный славой, он «правит с церемонией генеральскою, облечен чуть ли не царской властью». «Он сын пагубы, отступник... Христов, знается с чертями; при появлении его гаснут свечи, меркнет дневной свет, исчезают святые лики, он слепнет от лучей увозимой им чудотворной иконы, его поражает громом в дверях моленной Комаровского скита; черт исцеляет его слепые очи и дает ему дар видеть сквозь стены. Тень его бродит... около разоренных им обителей; он появляется на дорогах в образе чиновника, на станциях меняет лошадей, едет дальше и бесследно исчезает»[2]. В легенде упоминается и Александр Дьякон, который был возведен грозным разорителем на костер. Известно, что Александр Дьякон был сожжен Питиримом. Поскольку Питирим был забыт, то с образом этого сказочного «зорителя» заволжские раскольники, пережившие разгром керженских скитов в 1853 году, и отождествили имя Мельникова, который им был ненавистен по целому ряду других причин, не связанных с разорением заволжских скитов. Еще в 1848 году Мельников увез из Шарпанского скита икону Казанской божьей матери, почитавшуюся старообрядцами чудотворной. Непоколебимая вера в то, что, пока она в их руках, нерушима будет старая вера на Керженце, толкала старообрядцев на всевозможные ухищрения вплоть до преступлений. Изъятие иконы так потрясло заволжских старообрядцев, что в течение долгого времени в их среде ходили слухи о состоявшейся будто бы подмене иконы списком и распространялись легенды о ее чудесном исчезновении из квартиры Мельникова и появлении на старом месте в Шарпане. Старообрядцы не могли простить Мельникову и приведения в единоверие керженского скита, бывшего оплотом местной беглопоповщины.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 52.
[2] Там же, т. 11, ч. 1, с. 5.

Что же собой представляло пресловутое мельниковское «зорение» скитов, положившее на него чуть ли не клеймо позора? Как пишет А. П. Мельников, в достоверности сведений которого нет оснований сомневаться, выполняя высочайшее повеление, П. И. Мельников закрыл за Волгой шесть скитов из шестнадцати существовавших. Из остальных десяти три остались нетронутыми, а в семи закрыли несколько обителей и запечатали часть часовен. Скитницы получили полугодовой срок, за который они должны были добровольно уничтожить запечатанные здания.

Вскоре отношение П. И. Мельникова к расколу резко меняется. Дальнейшее изучение старообрядчества заставило его пересмотреть свои взгляды. Начиная со второй половины 50-х годов он последовательно выступает за смягчение мер по отношению к раскольникам. Основой действий по пресечению церковного раскола с этого времени он считает веротерпимость по отношению к старообрядцам, методы убеждений «заблудших». Являясь носителем консервативного начала русской жизни, сторонники «древлего благочестия», считает он в данный период, не могут представлять какой-либо опасности для правящих кругов. Только дикость и крайнее невежество заставляют старообрядцев упорствовать в своих убеждениях. Темноту и забитость народной массы вообще Мельников считал характерным явлением своего времени и основным злом современной ему русской жизни. Лихоимство чиновничества и произвол вельмож, по его мнению, могут процветать только на почве народного невежества. Выросший и сформировавшийся в провинции, вдали от центров революционного движения, Мельников плохо разбирался в развертывавшейся общественной борьбе и не вполне понимал революционные идеи эпохи. Основным инструментом изменения и оздоровления русской жизни он считал просвещение. Эти мысли проходят красной нитью и через все художественное творчество писателя.

Как писатель-беллетрист Мельников впервые выступил в 1840 году в «Литературной газете» с повестью «О том, кто такой был Елпидифор Перфильевич и какие приготовления делались в Чернограде к его именинам»[1].

Уже в этой еще далеко не совершенной повести Мельников заявил о себе как последователь Гоголя и сторонник Бе-

[1] См.: *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Собр. соч. в 6-ти т. М., Правда, 1963, т. 1, с. 328—329. В дальнейшем в ссылках на это издание будут указываться том и страница в тексте.

линского в его борьбе за реалистические традиции в русской литературе.

Начинающий писатель стремится в ней высмеять псевдоромантизм Марлинского, с его цветистой напыщенностью и противопоставляет его художественной манере реалистический метод изображения действительности. Подражая Гоголю, он рисует быт провинциального города, рассказывает о жизни духовенства и богатых купцов.

Несмотря на добрые намерения Мельникова, его первый литературно-художественный опыт был далек от совершенства и не имел успеха. Чувствовалось недостаточное знание действительности, отсутствие жизненного опыта писателя. Отзыв Краевского был очень строгим. Автор сначала отстаивал повесть, потом вынужден был признать свою неудачу. «Плохой же у тебя вкус, если только восхищение твое не произошло единственно от родственного чувства,— писал в ответном письме к служившему в то время на Кавказе брату, выразившему восхищение «Елпидифором», П. И. Мельников.— Никогда не прощу себе, что я напечатал такую гадость; если бы можно было, я бы собрал все листки «Литературной газеты» не только на Кубани, но и во всей Великой и Малой России и все бы их в печку. Я еще мало знаю людей, чтобы писать повести, и даю тебе и себе честное слово не писать ни стихов, ни прозы до тех пор, пока не узнаю жизнь получше... Покаюсь тебе, кстати, еще в грехе: писал я повесть и повесть большущую, в 14 главах под названием «Звезда Троеславия», да этого еще мало — послал ее к Краевскому, но, слава богу, он возвратил мне ее для переделок, я ее и переделал на фидибусы...»[1].

Такая требовательность по отношению к себе при оценке первых литературных опытов свидетельствовала о высоких литературных вкусах формирующегося художника, выработанных в процессе чтения произведений Пушкина, Белинского, Лермонтова и Гоголя, которые помогли ему уяснить первостепенную задачу каждого писателя-реалиста — необходимость тщательного изучения глубинных процессов народной жизни.

Мельников твердо решает не браться за литературно-художественные занятия, пока не будет приобретен достаточный жизненный опыт. Только через двенадцать лет он почувствует себя готовым вновь попробовать свои силы в области беллетристического творчества.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 80—81.

Исключительно важную роль в писательской судьбе Мельникова сыграл В. И. Даль. Судьба свела их в Нижнем Новгороде, куда Владимир Иванович в 1848 году был назначен управляющим удельной конторой. Теплые, дружеские отношения, установившиеся между ними, были прерваны только смертью Даля. П. И. Мельников настолько привязался к нему, что все свободное время проводил в его семье. Даль покорил будущего писателя своей эрудицией, знанием народного быта и живого русского языка. Беседы с Далем укрепили в Мельникове интерес к устной поэзии народа, его меткой речи и простонародному быту.

В. И. Даль впервые открыл в Мельникове художника слова. Ему же обязан Мельников-Печерский и своим литературным псевдонимом. По совету Казака Луганского Мельников взялся за литературно-художественный труд. «Далем был придуман и псевдоним отцу,— вспоминает сын писателя, Андрей Павлович Мельников.— Об этом обстоятельстве отец рассказывал так: «Когда я пришел и прочел Далю первый набросок первого своего рассказа, Даль одобрил.

— Ну вот и прекрасно. Выработайте да и в печать.— Отец сказал, что все-таки не решается подписываться своей фамилией.— А псевдоним?

— Псевдоним? Но какой же мы придумаем псевдоним?— говорит отец.— Вот вы жили в Луганске и назывались Казаком Луганским...

— Ну, а вы где живете?— перебил Даль.

— В Нижнем, Нижегородский, Нижегородцев,— все както неблагозвучно.

— Нет, да вы мне скажите, где живете,— настаивал Даль.

— Как где? В Нижнем.

— А где именно в Нижнем-то?

— На Печерке.

— Вот вам и псевдоним — Печерский. Да еще, кроме того, вы живете в доме Андреева — «Андрей Печерский»[1].

Впервые под псевдонимом Печерский Мельников выступил в № 17 редактируемых им «Нижегородских губернских ведомостей» в 1850 году со статьей «Концерт в Нижегородском театре». Начиная с рассказа «Красильниковы», написанного по совету В. И. Даля и опубликованного в 1852 году в «Москвитянине», имя Андрей Печерский становится его постоянным литературным псевдонимом. Рассказ был написан

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 27.

по нижегородским впечатлениям от общения с купцами и мещанами губернии.

В 1856 году семья Мельниковых переехала в Петербург. Поселившись в Троицком переулке в доме И. С. Лукунова, простого мужика, содержателя извозчичьего двора, Мельниковы вели замкнутый образ жизни, изредка навещая своих немногочисленных знакомых, мало кого принимая у себя. Наиболее частыми гостями у них были К. Н. Бестужев-Рюмин, нижегородец Н. П. Смирнов, впоследствии товарищ обер-прокурора святейшего синода. Бывал там довольно часто А. Н. Майков, работавший в то время над своим «Жаждущим странником», навеянным рассказом П. И. Мельникова «Гриша». Заходили композитор Серов, драматург Аверкиев. Заезжали иногда земляки-нижегородцы. Хорошо знал Мельников Н. А. Некрасова, но относился к нему недоверчиво и настороженно. «Очень смутно помню,— вспоминал А. П. Мельников, — бывшего как-то раз или два у нас Некрасова, которого я ребенком очень боялся и которого, как помнится, недолюбливал и отец, называя его человеком неискренним и двуличным»[1].

В то время после смерти Николая I в России явно ощущалась волна либеральных веяний. Всеобщее оживление, радужные надежды на лучшее характеризовали русское общество этой поры. «Петербург в то время был не просто Петербург, т. е. «скука, холод и гранит»,— вспоминал писатель-демократ В. Слепцов.— Это было какое-то место свидания, в которое со всех концов России сходились люди, не имевшие до тех пор понятия друг о друге, и встречались здесь как старые знакомые; все говорили вдруг и притом одно и то же; все повторяли одно и то же слово, и всем оно нравилось... Настоящих дел еще никаких не было, но зато надежд и начинаний было столько же, сколько людей... Неудач и разочарований еще никаких не было, потому что все еще было внове, все только что еще начиналось; и все именно этому и радовались, что старые счеты можно похерить и опять начинать жизнь сначала»[2]. Но и тогда в среде русской интеллигенции нельзя было не уловить предчувствия неизбежного размежевания. Уже в середине 50-х годов из журнала «Современник» уходит Дружинин, ставший вскоре одним из наиболее последовательных противников философско-эстетических взглядов Чернышевского.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 36.

[2] *Слепцов В.* Сочинения. В 2-х т. М., Худ. лит., 1957, т. 2, с. 382.

Представители либерально-эстетической критики (Дружинин, Анненков, Боткин) повели последовательную ожесточенную борьбу против революционно-демократических идей. Человеку из провинции нелегко было разобраться в происходящих событиях. Его позицию в общественной борьбе часто определяли случайные обстоятельства — биографические факты, окружение.

В 1856 году в Министерстве внутренних дел начинает службу, тоже в должности чиновника особых поручений, М. Е. Салтыков. Он стал для Мельникова-литератора примером для подражания. Салтыков в то время только что вернулся из вятской ссылки и еще не успел сориентироваться в расстановке общественных сил. Влияние Дружинина, с которым будущего сатирика связывали давние дружеские отношения, сказалось в его либеральных иллюзиях, которые ощутимы и в опубликованных в 1856 году «Губернских очерках». Безусловно, близость Салтыкова-Щедрина с Дружининым определялась не единством идейно-политической позиции, а личной привязанностью, умением Дружинина «любить своих друзей», за что его самого «искренне любили и уважали». Пройдет немного времени, и Салтыков-Щедрин противопоставит «артистической теории» Дружинина идею общественного служения, отвергнет его эстетику «свободного творчества».

Шумный успех «Губернских очерков», разоблачающих пороки бюрократической крепостной России, оказал стимулирующее воздействие на Мельникова-Печерского.

Во второй половине 50-х годов он, подобно Салтыкову-Щедрину, создает целый ряд обличительно-сатирических рассказов — «Дедушка Поликарп» (1857), «Поярков» (1857), «Медвежий угол» (1857), «Непременный» (1857), «Именинный пирог» (1858) — и повестей — «Старые годы» (1857) и «Бабушкины россказни» (1859).

Рассказы и повести Мельникова-Печерского, написанные в 50-е годы, привлекли к себе внимание широкого читателя. Передовая критика эпохи увидела в лице Печерского выдающегося писателя-реалиста щедринской школы.

В 1858 году нижегородский продавец А. Давыдов предпринял было отдельное издание «Рассказов А. Печерского», но, не получив одобрения цензуры, оставил свое намерение. Только в 1876 году повести и рассказы Мельникова-Печерского вышли отдельной книгой.

Обличая в своих первых литературно-художественных произведениях существующие общественные порядки, Мельников в то же время отвергал революционный путь преобра-

зования страны. Его позиция в развертывавшейся общественной борьбе в основном совпадала с позицией либералов. Между тем надвигались бурные события, связанные с борьбой вокруг вопроса об освобождении крестьян.

Неудачная Крымская война 1853—1856 годов показала всю гнилость и отсталость самодержавно-крепостнической России, разбудила народные массы и всколыхнула передовую русскую интеллигенцию. После поражения России в войне со всей остротой встал вопрос о немедленной ликвидации крепостнических отношений как тормоза в развитии страны.

Во второй половине 50-х годов складываются две основные общественные тенденции, окончательно оформившиеся к 1861 году,— демократическая и либеральная,— которые определяли развитие всей общественной мысли эпохи. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, возглавлявшие лагерь «мужицких демократов», в противоположность либералам, возлагавшим все надежды на царскую реформу, призывали народ к революции.

В период революционной ситуации 1859—1861 годов, когда возможность народного восстания стала вполне очевидной, Мельников при всем своем сочувствии угнетенному народу и ненависти к деспотизму занял откровенно реакционные позиции. «По убеждениям человек порядка,— вспоминал об отце Андрей Павлович,— он, однако, не был заядлым фанатиком известного установившегося правительственного режима и подчас одинаково резко отзывался в интимном кругу своих близких как о представителях тогдашнего правительства, так и о представителях оппозиции, в которой впрочем не видел прочных основ»[1]. Неумение разобраться в обстановке, недооценка революционно настроенных кругов, неверие в их силы и возможности определили его реакционную позицию в развернувшейся борьбе. В 1863 году в связи с подъемом польского национально-освободительного движения он пишет отличающуюся шовинистическими выпадами против польского народа реакционную брошюру «О русской правде и польской кривде», направленную против революционных партий. Она вызвала против автора возмущение всей передовой общественности.

Брошюра была написана Мельниковым по поручению Министерства внутренних дел и продавалась по удешевленной цене на ярмарках и через специальных разносчиков. Стремясь возбудить в народе недоверие и ненависть по отноше-

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 8.

нию к польским патриотам и их русским друзьям — революционным демократам, Мельников рассматривал свою брошюру как «пропаганду против возмутительной пропаганды»[1].

М. Е. Салтыков-Щедрин, посвятивший этой книге специальную рецензию, писал, что подобная литература, проникнутая мракобесием и человеконенавистничеством, наносит большой ущерб освободительному движению и вред народным массам.

В 1859 году при поддержке министра внутренних дел Ланского Мельников получает разрешение на издание ежедневной газеты «Русский дневник».

В программу этой газеты входило обозрение внутренней жизни страны, науки, искусства и литературы.

Но газета значительно проигрывала в том, что не имела иностранного политического отдела.

Главным помощником Мельникова по изданию газеты был А. И. Артемьев, человек спокойного, уравновешенного нрава, что было очень важно для успеха дела, поскольку сам Мельников отличался нервным, порывистым характером.

В «Русском дневнике» помещались корреспонденции из разных мест провинциальной России, сообщались самые разнообразные сведения, почерпнутые из донесений губернаторов министру внутренних дел, который разрешил Мельникову использовать эти материалы. Значительную часть газеты занимали статьи самого Мельникова, подписанные инициалами П. М.

Поскольку газета издавалась чиновником Министерства внутренних дел, ее многие воспринимали как орган этого министерства. По этому поводу Ланскому приходилось выслушивать нарекания и замечания, и он в конце концов вынужден был предложить Мельникову одно из двух — или оставаться чиновником министерства, или полностью отдаться редакторской работе. «Не имея состояния,— пишет П. Усов,— Мельников... предпочел остаться на государственной службе, дававшей ему средства к жизни»[2]. К тому же «Русский дневник», не отличаясь прогрессивностью направления, имел мало подписчиков (всего 1518), и издание газеты не оправдывало себя. Более того, после прекращения ее издания в том же 1859 году Мельников оказался в долгу и вынужден был взять в министерстве ссуду в сумме 3000 руб., которую потом стали высчитывать из его скромного жалования.

---

[1] *Усов П. С.*, с. 205.

[2] Исторический вестник, 1884, т. 18, № 11, с. 338.

В 1864 году по предложению нового министра внутренних дел Валуева Мельников вновь берется за редакторскую работу, на этот раз руководит внутренним отделом ежедневной официальной газеты «Северная почта», которая стала выходить вместо ежемесячного «Журнала Министерства внутренних дел». Редакторская работа была не по душе молодому писателю, стремящемуся к активной литературно-художественной деятельности. Лишь постоянная материальная необеспеченность заставляла его браться за нелюбимое дело. «Согласитесь, что человеку сам пят жить в Петербурге на 1500 руб. с прибавкой каких-нибудь 300 рублей с имения — нельзя,— писал он графу Д. Н. Толстому в Нижний Новгород.— Поневоле пойдешь в газетчики. Тут ведь как не интересуйся работой, как не люби предмет, а бросишь, если нужно приняться, и приняться за вздор, за какую-нибудь газетную статью, чтобы семья была сыта и тепла»[1].

В это время у Мельникова было шестеро детей — «мал мала меньше». Писатель работал дни и ночи, чтобы выбиться из нужды. Крайняя необходимость в заработке порой заставляла его писать не покладая пера. Вспоминая эти годы, Андрей Павлович писал: «Проработав неделю, две, три, не выходя из кабинета, отработав полученный обыкновенно вперед аванс и сверх того несколько сот рублей, отец бросал работу и не принимался за нее до тех пор, пока не приходила к нему мать и не заявляла, что деньги выходят... Отец делался не в духе, принимался было за работу, но вскоре опять бросал ее, предпочитая взять снова аванс, но вот аванс подходил к концу, и мать опять напоминала ему, что нужно бы позаботиться о средствах. Он принимался писать и опять запирался у себя в кабинете»[2].

В 1866 году Мельников был переведен без жалованья в распоряжение московского генерал-губернатора. Переселившись в Москву, он начал сотрудничать в «Московских ведомостях», а с 1868 года — в журнале Каткова «Русский вестник». Материальное положение семьи значительно улучшилось. Мельниковы теперь живут в просторной, богато и со вкусом обставленной квартире, их детей обучают приходящие учителя. Сам хозяин семьи как будто переродился. Веселый, добродушный, жизнерадостный, он был неузнаваем.

Но эта семейная идиллия продолжалась недолго. Вскоре Мельников не поладил с Катковым и вынужден был уйти из редакции.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 30.

[2] Там же, с. 52.

В 1868 году он с семьей поселяется в доме В. И. Даля в Грузинах, недалеко от зоологического сада, где прожил около трех лет. Автору «Толкового словаря живого великорусского языка» в то время было около 70 лет. Он работал над «Картинами русского быта», печатавшимися в «Русском вестнике». Дружеские беседы Мельникова со своим учителем возобновились. «То было время увлечения славянофильством,— пишет А. П. Мельников.— В Москву приезжали славянские депутаты, и все они бывали у Даля... Некоторые из них бывали у нас... Вернулся в Россию покаявшийся и помилованный Кельсиев»[1]. Кельсиев почти каждый день заходил к Мельниковым, рассказывал о Герцене, о своих заграничных поездках, о русских раскольниках, поселившихся в Австрии. Заходил перешедший к тому времени в единоверие бывший старообрядческий архиерей Пафнутий, с которым Мельников любил беседовать о расколе.

Разрыв с передовыми общественными кругами и прорывавшиеся нотки критического отношения в адрес представителей реакционных кругов, не позволявшие ему окончательно стать в их ряды, порождали трагедию одиночества и неудовлетворенности жизнью и собой. Мельникову казалось, что его не понимают и не могут оценить по достоинству. Жизнь его складывалась не так, как он желал бы. С людьми он сходился нелегко. Был прям, а зачастую резок в отношениях с окружающими, чем вызывал недовольство, а нередко и вражду с их стороны.

В 60-е годы Мельников пишет многочисленные статьи по истории церковного раскола, целый ряд работ по русской и общей истории. Он публикует их в столичных журналах и в «Нижегородских губернских ведомостях». Не все они равноценны в научном отношении. Некоторые из них представляют собой передачу любопытных архивных документов или исторических событий, снабженных комментариями. Важное значение в этот период творчества Мельникова-Печерского имеет жанр научно-популярного исторического очерка.

В 60-е годы в литературных кругах значительно возрастает интерес к историческим фактам. В связи с ослаблением цензурного гнета после смерти Николая I начали публиковаться различные исторические документы и воспоминания. Важное место среди этих публикаций занимали работы на политические темы.

Наиболее значительными историческими очерками подоб-

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 52.

ного рода у Мельникова-Печерского являются «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» (1867) и «Авдотья Петровна Нарышкина» (1872). В «Княжне Таракановой» Мельников-Печерский, с одной стороны, стремился выяснить подлинную историю авантюристки, «отделить легенду от реальных фактов», с другой — раскрыть политическую борьбу, развернувшуюся в Европе во второй половине XVIII века. Показывая политические события изображаемой эпохи, он оценивает их с точки зрения современной ему политической борьбы. По мнению М. П. Еремина, Мельников-Печерский, передавая историю «принцессы Владимирской», «как бы «уточняет» свою позицию в польском вопросе»[1]. Здесь он уже не стремится обвинить весь польский народ в антирусских выступлениях. По его мнению, враждебно по отношению к России издавна были настроены лишь крупные польские магнаты, такие, как Браницкий, Радзивилл и другие, которые поддерживали политические претензии интригантки и подрывали авторитет Екатерины II и ее правительства.

Используя архивные документы и достоверные факты, Мельников-Печерский подробно рассказывает о похождениях авантюристки, «загадочной женщины», которая в 70-х годах XVIII века, после первого раздела Польши, за границей объявила себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны, рожденной от ее брака с графом А. Г. Разумовским.

Несмотря на постоянные материальные затруднения, Мельников-Печерский отказывается от предложений поступить снова на чиновничью службу. «В губернаторы попасть мне можно, но я ни за что на свете не пойду в губернаторы»[2],— писал он в одном из писем жене.

Спокойная жизнь в Москве давала ему возможность полностью отдаться литературному творчеству. П. С. Усов, первый биограф и исследователь творчества П. И. Мельникова-Печерского, с уверенностью пишет, «что если бы Мельников не переселился в Москву, то русская публика не прочитала бы ни «В лесах», ни «На горах»[3]. «Живя в Петербурге, я не работал столько, сколько теперь пишу,— делился своими соображениями с женой в письме сам писатель.— В Москве работа удобнее, а в деревне, как ты сама нынешним летом могла заметить, еще удобнее. Я мало занимался в Пестрякове делами, а написал более восьми листов, что бывало писывал

---

[1] *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Собр. соч. в 6-ти т. М., Правда, 1963, т. 6, с. 421.

[2] Исторический вестник, 1884, т. 19, с. 566.

[3] Там же, с. 565.

в полгода, а живя в Петербурге, и в год того не мог написать»[1].

Активную работу над романом «В лесах» Мельников-Печерский начал в 1868 году. Зимой Москва, летом деревня — Пестряково или Ляхово Горбатовского уезда Нижегородской губернии, куда часто заезжали заволжские раскольники и олонецкие сказители,— были излюбленными местами пребывания писателя. Родные места, волжская природа и общение с простыми людьми исключительно благотворно влияли на него, вдохновляли на творческий труд, давали материал для его романов и возбуждали поэтическое воображение. «В Ляхове,— вспоминает А. П. Мельников,— отец как будто перерождался, даже образ жизни его принимал здесь нормальный ход, здесь он не обращал ночь в день, как в Москве, напротив, вставал чуть не на заре, когда в Москве обыкновенно ложился, работал не ночью, а днем»[2].

Уже первые главы романа «В лесах» были восторженно приняты читающей публикой. Судя по воспоминаниям современников писателя, нашедшим отражение в критических статьях и очерках творческого пути Мельникова-Печерского, каждую очередную главу читатели ждали с нетерпением. Мельникова сравнивали с Гомером, цитировали как великого знатока народного духа и русского языка[3].

Успех первых глав начатого романа побуждал Мельникова-Печерского с удвоенной энергией отдаваться литературному труду.

Чиновничья деятельность его уже не привлекает: «До звезд и лент, ты знаешь, я не охотник,— пишет он жене 26 октября 1872 года по поводу возможности получить место губернатора.—...но губернатору,— продолжает писатель,— неудобно возиться с Патапами Максимычами и Манефами. Пожалуй как раз и выгонят: своим, дескать, делом не занимается. Да при том и некогда. А где и когда найдешь необходимую для литературного труда сосредоточенность, где возьмешь необходимое спокойствие духа?»[4].

Начиная с 1868 года Мельников-Печерский связал свою литературную судьбу с журналом «Русский вестник». «В 70-х годах,— вспоминает дочь писателя,— многие журналы, более

---

[1] Исторический вестник, 1884, № 19, с. 565.

[2] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 58.

[3] См.: *Марков Д. А.* Язык и стиль Мельникова-Печерского в оценке русской критики.— Уч. зап. Московского пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1957, т. 18.

[4] Исторический вестник, 1884, т. 19, с. 556.

популярные, чем «Русский вестник», главным образом «переманивали» его к себе, но он не оставлял «Русского вестника»... из-за корректур. Он держал обычно до шести корректур»[1].

С переездом в столицу деятельность П. И. Мельникова-Печерского на территории Нижегородской губернии не прекратилась. Он выполнял самые разнообразные поручения: исследовал состояние дел на Нижегородской ярмарке, а в 1861 году сопровождал наследника русского престола с его свитой, командировался в северные и восточные районы губернии с целью изучения их этнографии и природных условий, изучал состояние раскола в Семеновском уезде и др.

Во время одной из командировок на Нижегородскую ярмарку в первой половине 60-х годов Мельников-Печерский познакомился, а потом близко сошелся с известным в то время нижегородским краеведом А. С. Гациским, который одно время также служил чиновником особых поручений при губернаторе. А. С. Гациский был типичным представителем прогрессивной русской интеллигенции. Несмотря на разницу общественно-политических убеждений, между ними установилась тесная дружба, определяемая общностью литературных и историко-этнографических интересов. А. С. Гациский высоко ценил литературное дарование П. И. Мельникова, гордился своим земляком, а Мельников-Печерский видел в Гациском прекрасного знатока своего края и видного статистика. В 1879 году, когда нижегородский губернатор Кутайсов подал донос в Министерство внутренних дел на Гациского, Мельников-Печерский направил все свои усилия на то, чтобы выручить земляка. «Не унывайте и будьте бодры,— писал он ему 27 января 1879 года.— За вас целая коалиция образовалась: Бестужев, я, Семенов, Косоговский, Богданович, Гр. Уваров, Шумахер (новый сенатор), Барыков. Завтра, 28-го буду еще о вас говорить Макову. Семенов уже говорил Дрентельну и убедил его... Я поручился за вас, как за себя, говорил с Валуевым, с Перфильевым... На днях поговорю с Григорьевым (дела печати), его также надо взять в коалицию»[2].

Роман «В лесах» был закончен в 1874 году, а в 1875-м вышел отдельной книгой и был воспринят публикой как выдающееся историко-литературное явление. В ноябре 1874 года литературная общественность страны праздновала 35-лет-

---

[1] ЦГАЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 321, оп. 2, № 1, л. 25.

[2] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 232—233.

ний юбилей литературной деятельности П. И. Мельникова-Печерского.

После юбилея круг знакомых писателя значительно расширяется. Он стал популярен. К нему обращается сам Третьяков с просьбой разрешить художнику Крамскому написать с него портрет для картинной галереи.

Примерно к этому времени относится знакомство Мельникова с Писемским, который жил тогда в своем доме в Ржевском переулке в Москве.

В начале 80-х годов случилось Мельникову-Печерскому встретиться со студентом медицинского факультета Московского университета Антоном Чеховым и заметить в нем незаурядное дарование.

Брат Антона Павловича, Николай, товарищ Андрея Павловича Мельникова, познакомил его со своими братьями — Александром и Антоном. Все восхищались старшим братом Николая, юношей блестящим, занимавшимся философией и немецкой поэзией, замечательным оратором. Антон Павлович был очень скромен и даже застенчив. «Однажды братья Чеховы зашли ко мне,— вспоминает сын Мельникова-Печерского.— Отец редко удостаивал моих товарищей своей беседой. Иногда выйдет, бывало, из кабинета в своем сером халате... посидит минуты две, три и уйдет, но на этот раз он как-то засиделся, завел беседу с Чеховым, да и просидел целый вечер, причем меня немало удивило, что главное внимание уделял он не блестящей звезде — Александру, а все больше обращался к Антону. Когда Чеховы ушли, я было заговорил об Александре, но отец перебил меня: «Нет, вот другой, этот Антон... ведь он, кажется, пописывает, вот из него, пожалуй, что-нибудь выйдет»[1].

Действительно, Мельников обладал удивительной способностью с первого взгляда определять человека. Распознав с двух-трех слов пустого, никчемного собеседника, он терял к нему какой бы то ни было интерес.

Успех первого романа заставил П. И. Мельникова-Печерского продолжить повествование о нижегородских старообрядцах в новом произведении — романе «На горах». По словам А. П. Мельникова, второй роман «почти целиком» был написан в Ляхове, где писатель проводил каждое лето. Зимами же Мельников работал очень мало.

В начале 70-х годов значительно укрепляются связи писателя с отчим краем. Верстах в восьми от Нижнего Новгорода

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 31.

находилось имение его жены Елены Андреевны, урожденной Рубинской,— Ляхово, в котором лет 15 никто не жил. Усадьба была в полной запущенности. Старый господский дом оказался полуразрушенным, и жить в нем было невозможно. Но Мельникова тянуло в родные края, и он решил отстроить заново оставленное гнездо. Ждать же окончания строительства он не мог. В 1872 году за недорогую цену ему удалось взять на время имение старого севастопольского героя, генерала Скалкова в деревне Пестряково Горбатовского уезда, куда семья и перебралась на лето. Здесь, в Пестрякове, были закончены последние главы романа «В лесах».

На следующее лето Мельниковы жили уже в Ляхове в большой избе крестьянина Василия Большого. Здесь писатель начал работу над первыми главами второй части своей дилогии — романа «На горах».

А в это время на старом пепелище строился большой новый дом. Мельников был доволен своей затеей, испытывал большое удовлетворение от общения с земляками. Вечером любил посидеть на завалинке, беседуя с плотниками, поговорить с мужиками, среди которых было у него немало друзей. Иногда целыми часами беседовал он у себя в кабинете с местным волостным старшиной Кононовым. Изредка ездил в Нижний.

На лето в Ляхово обычно приезжал Бестужев-Рюмин. Круг знакомств писателя и здесь был не широк. «Он вообще был разборчив в своих сближениях с людьми и мало кого удостаивал своим знакомством»[1],— пишет об отце Андрей Павлович.

Единственным человеком в Нижнем, с которым он охотно общался, несмотря на прямую противоположность их общественно-политических убеждений, был А. С. Гациский.

В 1881 году Мельников навсегда возвращается в Нижний Новгород. Его здоровье к этому времени значительно пошатнулось, у него отнялись ноги, он осунулся, стала изменять когда-то замечательная память. «Память его, всегда его спасавшая,— еще годом раньше писал Гациский о Мельникове,— служит ему теперь предательски... Вчера за чаем на вопрос его, кто провел Зыбина в губернаторы, я ему рассказал со слов Зыбина о речи его государю после взрыва в Зимнем дворце... А сегодня за чаем Мельников с обычной своей манерой, когда он хочет кого удивить (начал.— *В. С.*): «А знаете, как он (Зыбин) сделался губернатором?» И рассказывает то,

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 58.

что я ему рассказал, прибавив и о трудности его положения... ухо в ухо, как я ему сообщил, и с тем же оттенком рассказа моего»[1].

Последние главы романа дописывались под диктовку уже тяжело больного писателя, даже не имеющего возможности самостоятельно передвигаться.

Еще в 1881 году он начал утрачивать дар речи. А в 1882 году его могла понимать — и то с большим трудом — лишь жена, с которой писателя всю жизнь объединяла тесная духовная близость. И все же Мельников не переставал работать. В 1881 году он замышляет и начинает диктовать исторический роман из эпохи XVII столетия «Царица Настасия». Но постоянные провалы памяти не давали ему возможности сосредоточиться: то он повторял только что продиктованное, то забывал, о чем хотел сказать, то делал странные речевые обороты.

Умер П. И. Мельников-Печерский в своем родном городе 1 февраля 1883 года (ст. стиля) и был похоронен в Крестовоздвиженском монастыре.

---

[1] Литературный музей им. А. М. Горького в г. Горьком, фонд А. С. Гациского. Записная книжка (выписки), л. 27.

II
«...ЧТО ЩЕДРИНУ, ТО И ПЕЧЕРСКОМУ»

Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.

Н. А. Некрасов

Началом вступления Мельникова-Печерского в «большую литературу» был его рассказ «Красильниковы» (1852). Он появился в эпоху «мрачного семилетия», накануне общественного подъема 60-х годов. К этому времени писатель располагал богатым жизненным опытом, глубоким пониманием противоречий русской действительности и определенными литературно-художественными навыками. Не случайно этот рассказ сразу же обратил на себя пристальное внимание критики. Он отличался ярко выраженной социальной проблематикой, жизненной правдой и серьезными художественными достоинствами. «Превосходной повестью» назвал его Панаев, подчеркнувший, что «по верности действительности, по меткости и силе впечатления этот рассказ может быть поставлен наряду только с лучшими произведениями»[1]. «Библиотечка для чтения» увидела у автора «необыкновенное умение владеть чистым языком», необыкновенную безыскусственность изложения и необыкновенную верность в малейших подробностях тому, что есть на самом деле»[2]. Высокую оценку произведению дали и либеральные «Отечественные записки».

По сравнению с предыдущими литературными опытами Мельникова, в частности с «Дорожными записками...», «Красильниковы» явились большой победой художника.

Хороший знаток народной жизни и быта средних слоев общества, Мельников-Печерский в рассказе «Красильниковы» сумел запечатлеть важный исторический факт — появление нового хозяина жизни, претендующего не только на экономическое, но и политическое господство. По верности изображаемой действительности Мельников-Печерский здесь не усту-

---

[1] Современник, 1852, № 5, отд. 6, с. 126.
[2] Библиотека для чтения, 1852, № 5, с. 194—195.

пает Островскому, давшему уже в пьесах 40—50-х годов целую галерею исключительных по выразительности и верности жизненной правде типов русских купцов.

Однако Корнила Егорыч Красильников значительно отличается от Самсона Силыча Большова из пьесы Островского «Свои люди — сочтемся». Герой Мельникова, человек предреформенной поры, далеко ушел от своего предшественника. Он более цепок и практичен, его по кривой не объедешь и не обойдешь. Власть и экономическая сила Корнилы Егорыча распространяются не только на домашних и работников. Красильников критически оценивает деятельность чиновников, рассуждает о государственной экономике, о пользе просвещения. Сознавая свою силу и роль в экономической жизни страны, убежденный в собственном превосходстве над окружающими, он всеми силами стремится не отстать от времени и быть на высоте.

Описывая быт героя, показывая его отношения с окружающими, писатель обнажает его психологию, создает исторически верный портрет буржуазного дельца еще патриархальной складки, но уже осознающего свою общественную значимость и силу. Очень неуютно чувствует пока себя Корнила Егорыч в парадных комнатах своего большого дома, строенных не на житье, а людям напоказ.

Незабываема зала Корнилы Егорыча с отделанными под мрамор стенами и раззолоченными карнизами, где рядом с логиновской литографией красуется на окнах в полуразбитых чайниках стручковый перец.

Вообще деталь при описании бытовой обстановки играет у Мельникова-Печерского роль чрезвычайную. «Кроме перепела да перца, остальное было чуждо, несродно хозяину: здесь ему и свое не свое, здесь и сам он ровно на выставке — миру напоказ. Ничего для себя; все для чужих; даже гипсовых Вольтера с попугаем поставил он передом на улицу» (т. 1, с. 8)[1]. Поэтому-то он и пробирается осторожно всякий раз из раззолоченных палат в укромный уголок с теплой изразцовой лежанкой, крепким сосновым столом и стулом-складнем, двуспальной кроватью с пуховиком и дюжиной подушек.

Характерно то, что писатель не выражает своего отношения к новому хозяину жизни, идущему на смену разоряющемуся дворянству. Он беспристрастно описывает залы Корнилы

---

[1] Здесь и далее цитируется по изданию: *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Собр. соч. В 6-ти т. М., Правда, 1963.

Егорыча, раскрывает его отношения с детьми, окружающими, как бы предлагая читателю: смотрите и делайте выводы сами. А выводы безотрадны: Корнила Егорыч — большая сила, но сила страшная и бесчеловечная. Стремление не отстать от других, не ударить в грязь лицом не мешает ему быть преградой на пути прогресса и просвещения. «Говорят люди,— рассуждает он,— красна птица перьем, человек уменьем... Говорят: ученье свет, неученье тьма... Врут люди! Ученье — прямо мученье, а нашему брату погибель» (т. 1, с. 16). Обладая незаурядным природным умом и сильным характером, он выступает стойким защитником консервативных начал русской патриархальной жизни. Уроки, преподносимые ему жизнью, Корнила Егорыч расценивает по-своему, по-домостроевски. Будучи виновником гибели невестки и сумасшествия сына, он не только не понимает этого, но более того — считает себя несчастным отцом, жертвой цивилизации и просвещения.

Старший сын Красильникова, Дмитрий, преуспевая в ученье, против купеческого обыкновения, окончил университет с золотой медалью, побывал за границей, узнал настоящую жизнь. Умный и талантливый, он прекрасно вел отцовские дела, был его незаменимым помощником и опорой. И замышлял было уже Корнила Егорыч «в Питере контору открыть, дом купить... в Лондоне приказчика держать» (т. 1, с. 21). Процветать бы делу Красильникова, если бы не его жестокость и крутой нрав. Ослушался его всегда скромный и послушный Митя, изменив стародедовским обычаям, против родительской воли на бесприданнице немке женился. Мог ли с этим смириться привыкший к беспрекословному послушанию со стороны окружающих купец-самодур? Разгневанный свекор так избил невестку, что та после побоев не смогла оправиться, а Митя сошел с ума.

Связь Красильникова с правящей бюрократией подчеркивается в рассказе довольно красноречиво. Тугой карман заставляет местные власти сквозь пальцы смотреть на бесчинства крупного воротилы. Неограниченный властитель над домашними и рабочими кожевенных заводов, он безнаказанно чинит суд и расправу, не останавливаясь даже перед уголовным преступлением.

Уже в этом произведении Мельников-Печерский обнаружил свое замечательное мастерство художника — умение живо и интересно развивать сюжет, рисовать выразительные характеры и владеть всеми богатствами образной народной русской речи.

«Природный, светлый ум» Корнилы Егорыча, человека себе на уме, раскрывается как в авторской характеристике, так и в его речи, пересыпанной пословицами, поговорками и мудрыми изречениями: «зелен виноград — не вкусен, млад человек не искусен» (т. 1, с. 14); «хоть детское сердце и в камне, да отцовское в детках» (т. 1, с. 23); «свои собаки грызутся, чужа не приставай» (т. 1, с. 23) и т. д.

Большой художественной убедительностью отличаются и другие персонажи произведения — Митя, Сережа. Читатель с необычайным волнением «слушает» рассказ о Мите, болью в душе отзывается драма героя, сломившая и навсегда повергнувшая его в пучину безумия.

Сам портрет Мити раскрывает весь трагизм его безвозвратно загубленной жизни: «Тот шальной был молодой человек лет под тридцать, в загрязненной, просаленной насквозь холщовой рубахе и в дырявых сапогах. Взъерошенная голова, казалось, сроду не была чесана, небольшая бородка свалялась комьями, бледно-желтое, худощавое лицо обрюзгло, рот глупо разинут; но в тусклых, помутневших глазах виднелось что-то невыразимо-странное, что-то болезненно-грустное... Потухающий ум последней, прощальной искрой светился в том взоре» (т. 1, с. 15).

О младшем сыне Красильникова автор хотя и не рассказывает так пространно, но фигура будущего самодура вырисовывается перед читателем во весь рост: «Сережа, парень лет двадцати трех-четырех, румяный, здоровый, с богобоязненным видом и тихой поступью, робко вошел в комнату. Низко поклонясь, мирно остановился он у притолоки, глядя исподлобья на родителя» (т. 1, с. 14). Но этот тихий смиренник крут и жесток в обращении с рабочими и зависимыми от него людьми. Не случайно сам отец признается, что Сережу «похвалить не за что».

Рассказ «Красильниковы» имел необычайный успех, о нем говорили как о незаурядном литературном явлении. «Повесть эта,— писалось в № 4 журнала «Современник» за 1852 год,— обличает в авторе, имя которого мы встречаем в первый раз (если только оно не псевдоним), тонкую и умную наблюдательность и при этом большое умение владеть языком. Перед силою, сжатостью и безыскусственностью его рассказа, в котором нет ни одной слабой или неверной черты, ни одного неуместного, вычурного слова, где действительность является без прикрас, без подмалевок, без ухищрений фантазии,— бледнеют даже некоторые рассказы лучших и талантливейших современных писателей».

В рассказе «Красильниковы» проявилась и другая особенность Мельникова-художника — его склонность к использованию в работе личных наблюдений, ярко выраженный этнографизм и высокая степень обобщения фактов. Не случайно писатель снабдил произведение подзаголовком «Из дорожных записок». В своих воспоминаниях об отце А. П. Мельников пишет: «Когда читаешь «Красильниковых», так и кажется, что происходит это не то в селе Богородском Горбатовского уезда, пе то в Катунках Балахнинского — селениях, известных своим кожевенным производством»[1].

Во время частых поездок по Поволжью Мельникову приходилось сталкиваться с людьми самых разных сословий — с купцами, мещанами, крестьянами, наблюдать их нравы, быть свидетелем всевозможных жизненных коллизий и драматических сцен, разыгрывавшихся в их быту. О реальной жизненной основе «Красильниковых» писал в 1910 году В. А. Климентовский: «Сюжетом этой повести («Красильниковы».— *В. С.*) послужили семейные дела чебоксарского купца Я. Т. Крашенникова, в доме которого студент Мельников всегда останавливался на пути из Казани в Нижний на весенние каникулы»[2].

«Красильниковы» определили дальнейший путь Мельникова-писателя, открыли ему широкий доступ в литературу, повесть «читали нарасхват», как сообщал сам Мельников своей жене из Петербурга.

«Прекрасна у вас повесть «Красильниковы»,— писал издателю «Москвитянина» М. А. Дмитриев.— Это писано с натуры. У нас, в Сызрани, 16 июня (1852) застрелился сын купеческого головы Меркулова. Отец дал ему поверхностное воспитание, выучил по-французски, приставил к нему гувернера. Сын, отведав просвещения, просился в Московский университет; отец слышать не хотел; он же был отчасти и раскольник. Молодой человек от этого застрелился. Один сын у отца и был. Вот вам под пару к Красильникову — испытанная жертва закоренелого русского невежества!— Не подосадуйте на это заключение. Оно то же, какое в вашей повести»[3].

Резкая критика в рассказе современной писателю действительности, обличение господствовавших в стране порядков вызвали недовольство в правительственных кругах. В одном из писем к близким Мельников в то время писал: «Может, до

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 27.

[2] *Климентовский В. А.* П. И. Мельников-Печерский.— В кн.: Русские писатели в Татарской АССР. Казань, 1951, с. 173.

[3] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 22. СПб., с. 201.

вас дойдут слухи, что я арестован. Повесть «Красильниковы» имела сильный успех, но цензура, говорят, возонияла и послала в Москву узнать, кто такой Печерский»[1].

Успех окрылил Мельникова и заставил поверить в свое литературное дарование. Тем не менее после «Красильниковых» он молчал около пяти лет. Цензурный гнет в последние годы царствования Николая I, гонения на передовых писателей и демократическую литературу вызывали у него серьезные опасения и не позволяли говорить того, что бы он хотел сказать. «Здесь то и дело литераторы на гауптвахте сидят»[2],— писал Мельников-Печерский из Петербурга жене. В эти годы писатель продолжает собирать и систематизировать материал для новых обличительных произведений.

Первый период творчества П. И. Мельникова — Андрея Печерского как художника ознаменовался целым рядом повестей и рассказов, напечатанных на страницах «Москвитянина», «Русского вестника», «Современника» и других журналов. Все они шли в русле обличительного направления русской литературы и имели большой успех в читательских и литературно-критических кругах. Мельников-Печерский зарекомендовал себя как выдающийся представитель сатирической литературы. Его сравнивали со Щедриным, ставили в один ряд с лучшими писателями гоголевской школы. С гордостью отмечал в те годы сам писатель: «Я с Салтыковым по одной дорожке иду: что Щедрину, то и Печерскому»[3].

Действительно, имена Щедрина и Печерского в 50-е годы стояли в одном ряду. После опубликования на страницах «Современника» рассказа Салтыкова «Жених» в объявлении об издании журнала на 1858 год Некрасов и Панаев (в № 10 журнала за 1858 год) писали: «В недавнем времени публика встретила в «Современнике» произведение г. Щедрина, и в скором времени мы напечатаем произведение г. Печерского. Таким образом, и эти два писателя, которых дарование справедливо привлекло к ним сочувствие публики, не чужды «Современника»[4].

Обличительная литература, возникшая в эпоху кризиса самодержавно-крепостнической системы, вливалась в общее русло либерального движения второй половины 50-х годов и воспринималась как составная часть буржуазно-демократиче-

---

[1] *Усов П. С.*, с. 104—105.

[2] Там же, с. 105.

[3] Там же, с. 188.

[4] См.: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860-х годов. М., 1972, с. 113.

ской оппозиции. Революционно-демократическая критика в лице Чернышевского, Добролюбова, Герцена высоко ценила это направление в литературе. «Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя,— писал Ф. М. Достоевский,— иногда даже он несправедлив к самому себе — во имя негодующей любви к правде, истине... С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрине и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненнее, чем положительнейшая литература времен очаковских и покорения Крыма»[1].

Произведения писателей обличительного направления второй половины 50-х годов — Салтыкова-Щедрина, Мельникова-Печерского, Львова, Елагина, Селиванова — пользовались огромной популярностью. «С точки зрения революционных демократов,— пишет С. Макашин,— эти обличения, хотя их авторы и не связывали рисуемых ими картин произвола и грабительства с общими политическими порядками тогдашней России, являлись хорошим агитационным средством в подготовке борьбы с самодержавно-помещичьим строем и их государством»[2].

После 1857 года, когда правительство официально объявило о своем намерении провести крестьянскую реформу, обстановка в стране стала быстро накаляться. В период обострения классовой борьбы накануне революционной ситуации либеральное движение оказалось на правом фланге, а его представители, напуганные ростом революционных настроений масс, вскоре заняли откровенно реакционные позиции.

Воспитанный на традициях Белинского, Мельников-Печерский в 50-е годы выступает как убежденный защитник правды, враг крепостничества и деспотизма. Его сочувствие литературно-эстетическим взглядам Белинского, его борьбе за реалистическое направление в литературе сказывается на всех повестях и рассказах этих лет.

В произведениях П. И. Мельникова-Печерского, написанных в 50-е годы, современники увидели широкую панораму предреформенной России. Создать правдивые, отличающиеся широтой обобщений жизненных явлений картины действи-

---

[1] *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. М.; Л, Гослитиздат, 1929, т. 13, с. 252.

[2] *Макашин С.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860-х годов. Биография. М., Худ. лит., с. 138.

тельности помогли писателю впечатления, полученные за годы чиновничьей службы.

Рассказы и повести Мельникова-Печерского насыщены волжскими наблюдениями. Изображая народ, художник подчеркивает специфические для крестьян Нижегородского Поволжья черты: они не помещичьи, а казенные или государственные, часто приверженцы не официальной церкви, а раскольники. Из нижегородских впечатлений черпал писатель сюжеты и образы для своих очерков, повестей и рассказов. Каждое из этих произведений посвящено отражению какого-либо одного характерного явления предреформенной народной жизни — взяточничеству чиновников, лихоимству властей, народному бесправию, критике дворянства как класса, и т. д. Писатель становится кропотливым исследователем социальных явлений русской жизни, беспощадным обличителем ее пороков.

Рассказы и очерки Мельникова-Печерского генетически связаны с «натуральной школой» и творчеством Гоголя и Даля. Исключительно важную роль играет в его произведениях образ рассказчика, который как лицо официальное, выполняя служебные поручения, встречается со множеством людей, наблюдает всевозможные явления и события и тем или иным образом выражает свое к ним отношение. Это человек либерально настроенный, склонный к просветительским иллюзиям — тип, широко распространенный в первые годы царствования Александра II.

Ясно вырисовывающийся в повестях и рассказах Мельникова-Печерского образ рассказчика раскрывает иллюзорные взгляды писателя на общественно преобразующее значение «честной службы». Но в роли рассказчика у Мельникова не всегда выступает некий знакомый ему господин Андрей Печерский. Иногда повествование ведется и от других лиц — коллежского секретаря Сергея Валягина или столетнего старца Прокофьича, стремянного князя Алексея Юрьевича («Старые годы»). Тем не менее авторская позиция выражена в любом случае.

Разоблачая царящие в жизни безобразия, Мельников-Печерский предлагает свою концепцию русской жизни, основой которой является конкретно-исторический демократизм. Писатель полон сочувствия к подавленному и забитому народу. Но представления Мельникова-Печерского о народе лишены ясности и социально-исторической перспективы. Народ показан как пассивная, безропотная масса, способная к беспрекословному повиновению и долготерпению.

Несмотря на то что в большинстве рассказов и очерков Мельникова-Печерского прямо вопрос о крепостном праве не поставлен, все они носили антикрепостнический характер. «Царское самодержавие есть самодержавие чиновников,— писал В. И. Ленин.— Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции»[1]. Критика Мельниковым-Печерским царской бюрократии, выставленные им на всеобщее обозрение пороки провинциального чиновничества давали возможность читателю убедиться в том, что подобная государственная администрация могла сформироваться только в условиях крепостничества при неограниченном произволе одних и полном принижении личности других.

Показывая бесчинства представителей бюрократического мира — чиновников-казнокрадов, взяточников, обирающих крестьянскую массу,— писатель обличал весь самодержавно-крепостнический строй, порождающий, по меткому выражению Герцена, «гражданское духовенство, священнодействующее в судах и полициях и сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых»[2].

Конечно, критика Мельниковым-Печерским господствующего режима не получила столь последовательного и радикального развития, какое мы наблюдаем в творчестве Салтыкова-Щедрина. Он не пришел к осознанию необходимости классовой борьбы и революционного переустройства общества, а ограничился верой в реформистскую деятельность правительства.

Все повести и рассказы Мельникова-Печерского могут быть разделены на две группы — о «веке нынешнем» и «веке минувшем». Писатель как бы сравнивает два столетия, и это сравнение усиливает обличительный характер произведений. Большинству рассказов Мельникова-Печерского, как и очеркам Щедрина этих лет, присущ характер журнальной злободневности. Очерковая точность, зачастую документальность составляют одну из главных особенностей ранних произведений Печерского и являются основным средством прямого обличения чиновников. Черты быта и особенности обычаев различных уездов и населенных пунктов Нижегородской губернии находят верное отражение уже в первых рассказах Мельникова. Писатель то делает сравнение тяжелого положения крестьянина лесного Заволжья с более благоприятными усло-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 137.

[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., Изд-во АН СССР, 1954—1966, т. 8, с. 252.

виями жизни нагорного мужика («Дедушка Поликарп»), то берет в качестве действующих лиц реальных людей из нижегородцев («Именинный пирог»), то использует чисто местную лексику и с этнографической точностью представляет особенности бытовой обстановки жителей Нижегородского Поволжья («На станции», «Поярков») и т. д.

Сравнение двух столетий намечается уже в рассказе «Дедушка Поликарп». Старый крестьянин деревни Валков, помнящий еще те времена, когда «царица Катерина землю держала», в разговоре с автором жалуется на «нынешни времена», называя их «останными». Малоземелье и неплодородие почв являются основной причиной нищенства населения Заволжья. «В старину все лучше было,— говорит дедушка Поликарп,— на что ни взглянешь, все лучше было... А в нынешни останны времена не то...» (т. 1, с. 26). В рассказе рисуется правдивая картина предреформенной русской действительности. В верхах не знают нужд крестьянина, разоряют его неуменьем по-хозяйски распоряжаться природными угодьями, а местное начальство проявляет грубый произвол по отношению к беззащитному земледельцу. «В стары-то годы, родименький,— рассказывает старик,— «кулижки» жгли, на них-то рожь, бывало, сам-восемь, сам-десять... А в нонешни времена кулижек жечь не велят — лесные завелись, полесовные. От этих от самых лесных кулижка теперь в такую цену станет, что палить ее уж и не из чего... А бывало, в старину-то, в летнюю пору, перед Ильиным днем, куда ни поглядишь — там в лесу дымок, в другом месте, в третьем... Иной раз местах в десяти разом горит... А нынче не велят, запрет *положон*» (т. 1, с. 26).

Ориентируясь на народную фразеологию, Мельников-Печерский избирает такую форму повествования, которая дает возможность оценки действительности самим героем. Отсюда вытекает то особое значение, которое писатель придает интонации героя. Сам тон дедушки Поликарпа — добродушно-непосредственный — усиливает сатирическую окраску произведения, подчеркивает беззащитность простого человека перед разгулом лихоимства, взяточничества и произвола начальства. «Да, родименький,— рассуждает он,— уж оно так и следует. На то и порядки установлены, чтобы их исполнять. Ведь они для нас же, глуных, начальством ставятся... А кто супротив порядков пойдет, тот отвечай спиной и мошной» (т. 1, с. 36).

Умный и проницательный, дедушка Поликарп покорно несет свое бремя, как бы следуя пословице: плетью обуха не

перешибешь. С грустью смотрит он на природные богатства, пользоваться которыми крестьянину не приходится, смиренно рассказывает о бесчинствах одного из их начальников, Петра Егорыча, который был «строгий-престрогий и самый неподходящий». «Слова с мужиком не молвит, глядит волком и все норовит тебя в зубы; как ты его не ублаготворяй, все ему мало» (т. 1, с. 34).

«Дедушка Поликарп» закрепил мнение критики об Андрее Печерском как о писателе, который, по выражению Н. Г. Чернышевского, «по всей справедливости должен быть причислен к даровитейшим нашим рассказчикам»[1].

Еще большее впечатление на читателей и критику произвел рассказ «Поярков», напечатанный в «Русском вестнике» в 1857 году. «Поярков»,— писал Чернышевский,— по силе обличения и по своему направлению... сходен с рассказами Щедрина, но это не подражание «Губернским очеркам»... По художественному достоинству этот рассказ останется одним из лучших произведений нашей литературы за настоящий год»[2].

Прекрасно зная жизнь чиновничества, Мельников-Печерский создает яркие образы из их среды, показывая типичные картины жизни бюрократического мира. Бывший становой пристав Поярков так рассказывает собеседнику о грабеже и надувательстве народных масс царскими блюстителями закона. «Закон,— говорит он,— как толково ни был писан, все в наших руках: из каждой бумаги хочешь свечку Николе сучи, хочешь — посконну веревку вей. Вся штука в том, что надо остроту иметь, чтоб показать мужику дело не с той стороны... А мужик что понимает? Он человек простой: только охает да в затылке чешет. До бога, говорит, высоко, до царя далеко» (т. 1, с. 50).

Перед читателем проходит целая галерея чиновников различных рангов — от исправника до управляющего казенной палатой, и все они связаны друг с другом общим делом — грабежом казны и народа. Каждый из них понимает, что безнаказанность обеспечена, если поделить добычу с кем следует.

«Не думаешь,— говорит разоткровенничавшийся Поярков,— будет ли Сидоров с семьей завтра ужинать, об одном помышляешь: губа-де у меня, у барина, к сладкому наважена, а мужицкое горло, что суконное бердо...» (т. 1, с. 46).

---

[1] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4, с. 736.
[2] Там же.

Порядки и нравы самодержавно-крепостнического государства находят резкое обличение и в рассказах «Медвежий угол», «Непременный», «На станции», «Именинный пирог». Описывая провинцию, «медвежьи углы» царской России, Мельников-Печерский показывает различные способы ограбления казны, разорения народа, разоблачает антинародную сущность бюрократической машины. Писатель с возмущением говорит о лжи хвалителей самодержавия, якобы верящих в его цивилизаторскую миссию. Не случайно Н. Г. Чернышевский, сожалея о долгом молчании Андрея Печерского после опубликования рассказа «Красильниковы», писал: «Если он опять вздумает поступить так же после «Пояркова», на нем будет тяжелая вина, которой не простят ему никто из его почитателей,— он должен писать»[1].

Рассказы и повести Мельникова-Печерского 50-х годов, «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина открыто обличали казнокрадство и взяточничество чиновников, рассказывали о бесправии и нищете народных масс, задавленных деспотизмом власть имущих, разоренных поборами местного начальства.

Не случайно критики сравнивали Мельникова-Печерского с Салтыковым-Щедриным. Ставя эти два имени рядом, Н. А. Добролюбов считал их крупнейшими сатириками 50-х годов. Великий критик назвал «честным и правдивым» направление их творчества[2].

Сам М. Е. Салтыков-Щедрин видел в этот период в Мельникове-Печерском близкого себе по духу писателя. В своем письме к брату от 5 марта 1858 года он писал: «Было нас тогда в Министерстве внутренних дел два литератора, причастных к обличительной литературе, я и Мельников. В Государственном совете, при встрече с Паниным, Ростовцевым, быть может, Чевкиным, Ланской выносил из-за нас немало нападок. Особенно заедал его Панин, который жаловался даже однажды государю, что-де управлять нельзя министерством (юстиции), обличительная литература вмешивается во все и т. д. Ланской был, в сущности, человек вполне хороший, гуманный, но это был кисель-человек: не устояв, однако, под нападками Панина и К°, призывает Ланской Мельникова и требует, чтобы тот не писал в журналах»[3].

---

[1] *Чернышевский Н. Г.*, т. 4, с. 736.

[2] *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1941, т. 5, с. 375.

[3] *Щедрин Н. (М. Е. Салтыков).* Полн. собр. соч. М., 1937, т. 8, с. 405.

Кстати, предупреждения Ланского в адрес Мельникова и Салтыкова дошли до Герцена и вызвали критическую реплику в «Колоколе» от 1 января 1858 года. «Отчего Вы не боитесь гласности,— обращался он к Александру II,— а Панин и Вяземский боятся? Отчего Вы хотите искоренить взятки, а Ланской вызывал двух литераторов и запретил им касаться этого предмета, освященного веками»[1].

Чиновничья корпорация, плутни представителей бюрократического мира казались Мельникову-Печерскому главным бедствием народа, основной причиной его приниженности и нищеты. Суеверия, темнота, забитость и невежество — вот та почва, которая, как считал писатель, взращивает беззакония. Отсюда вытекает и та вера писателя во всемогущую силу просвещения, которую он пронес через всю жизнь. Эта вера звучит уже в «Красильниковых», где просвещение представляется автору панацеей от всех зол русской жизни.

Характерно то, что во всех своих рассказах о плутнях чиновников и самодурстве купцов Мельников-Печерский не изменяет своей позиции беспристрастного наблюдателя. Он только вводит читателя в обстановку действия, а дальше все внимание сосредоточивает на рассказе героя, в котором ирония становится основным средством обличения действительности. Поэтому в рассказах Печерского исключительно важную роль играют монологи. Именно через монолог раскрывается авторский замысел. Герой ведет свой рассказ, казалось бы, без какой-либо задней мысли и особой цели, зачастую просто так, лишь бы скоротать время беседой с прохожим. Но за его бесхитростным рассказом как живые встают страшные картины народного бесправия и нищеты.

Используя в своих произведениях многочисленные случаи из своей служебной практики, повествуя о встречах с людьми разных социальных слоев, Мельников-Печерский раскрывает типические черты русской действительности, создает яркие, верные жизненной правде образы представителей различных классов русского общества. Это и становой пристав Поярков, отличающийся исключительной изобретательностью в изыскании способов обогащения («Поярков»), и хорошо понимающий корыстные цели чиновников, презирающий их, но в то же время стремящийся угодить им подрядчик Гаврила Матвеич («Медвежий угол»), и непременный заседатель земского суда Подобедов Андрей Тихоныч, унизительно заискивающий перед его превосходительством («Непременный»), это и за-

[1] См.: *Макашин С. А.*, с. 66.

едающий мужиков своими придирками «законник» — исправник Алексей Петрович («На станции») и целый ряд других персонажей. Все они и олицетворяют современное писателю русское чиновничество, характеризуют его быт и нравы.

Инженер Линквист («Медвежий угол») не боится ревизии, потому что делится с вышестоящим начальством награбленными деньгами. Он присваивает огромные суммы, отпускаемые на ремонт моста. Для вида мост «ремонтируется», но проезд по нему в течение трех лет никому (за исключением начальства) не разрешается. А когда срок выйдет, проезд откроется. Не беда, что мост тут же обвалится, мало ли причин и объяснений этому можно придумать. Можно просто сказать, что мост был снесен весенним разливом. А губернское начальство смотрит на проделки Линквиста сквозь пальцы: оно получило свою долю из предназначенных для постройки моста денег.

Другой чиновник — Кабрейт («Непременный») — делится «доходами» уже с министерским начальством, поскольку располагает такими «жирными статьями», как «казенная соль, винокуренные заводы, откупщики, рекрутские наборы, торги на поставки и подряды, купеческие свидетельства, казенные леса, оброчные статьи, перечисление душ...» (т. 1, с. 164).

Ярко, по-гоголевски рисует Мельников-Печерский «небокоптителей» захолустного, «богоспасаемого града Рожнова» («Именинный пирог»): стряпчего Ивана Семеныча Хоринского, городничего Антона Михайлыча, судью Михаила Сергеича, купца Дерюгина и т. д. Эти «благородные» «ранга высокого» почетные граждане — цвет города. Они знают себе цену и преисполнены чувства собственного достоинства. С какой важностью и сознанием своего превосходства шествуют они на именины стряпчего! «Погода была прекрасная. «Благородные» пешком пошли к Ивану Семенычу. Шел городничий Антон Михайлыч, шел исправник Степан Васильич, шел судья Михайла Сергеич, шел «непременный» Егор Матвеич, шел почтмейстер Иван Павлыч, шли и другие обоего пола «благородные». Две бородки примкнули к сонму чиновных людей: одна украшала красное широкое лицо Дерюгина, другая густым лесом разрослась по румяному лицу касимовского брата Масляникова, бывшего прежде целовальником, а теперь управляющего рожновским винным откупом.

Расходившиеся из церкви мещане и разночинцы почтительно снимали шапки и низко кланялись шествующему сонму властей, но никто не удостоился ответного поклона» (т. 1, с. 179).

А рассевшись чинно по стульям в парадных комнатах Ивана Семеныча, как и полагается людям «благородным», они занялись «интеллектуальными» разговорами — «вполголоса вели они беседы о новейших происшествиях в городе Рожнове: о том, как в ушате с помоями затонула хохлатенькая курочка матушки-протопопицы, как бабушка-повитуха Терентьевна заглянула в нетопленную баню, увидала на полке кикимору, как повытчика духовного правления Глорианского кладбищинский дьякон Геврасий застал в самую полночь в своем огороде купно с девицей Капитолиной Геврасиевной» (т. 1, с. 179).

Резкое обличение чиновничьей корпорации в рассказах Мельникова-Печерского 50-х годов было не по нутру бюрократической верхушке самодержавной России. Критика Андрея Печерского била в цель, и многие крупные чиновники узнавали в произведениях писателя себя. Например, управляющий путями сообщения Чевкин, прочитав «Медвежий угол» и приняв на свой счет изображенное в рассказе, со злобной ненавистью готов был мстить писателю за правдиво нарисованные картины. По этому поводу Мельников-Печерский писал 31 марта 1858 года в своем дневнике: «Гвоздев... сказал мне прямо, что если министром будет Ростовцев, то первый я улечу из Министерства внутренних дел. Ростовцев друг и приятель с Чевкиным... а Чевкин не может мне простить «Медвежьего угла»[1].

Неприкрытая критика существующих порядков Российской империи тревожила не на шутку откровенных слуг царизма. Так, один из чиновников особых поручений при Главном управлении цензуры Волков докладывал по поводу «Именинного пирога» Мельникова-Печерского, что повесть эта «переполнена самою злою насмешкою над властями вообще и над губернатором в особенности»[2].

Повести о «веке минувшем» написаны в несколько иной тональности. Исследователь творчества П. И. Мельникова-Печерского М. П. Еремин, сравнивая «Старые годы» с рассказами о чиновниках, справедливо отмечает, что в этом произведении господствует саркастический тон.

Повесть «Старые годы» была опубликована в 1857 году в журнале «Русский вестник».

Как свидетельствует сын писателя А. П. Мельников, также замечательный нижегородский краевед, в основу повести

---

[1] *Усов П. С.*, с. 188.

[2] ЦГИАЛ. Дело Главного управления цензуры, ф. 772, оп. 1, № 4459.

легли еще свежие в памяти Мельникова-Печерского воспоминания его земляков о владельце села Лыскова князе Грузинском. «А Заборье в «Старых годах» с его шумной многолюдной ярмаркой,— пишет А. П. Мельников,— разве это не с. Лысково на Волге с существовавшей близ него лет сто назад (до 1816 года) Макарьевской ярмаркой? А князь Заборовский, владелец Заборья, разве это не знаменитый владелец с. Лыскова, князь Грузинский, известный причудник и своевольник начала прошлого столетия, на земле которого находилась добрая половина великого русского торжища, где он распоряжался как полновластный хозяин? До сих пор уцелел старинный парк князей Грузинских, от которого так и веет «Старыми годами». А этот целый ряд легенд о самодурстве Григория Александровича кн. Грузинского, последнего владельца Лыскова из этой фамилии, да они целиком рисуют образ князя Заборовского из «Старых годов». Например, предание о том, как князь Грузинский от самой своей усадьбы до волжского берега на расстоянии четырех верст приказал своим людям гнать плетьми исправника, осмелившегося явиться к нему с напоминанием об уплате казенных податей, или о том, как, поссорившись из-за борзых собак с государственным канцлером, графом Румянцевым, приехавшим в Лысково для осмотра Макарьевской ярмарки в связи с вопросом о переводе ее к Нижнему, Грузинский запретил давать лошадей именитому гостю, и никто не смел ослушаться князя; графу Румянцеву каждый день пришлось платить рублей по пятидесяти за проезд четырех верст к берегу Волги на ярмарку тайком от Григория Александровича. Григорий Александрович, умерший в глубокой старости, под конец своей жизни страдал бессонницей и поэтому никогда ночью спать не ложился; его дворец всю ночь был освещен, как в самых парадных случаях, он ходил из комнаты в комнату и изредка присаживался в кресла подремать; вся дворня, вся комнатная прислуга была на ногах, а у пристани в с. Исадах на Волге стояло несколько троек. Всякий, кто высаживался на этой пристани, обязан был, оставивши свой дальний путь, ехать в усадьбу князя, где всегда был готов великолепный ужин»[1].

«Старые годы» сам автор называл лучшим своим произведением 50-х годов[2]. Он считал очень удачной оценку этого произведения «Библиотекой для чтения» (№ 8 за 1857 год), где отмечалось, что «„Старые годы"...— глубоко поэтическая

---

[1] Сборник, ч. 1, т. 9, 1910, с. 25—26.

[2] См.: Автобиография П. И. Мельникова.— *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Собр. соч. В 6-ти т. М., Правда, 1963, т. 1, с. 326.

панихида над нашими беспутными годами. Здесь П. И. Мельников обнаружил такое изучение частного быта половины XVIII ст., какого мы не встречаем ни у одного из наших повествователей, кроме Пушкина и Гоголя. Выведенные в «Старых годах» личности не только этнографически, но и психологически верны: они думают, творят, действуют, движутся, как живые люди, а это несомненно обнаруживает в авторе поэтический талант. Есть места, где исторический этюд переходит в драматические сцены, исполненные удивительно художественно».

В 50—60-е годы историческая тематика в литературе становится исключительно популярной. На материале прошлого выдающиеся русские писатели стремятся разрешить острые вопросы современной им действительности, найти «разгадку русской народности и русской государственности».

В повести «Старые годы» Мельников-Печерский выставил на всеобщее обозрение и подверг строгому суду порядки крепостнического государства в его историческом прошлом, о котором с сожалением вспоминают его современники — разоренные и задавленные нуждой и лихоимством чиновников герои первых рассказов. Направленная против дворянства как класса, повесть обличает систему государственного устройства России, при которой отдельные, в сущности ничтожные, личности имеют неограниченную власть над себе подобными. В образе жизни князя Заборовского нашли отражение нормы дворянского бытия. Не случайно мелкопоместные дворяне видят в нем идеал барина, несмотря на его страшные бесчеловечно жестокие поступки. Причудник и своевольник Алексей Юрьевич не знает преград в своем самодурстве. В постоянном страхе попасть в немилость к князю живет все окрестное дворянство и купечество. Барская же любовь не менее опасна его ненависти. Ее жертвой становится прекрасное, кроткое существо, невестка князя, княгиня Варвара Михайловна, заживо замурованная по приказу свекра в стене.

В руках Алексея Юрьевича сосредоточена огромная власть, и до того «дошел князь Заборовский, что рассказы про его житье в наше время кажутся страшной сказкой» (т. 1, с. 73).

Крепостное крестьянство жило в постоянном страхе и трепете. Любое, даже дикое, желание князя было законом и требовало немедленного удовлетворения. По приказу Алексея Юрьевича доставляют в усадьбу приглянувшуюся ему жену капрала, а ее мужа, вздумавшего было протестовать, убирают с дороги. Крепостные красавицы, собранные чуть ли не со

всей волости, развлекают и потешают барина и благородных гостей, бывающих в его имении. Стоит только князю сказать «богинь сюда с Парнаса», и «влетят богини: Дуняша, Параша, Настенька, Машенька, Грушенька, девять сестер, что в пасторали были, да еще сколько нужно на придачу по числу гостей. Все разряжены: которая в пудре и роброне, ровно барышня, которая в сарафане, а больше так, как в павильонах на стенах писано» (т. 1, с. 108).

Дикие забавы князя иногда стоили жизни зависимым от него людям. «Проштрафился» однажды его доезжачий: «русака в остров упустил», так князь «Алексей Юрьич за то на него разгневался и тут же, на поле, изволил его из своих рук выпороть, да уж так распалился, что и на конюшне еще велел пятьсот кошек ему влепить» (т. 1, с. 84).

Любимым развлечением князя Заборовского было наблюдать, как кто-то из окружающей его свиты удачно «резака» сделает. «А чтобы сделать резака, надо под гору торчмя головой лететь, на яру закраину головой прошибить да потом изподо льда и вынырнуть... Другой, не долетевши до льда, на горе себе шею свернет, а три дурака хоть и справили резака,— рассказывает бывший слуга князя,— да вынырнуть не сумели: пошли осетров караулить. Осерчал князь Алексей Юрьич: «Всех, закричал, запорю до смерти» (т. 1, с. 85).

Слуга Прокофий по приказу князя должен был с его любимым медведем бороться. Медведь откусил Прокофию ухо, а холоп не вынес и пырнул зверя ножом под лопатку, за что Алексей Юрьич велел ему и второе ухо отрезать и всем приказал его звать Яшкой Безухим.

А как потешался князь, когда корчился в страданьях и чуть не умирал какой-нибудь из его приживальщиков от щекотки! Намажут, бывало, ему пятки медом и дадут козлу лизать. А князя это забавляет.

Все преступления князя Заборовского рассматриваются писателем как прямое следствие ненормальных общественных отношений, при которых русские дворяне занимали особое положение. Написанная в канун реформы 1861 года повесть Мельникова-Печерского поднимала актуальные, требующие неотложного решения вопросы и имела исключительно важное значение.

Революционно-демократическая критика высоко оценила повесть Печерского. В письме к И. С. Тургеневу Некрасов писал: «В «Русском вестнике»... появилась большая повесть Печерского «Старые годы»... интерес сильный и смелость небывалая. Выведен крупный русский барин во всей широте и

безобразии старой русской жизни — злодействующий над своими подвластными, закладывающий в стену людей... тем не менее он «всю жизнь пользовался покровительством законов и достиг «степеней известных»[1].

Демократическими кругами повесть воспринималась как злободневно-полемическое произведение, отрицающее положительную роль русского дворянства в историческом развитии страны.

Близка по идейному замыслу к «Старым годам» повесть «Бабушкины россказни», напечатанная в 1858 году в журнале «Современник». Бабушка Прасковья Петровна Печерская, бывшая своим человеком в придворных кругах во времена царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, с умилением рассказывает внуку о годах своей молодости. Перед читателем раскрываются картины жизни придворных кругов с их мелочными интересами, интригами, подхалимством и лестью перед сильными мира.

В повести очень верно передает Мельников-Печерский сам колорит эпохи, характерные для жизни XVIII века черты. В этом ему способствует прекрасное знание исторических источников, истории языка и фольклора.

Характеризуя нравы и обычаи минувшего века, Мельников-Печерский говорит об изображаемой эпохе как о времени, когда с блеском и славой рука об руку «идут высокомерное полуобразование, раболепство, слитые воедино с наглым чванством, корыстные заботы о кармане, наглая неправда и грубое презрение к простонародью» (т. 1, с. 200).

Описывая эпоху XVIII столетия, Мельников-Печерский не упускает из виду и крепостное крестьянство, стонущее под ярмом самодурства и деспотизма, раскрывает отношение дворянства к народу. «Ну с какой стати мужику грамоте уметь? — рассуждает бабушка Прасковья Петровна Печерская.— Крестьянское ль это дело? Мужик знай пахать, знай хлеб молотить, сено косить, а книги-то ему зачем в руки. Да дай-ка ему книгу-то — пропьет ее в первом питейном» (т. 1, с. 227).

Крепостное крестьянство изображается в повестях Мельникова-Печерского как забитая, лишенная инициативы масса. Наиболее ярко обрисованным образом человека из народа не случайно является старик Прокофьич из повести «Старые годы» — темный холоп, благоговеющий перед своим тираном барином.

---

[1] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1952, т. 8, с. 355.

Рисуя кровавые потехи барства, создавая неповторимые образы крепостников и холопов, Мельников-Печерский не смог дать образа бунтаря-крестьянина, протестующего против бесправия и не смиряющегося со своим зависимым положением. А ведь XVIII век — время крестьянских волнений, вылившихся в конечном счете в Пугачевское восстание.

Как сторонник официальной школы в исторической науке писатель считал, что жизнь народа вообще и судьба отдельной личности определяется прежде всего деятельностью государственного аппарата. Поэтому народ в его повестях и изображается как исторически пассивная масса, безропотно переносящая и издевательства господ, и произвол начальства.

Выражая свое отношение в повестях к важному историческому периоду в жизни России, Мельников-Печерский писал: «Нет, что бы ни говорили любители старины, как бы ни величали они времена мимошедшие, а как всмотришься в эту пресловутую старину, да как вглядишься попристальнее в жизнь наших предков — нелицемерно воздашь хвалу господу, что не судил он нам родиться полтораста лет тому назад, а сотворил русскими людьми XIX столетия. Прошли, миновали беспутные старые годы! Благодари бога, они не воротятся... Прошла пора дикого самоуправства, тупого презрения к народу, безверия, смешанного с хамством и боязнью черта, надменного высокомерия, так легко и быстро переходящего в подлость и унижение. Слава богу!» (т. 1, с. 327).

Давая суровую оценку прошлому, писатель, казалось бы, приветствует современную ему эпоху. Но так может показаться лишь на первый взгляд. «Тупое презрение к народу» осталось, и это Мельников-Печерский не мог не понимать, Беспросветная темнота, забитость и нищета народа — на первом плане в его рассказах о чиновниках. Как типичное явление современной ему российской действительности рассматривает он беззащитность и безысходность положения трудящейся массы, безобразное состояние «медвежьих углов» провинциальной России. Вследствие грабежей и лихоимства чиновничества, попустительства властей и безгласного состояния народа город Чубаров («Медвежий угол»)имеет крайне неприглядный и жалкий вид: «каменный собор на грязной, немощеной базарной площади, нескончаемые заборы, незатейливой наружности бревенчатые домики, дырявые тротуары, заваленные всякой гадостью и травой поросшие улицы, каменные присутственные места, развалившаяся больница, ветхий навес с пустыми рассохшимися бочками, с испорченными

пожарными трубами — словом то, что каждый видел не в одном десятке русских городов» (т. 1, с. 149).

Характеризуя эпоху века минувшего, Мельников-Печерский одновременно дает оценку и современной ему действительности. Суть государственной машины осталась та же. Но в новую эпоху, кроме «сетей крепостных, люди придумали много иных». Поэтому-то герои его рассказов о современности в отчаянье обращают свои взоры в прошлое. Даже век кровавых барских утех и полного бесправия вспоминается ими в их настоящем состоянии с сожалением и расценивается как время более благоприятное для простого человека, в поте лица добывающего хлеб насущный.

Критическое изображение Мельниковым-Печерским русской действительности вызвало резкое недовольство не только в официальных кругах, но и со стороны цензуры, и когда он в 1858 году решил издать свои повести и рассказы отдельным сборником, то получил отказ. Через год писатель сделал новую попытку осуществить свой замысел и обратился в Петербургский цензурный комитет с той же просьбой, но получил прежний ответ: «Статскому советнику Мельникову в просьбе о дозволении издать отдельною книгою «Рассказы А. Печерского» отказать»[1].

Только в 1876 году удалось Мельникову со значительными сокращениями выпустить задуманный сборник.

В конце 50-х годов взгляды Мельникова-Печерского на народ начинают меняться. Этот поворот намечается уже в повести «Заузольцы». Герой ее — зажиточный крестьянин из старообрядцев Лукьян Никитич, человек большого ума и независимых стремлений. В «Заузольцах» Мельников-Печерский заявил о себе как замечательный мастер сказовой формы повествования, которая в дальнейшем будет с успехом им разрабатываться.

В этом отношении довольно примечательна и повесть «Гриша», посвященная раскольничьему быту. Старообрядческий мир как наиболее изученная им область жизни с каждым годом все более увлекает Мельникова-Печерского. Впервые к этой теме он обратился еще в рассказе «Поярков», где рассказал коротко об одной из старообрядческих обителей, посещаемой чиновником-взяточником и казнокрадом Поярковым. Другой попыткой осветить жизнь сторонников «древлего благочестия» явилась незаконченная повесть «Заузольцы».

---

[1] ЦГИАЛ. Дело С.-Петербургского цензурного комитета, ф. 777, оп. 2, № 74.

В повести «Гриша» Мельников-Печерский показывает старообрядческое семейство богатых купцов Гусятниковых. Но в центре внимания писателя — идейно-религиозные искания молодого юноши-старообрядца спасова согласия Гриши, всей душой стремящегося найти истинных ревнителей старой веры и не встречающего таких.

Потомки Аввакума в новую эпоху не отличаются бескорыстием и нравственной чистотой. Ложь, обжорство и тайный разврат, совершаемые с именем бога на устах,— вот что характеризует приверженцев «древлего благочестия» как в скиту, так и в миру. Сам писатель не видит среди них людей, искренне посвятивших себя служению богу и живущих согласно «священному писанию». Если такие изредка и встречаются, то это опасные фанатики типа Гриши, который в поисках истинной веры дошел до исступления и изуверства. Это люди с душой, зараженной ненавистью ко всем, не разделяющим их религиозных убеждений. «Лелеял он в душе своей правило раскольничьих ревнителей...— пишет Мельников-Печерский о Грише.— И дошел до убеждения, что «никонианина пришибить — семь пятниц молока не хлебать».

В своей вере Гриша доходит чуть ли не до помешательства. Почти в невменяемом состоянии он с отчаянным рвением выполняет все требования проходимца Ардалиона, в избранность которого перед богом уверовал без колебаний.

Другие герои из старообрядцев в повести не о спасении, а больше о «мошне радеют». Казалось бы, глубоко и искренне верует в «святое писание» Евпраксия Михайловна Гусятникова, но и для нее интересы денежные важнее религиозных. Когда ее сыновья, «в страхе господнем вспоенные, вскормленные», решили посвятить себя служению богу и людям, она решительно запротестовала. «Полноте-ка вам, детки!— говорит она им.— Разве вам того неизвестно, что каждому человеку от бога своя дорога, каждому человеку от господа забота? Вам дана забота — вести торг честный, на келейное дело вы, мои ребятки, не сгодились. Сем-ка присмотрим сироту такого, был бы смирный да богобоязный, бога ради работающий, бога ради терпеливый. По силе помощь ему подадим...» (т. 1, с. 251). Не случайно, узнав о пропаже сундука с капиталами, хранившегося в моленной, Евпраксия Михайловна не вынесла, «умерла в одночасье».

В дальнейшем тема, затронутая в произведении, будет основной в творчестве П. И. Мельникова-Печерского. Своей стилевой окраской и тематически повесть «Гриша» предваряет знаменитые романы «В лесах» и «На горах».

III
«В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ»

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

1. РАСКОЛ И РАСКОЛЬНИКИ

До нас положено, лежи оно так
во веки веком!

Аввакум

Романы «В лесах» и «На горах» — основной труд П. И. Мельникова-Печерского, итог его жизненных наблюдений и научных выводов. В них писатель обратился к изображению нижегородских старообрядцев.

На первый взгляд может показаться, что церковный раскол и есть основная тема дилогии Мельникова-Печерского, поскольку все персонажи и изображаемые в ней события тем или иным образом соотнесены со старообрядческими заботами и интересами. Да и хронологически действия романов «В лесах» и «На горах» приходятся на один из самых драматических периодов в истории старообрядчества — со времени образования в середине 40-х годов Белокриницкой (или «австрийской») митрополии до окончательного разорения керженских и чернораменских скитов в 1853—1854 годах.

Тем не менее в центре внимания Мельникова-Печерского не религиозные проблемы, а вопросы экономического развития страны и исторические судьбы русского народа, которые он и стремится разрешить на столь оригинальном и необычном в художественной литературе материале.

Объектом художественного изображения в романе «В лесах» стал семейно-бытовой уклад Семеновского уезда Нижегородской губернии и заволжские скиты.

Старообрядческие скиты появились в Нижегородском Поволжье с самого начала образования на Руси церковного раскола, когда в середине XVII столетия патриарх русской церкви Никон с целью согласования русской церкви с греческой произвел некоторые реформы в сфере религиозной обрядности, которой на Руси придавалось особое значение.

Переняв в глубокой древности христианство у Византии, русские в течение долгих веков стремились сохранить его в неприкосновенной чистоте, строго придерживались тех обрядов, которые когда-то поразили их своей пышностью. Существует полулегендарный рассказ, дающий ясное представление о характере восприятия русскими язычниками христианской веры[1], рассказ, дошедший до нас из далекого прошлого времен Владимира Святого.

Киевский князь, как гласит летопись, отправил своих дружинников в разные страны узнать, чья вера является истинной. Долго странствовали дружинники-язычники, много вер видели, но достойной Руси не нашли. В конце концов прибыли они в Царьград и здесь, в Софийском соборе, созерцая пышную красоту храма, наблюдая стройную обрядность, пережили никогда ими не изведанные чувства. Им почудилось, что оторвались они от земли и вознеслись в какое-то чудесное царство. Настолько сильным было на них влияние христианской обрядности.

Возвратившись в Киев, дружинники убедили князя, что лучшей веры не сыскать на свете.

Не вдаваясь во внутреннее содержание новой религии, русские всей душой, с восторгом приняли ее обрядность, лишь постепенно через обряд вникая в ее сущность. Многие довольствовались тем непосредственным впечатлением, какое производило на них созерцание обряда новой веры. Да и греческие священники-миссионеры, не умея довести до сознания новокрещенной массы отвлеченные основы христианства, чаще всего ограничивались обрядовой формальностью. Принеся обряд на Русь, греки приучили русских держаться за каждую его букву, пугая народное воображение страшными загробными муками, которые будто бы ожидают отступников. Заучивание и созерцание обряда стало главным для русского христианина еще в глубокой древности. Душа и мысль народная проникала в новую веру путем постепенного осознания содержания книг священного писания и постепенного уяснения смысла каждого обряда.

---

[1] См.: Рукописный отдел ГБЛ, ф. 171, к. 13, ед. хр. 21.

Вполне понятно, что отвлеченная сущность веры, дошедшая до сознания народа значительно позднее крещения Руси, и конкретная ее форма — обряд — слились в представлении каждого русского в одно целое. Насколько свята для народа стала вера, настолько неприкосновенным и святым воспринимался им ее обряд.

С течением времени установившаяся форма церковного обряда была освящена религиозными подвигами русских святых. Русская церковь приобрела авторитет и постепенно возвышалась в глазах народа. Византия же значительно подорвала свой авторитет сближением с католиками и допущением унии. Чистая и непорочная русская церковь, считали на Руси, являясь единственным «избранным стадом Христовым», и должна была спасти мир от сетей антихристовых. На нее возлагались народные надежды, и все с ревностным трепетом следили за тем, чтобы она нетронутой оставалась в истинной своей вере.

Поэтому не случайно, что реформа, проведенная Никоном в середине XVII столетия, как громом поразила русских христиан.

Поскольку это было делом сугубо политической важности, церковная реформа возглавлялась прежде всего государственной властью. Русский царь Алексей Михайлович, считая себя преемником византийских императоров, надеялся, что если не ему, то его наследникам предстоит освободить Константинополь от турецкого засилия и быть наследниками греческих царей. А это требовало идеологического оправдания.

Церковная реформа готовилась долгое время. Еще в 40-х годах XVII века возник кружок «ревнителей» благочестия, в который входили новоспасский архимандрит Никон, протопоп Аввакум из Нижегородской губернии, протопопы Даниил, Лазарь, Неронов и другие. Одним из организаторов и руководителей кружка был царский духовник Стефан Вонифатьев. Сам царь покровительствовал этому кружку, члены которого ставили перед собой задачу исправления церковных книг по древним рукописям, искоренения языческих пережитков и оздоровления быта духовенства. Исправление богослужебных книг было действительно насущной необходимостью. Переписывавшиеся от руки невежественными, малограмотными монахами, они изобиловали множеством ошибок, часто искажавших текст священного писания.

Некоторые демократически настроенные члены кружка осуждали имевшие место в быту духовенства пьянство, разврат, обращали внимание на тяжелое положение народа, сме-

ло критиковали могущественных вельмож. Поэтому симпатии простых людей были на их стороне.

Единогласия в кружке не было. Окончательный раскол произошел после того, как Никон, назначенный патриархом русской церкви, учитывая политические интересы государства, свои реформы не согласовал с планами членов кружка. Резкое сопротивление старых друзей вызвало сокращение земных поклонов во время великопостной молитвы Ефрема Сирина, замена утвержденного под страхом проклятия отступников еще Стоглавым собором двоеперстия троеперстием и исправление богослужебных книг не по древним рукописям, а современным греческим образцам. Все это смутило и потрясло провинциальных членов кружка ревнителей благочестия, которые во главе с наиболее энергичным и инициативным протопопом Аввакумом оказали решительное противодействие Никону. И это вполне понятно. Ведь почти два века официальная церковь учила, что она является единственной хранительницей православия. И вдруг Никон без достаточных на то оснований предлагает признать высший авторитет церкви греческой. Вызванная к жизни охранительными тенденциями, реформа Никона воспринималась как результат влияния католического Запада. Ведь Никон правил церковные книги по венецианским изданиям.

Многие из членов кружка увидели в реформах Никона, касавшихся в основном церковной обрядности, оскорбление русского благочестия. По их мнению, русская церковь как хранительница древлего благочестия не должна ориентироваться на греческую уже потому, что Византия давно потеряла свой авторитет и за отступление от старины была покарана богом, допустившим неверных в ее пределы.

Эти разногласия привели к образованию внутри единой до тех пор православной церкви двух враждебных друг другу лагерей. Сторонников реформы стали называть никонианами, а их противников раскольниками, старообрядцами. Враждебное отношение к реформе Никона проявило, в первую очередь, рядовое духовенство. Высшее же духовенство, за небольшими исключениями, приняло никоновскую реформу.

Безусловно, сопротивление старообрядчества реформе объяснялось далеко не одними только догматическими соображениями. Причины их протеста были значительно серьезнее. Они лежали и за пределами религиозной обрядности. Дело в том, что реформа Никона носила поверхностный характер. Она касалась лишь церковных обрядов, а вождь старообрядчества Аввакум и его сторонники ждали большего.

Их в первую очередь интересовало исправление церковного быта, нравов духовенства и демократизация церковного управления. Но самой серьезной причиной старообрядческого движения было усиление феодальной знати. Раскол объединил всех, кто был недоволен политикой правительства и духовной властью.

Вскоре к расколу примкнуло окончательно закрепощенное и доведенное до крайней степени нищеты крестьянство. Борьба народных масс против феодального гнета нашла в движении раскола идеологическое оправдание.

Присоединяется к расколу и часть боярства, еще не оправившегося от нанесенного ему Иваном Грозным удара. Представители боярских родов увидели в расколе оппозицию ненавистной им официальной царской власти.

Вообще же раскольничье движение представляло собой яркий пример характерного для феодального общества процесса, когда защитники существовавшего строя и их противники выступали друг против друга под знаменем христианской религии. Движение против реформ Никона превратилось в массовый протест против официальной церкви и феодального государства.

Проповеди расколоучителей — Аввакума, Никиты Пустосвята, Лазаря и других находили горячий отклик в народных массах во всех концах Руси и выражали общественное мнение относительно Никоновых новшеств. Проповеди вождей старообрядчества повторялись повсеместно: в лесах керженских действовал безграмотный чернец Капитон, в Муроме — архимандрит Спасского монастыря Антоний, другие проповедовали в Соловецком и Кирилловском монастырях.

Повсеместные волнения побудили царя Алексея Михайловича собрать собор русских архипастырей. В 1667 году на соборе в Москве раскол был осужден всей православной церковью. Собор предал торжественной анафеме всех последователей раскола. Так окончательно отделился раскол от церкви и встал во враждебное к ней отношение. И запылали на Руси костры, на которых гибли непокорные царской власти и официальной церкви раскольники.

По преданию, первым поселился в заволжских лесах соловецкий схимник Арсений, который, прибыв туда во второй половине XVII века, построил первый скит на урочище Шарпан. Один за другим стали появляться старообрядческие скиты в заволжских лесах. В первые годы раскола в керженских скитах селились в основном люди знатных родов, не желавшие принять Никоновы новшества.

За какие-нибудь 30—40 лет в Нижегородском Заволжье было построено 94 скита. К концу XVII века состав скитов был исключительно разнообразен. Сюда стекались люди из Соловецкого монастыря, Москвы, Твери, Ярославля и т. д. В скитах укрывались мятежные стрельцы, беглые крестьяне. Запрещено строительство скитов было только при Петре I.

Петр I проявил по отношению к старообрядцам большую строгость. Царь-преобразователь увидел в раскольниках опасных противников, всегда готовых выступить против его реформ. Объявив раскольников своими врагами, Петр начал с ними непримиримую борьбу «не как с противниками господствующей церкви, *но как с ревностными* поборниками ненавистной ему старины»[1].

Петр вел с расколом открытую борьбу. Карал, если встречал с их стороны протест против свершавшихся преобразований, и осыпал благодеяниями, когда видел, что их практическая деятельность ему полезна.

Такую же политику по отношению к старообрядцам вела и дочь Петра царица Елизавета. Петр III, взойдя на престол, прекратил преследование раскольников.

Гонения на старообрядцев не возобновлялись и в период царствования Павла и Екатерины II. Борьба правительства с расколом прекратилась не вследствие победы того или иного лагеря, а в результате осознания ее бесполезности. Нельзя не признать определенного воздействия на императрицу Екатерину II и идей французских просветителей — Дидро, Вольтера, которые также во многом содействовали прекращению преследований сторонников «древлего благочестия»[2].

По указу Екатерины II раскольники получили полные гражданские права и свободу совести, что содействовало добровольному возвращению большого числа старообрядцев из-за границы, куда они уходили в годы преследований.

Но уже во втором полном собрании законов Российской империи, изданном по приказу Николая I, права раскольников значительно ущемлялись.

---

[1] Сведения о заволжских скитах взяты:

а) из работы П. И. Мельникова-Печерского «Очерки поповщины»;

б) из статьи «Очерк из внутренней жизни раскола в Нижегородских пределах» (*Нижегородские епархиальные ведомости*, 1868, № 12);

в) из статьи П. И. Мельникова «Письма о расколе».

[2] Историческая и философская переписка императрицы Екатерины II с Вольтером. СПб., 1802, с. 12.

Во всем усматривая признаки возможной революции, видя, как упорно староверы могут сопротивляться, правительство увидело в этом сопротивлении чуть ли не крамолу и причислило старообрядчество к числу вредных, едва ли не изуверских сект.

В романах «В лесах» и «На горах» Мельников-Печерский противопоставляет старообрядцев представителям других религиозных разногласий — хлыстам, скопцам, молоканам.

Скит Комаров, место действия романа «В лесах», возник в начале XVIII века. По раскольничьим преданиям, этот скит был основан раскольником Комаром. Он находился в 18 км от г. Семенова и в 60 — от Нижнего Новгорода. С одной стороны скита был лес, с других — располагались деревни: Елфимово, Васильево, Ронджиное и другие.

В романе «В лесах», рассказывая о Комаровском ските, Мельников-Печерский также упоминает, что неподалеку от него находились указанные выше деревни. Елфимово неоднократно посещают некоторые герои романа, там живет знахарка Егориха, за помощью к которой не раз обращаются Марья Гавриловна Маслянникова и Таня.

Скиты были многолюдны. Число живущих в каждом из них доходило до 600 человек. Особенно многочисленны были Оленевский и Комаровский скиты.

В Комаровском скиту сначала было 20 обителей, а в середине XIX века — всего две: Манефина, где, по свидетельству Мельникова-Печерского, настоятельницей была мать Матрена Филлипьевна, и Игнатевская, которой управляла Мария Михайловна[1].

Сначала керженские и чернораменские скиты были чисто религиозными учреждениями. Но с течением времени ослабевал религиозный фанатизм старообрядцев, и скиты потеряли свой первоначальный характер. Они превратились в религиозно-хозяйственные учреждения. Религия в руках заволжских отшельников стала выгодным средством обогащения обителей, молитва — основным их ремеслом.

Большую часть дохода обителей составляли подаяния богатых благодетелей-старообрядцев, которые щедро оплачивали замаливание их грехов. Поэтому каждая обитель старалась отличиться перед другой славой да согласным пением. Чтобы привлечь больше посетителей, в скитах не жалели денег на украшение своих часовен. «Нигде нельзя было так

---

[1] Сведения взяты из «Отчета о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии».— Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. 9, ч. 2, 1910.

возвыситься в глазах посторонних посетителей скитов,— писалось о Комаровском ските в 1867 году в № 2 «Нижегородских епархиальных ведомостей»,— нигде нельзя было рельефнее выказать святость и совершенство скитской жизни и скитского устройства, как во внешнем богослужении. Поэтому скитники и обращали особое внимание на точное выполнение богослужения, особенно дорожили людьми, знающими чин церковный».

Еще в начале XVIII века керженские и чернораменские скиты сделались рассадниками раскола. Они подчинили своему влиянию почти все население края, установили прочные отношения со старообрядцами всех областей страны. Поэтому официальная церковь и правительство неоднократно принимали меры для пресечения распространения раскола. Не одна гроза проходила над керженскими и чернораменскими скитами. К 1737 году почти все заволжские скиты были уничтожены нижегородским архиепископом Нитиримом. Но после указа 1762 года, дозволившего заграничным раскольникам возвращаться на родину, керженские и чернораменские скиты ожили. Возвратившиеся старообрядцы прибыли в Нижегородское Заволжье и возродили разрушенные скиты.

С 1821 года последовал ряд правительственных распоряжений, имевших целью уничтожить скиты в Нижегородском Заволжье. В ноябре 1836 года воспрещено было вновь приписывать раскольников к скитам. В феврале 1842-го — запрещено строить новые и поправлять старые молельни, устраивать их в домах и иметь колокола. Эти постановления нашли неоднократное отражение в произведениях Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

В 1847 году в управление Нижегородской епархией вступил преосвященный Иаков. По его приказу были взяты из скитов иконы, оглашаемые старообрядцами чудотворными: икона Казанской богородицы из Шарпана и икона Николая-чудотворца из Оленева, чего опять-таки не обошел молчанием Мельников-Печерский.

А в 1853 году вышло правительственное постановление об окончательном уничтожении старообрядческих скитов. Именно этого указа и ждали со страхом на протяжении всей эпопеи герои Мельникова-Печерского.

Прекрасный знаток истории и состояния церковного раскола, Мельников-Печерский впервые в литературе использовал этот богатый материал, добытый им в процессе длительного изучения старообрядчества, для осуществления своих творческих замыслов. На широком фоне капитализирующей-

ся российской действительности он создал целую галерею высокохудожественных образов старообрядцев, выражающих основные черты русского национального характера.

2. «...МНОГО БЫЛО ВИДАНО, МНОГО БЫЛО СЛЫШАНО...»

Всему начало здесь, в краю
моем родимом.

Н. А. Некрасов

В русской литературе XIX века трудно найти художественное произведение, которое так полно и достоверно отражало бы быт, нравы, экономическое состояние, историю и этнографию того или иного края, как изобразил в свое время П. И. Мельников-Печерский в романах «В лесах» и «На горах» Нижегородское Поволжье.

Литературно-художественное творчество этого замечательного писателя нельзя рассматривать в отрыве от его служебной деятельности, которая дала ему возможность вдоль и поперек изъездить родной край, набраться свежих впечатлений и глубоко изучить народную жизнь. Современная русская действительность и явилась источником для его знаменитых романов. «Хочется знать Россию, поездить пока молод, накопить материалов, чтобы было чем заняться под старость. Вот моя цель»[1],— писал он в начале 50-х годов.

А в 1863 году в Петербурге, сидя у товарища но университету А. И. Артемьева, в разговоре о том, что «года пошли под гору» и «столько уже не жить, сколько прожито», Мельников-Печерский подчеркнул, что им «в прожитом времени много было видано, много было слышано и немало было такого знаемо, что весьма немногими знаемо»[2].

Работая в нижегородских архивах, разъезжая но Поволжью и общаясь с людьми разных сословий, Мельников-Печерский собрал огромный жизненный материал и стал крупнейшим знатоком современного ему народного быта и церковного раскола.

Город Семенов, где прошли ранние детские годы Мельникова-Печерского, с давних времен в Верхнем Поволжье считался центром старообрядчества. Вокруг на далекие прост-

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 27—28.
[2] Исторический вестник, 1884, т. 17, с. 474.

ранства по керженским и чернораменским лесам были разбросаны скиты, история возникновения и разорения которых нашла отражение в эпопее Мельникова-Печерского. С детства наблюдая нравы и обычаи местного населения, писатель знакомился с особенностями бытовой обстановки своих будущих литературных героев. После переезда семьи в Нижний Новгород Мельников нередко приезжал в полюбившиеся ему места. «В Заволжье,— вспоминал он позднее,— именно в Семеновском уезде, было у меня маленькое, доставшееся после матери имение; крестьяне, жившие в нем, были все до единого раскольники поповщинской секты... В Каменцеве (т. е. в этом имении.— *В. С.*) я прежде всего познакомился с раскольничьим бытом; неподалеку от деревни (верстах в трех) был раскольничий скит Кошелевский (поповщинский). Здесь я познакомился со скитскими жителями. Старшина моего селения Иван Петров, умный, грамотный и довольно развитой человек, большой начетчик и сын начетчика, пользовался уважением от своих и чужих крестьян-раскольников. С ним много мы толковали о расколе. Бывало, когда приедет Иван Петров в Нижний, целые вечера проводили мы с ним, говоря о расколе»[1].

Гонимые отщепенцы, резко расходившиеся в своих убеждениях с основной массой русского населения, с ранних лет вызывали к себе интерес будущего писателя. Это влечение определялось и его непреходящим интересом к прошлому своего народа, любовью к русской старине, остатки которой он находил в старообрядческой среде. «До 1847 года,— отмечал он в своем дневнике,— живя в Нижнем Новгороде и занимаясь историей, я стал изучать раскол и раскольников. Моим занятиям способствовали два обстоятельства: поездки по Нижегородскому Заволжью и знакомство с книжниками на Нижегородской ярмарке»[2].

Любовь к историческому прошлому у Мельникова-Печерского с ранних юношеских лет сочеталась с интересом к современности — экономическому и социально-бытовому положению края и страны в целом. Он изучает состояние дел на Нижегородской ярмарке, наблюдает ход торговых сделок, что способствует значительному обогащению его личного опыта. Работы Мельникова о Нижегородской ярмарке 1843, 1844, 1845 годов дают обстоятельный анализ торговли отечественными и зарубежными товарами и обнаруживают глубокое по-

---

[1] *Усов П. С.*, с. 88.
[2] Там же, с. 87.

нимание их автором потребностей исторического момента.

Богатый жизненный материал собрал Мельников в период этнографической деятельности. В 1846 году он избирается членом Русского географического общества. «Честь имею,— читаем мы в приказе о зачислении его в общество,— предложить в действительные члены Р. Г. О. редактора «Нижегородских ведомостей» коллежского асессора Павла Ивановича Мельникова, которого сочинение о Нижегородской ярмарке в 1843, 1844, 1845 годах одно уже дает ему право на поступление в число наших статистиков. Полученное им ныне назначение объехать в течение нескольких лет Нижегородскую губернию и составить сколько можно удовлетворительное описание оной, без сомнения, послужит распространению точных знаний о России»[1].

Мельников как статистик должен был дать подробное описание Нижегородской губернии с указанием количества усадебной и пахотной земли, леса, рек, озер, гор, числа жителей, их вероисповеданий и т. д., сообщить точные сведения о развитии промышленности, делах на ярмарке, числе преступлений и пожаров, о купеческих капиталах, о нравственности и просвещении. Постоянные разъезды по Нижегородскому Поволжью, встречи с новыми людьми, регистрация всевозможных фактов и происшествий способствовали его более глубокому изучению народной жизни и народных обычаев.

Позднее, уже известный писатель, П. И. Мельников-Печерский, говоря об источниках своих романов, отмечал: «Бог дал мне память, хорошую память... А на роду было написано довольно-таки поездить но матушке по святой Руси. И где-то не довелось бывать? И в лесах, и на горах, и в болотах, и в тундрах, и в рудниках, и на крестьянских полатях, и в тесных кельях, и в скиту, всего не перечтешь. И где ни был бы, что ни видел, что ни слышал, все твердо помню. Вздумалось мне писать; ну, думаю, давай писать по памяти, как по грамоте, как говорит старинное присловье»[2].

Со времени назначения чиновником особых поручений при нижегородском генерал-губернаторе в 1847 году деятельность Мельникова значительно расширяется. С этих пор он на протяжении ряда лет занимается исключительно много делами старообрядцев: ведет диспуты с начетчиками из среды сторонников древлего благочестия, подсчитывает количе-

---

[1] Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 30, оп. 1, № 173, л. 3.

[2] *Усов П. С.*, с. 276.

ство раскольников в губернии и изучает их настроения, разыскивает беглых старообрядческих попов.

Особенно обогатились наблюдения Мельникова-Печерского над жизнью раскольников в 50-е годы. За 1850 год в его послужном списке значится следующая запись: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 92 назначить чиновником особых поручений Министерства Внутренних Дел»[1].

Служебные обязанности требовали от Мельникова досконального изучения старообрядчества и русского религиозного сектантства.

На свои служебные поручения Мельников смотрел не только как ревностный чиновник-исполнитель. Каждая поездка по губернии давала ему свежие наблюдения над жизнью, новый материал для литературно-художественных трудов. В 1849 году он писал нижегородскому архимандриту Иакову: «Бывши в Сергаче, познакомился я покороче с Спасовым согласием, которое не так близко к церкви, как я предполагал... Много любопытного в этнографическом отношении встретил я в здешнем крае и вообще доволен этой поездкой»[2].

Много новых материалов дала писателю руководимая им статистическая экспедиция, действовавшая на территории Нижегородской губернии в 1852—1853 годах. Возникновение Белокриницкой старообрядческой митрополии и широкое распространение раскола в первой половине XIX века вызвали сильные опасения правительства. Были приняты меры для выяснения числа раскольников, характера раскольничьего движения и его политической направленности. С этой целью и организуются статистические экспедиции в Нижегородскую, Костромскую, Ярославскую и Саратовскую губернии. В задачи каждой экспедиции входило также и этнографическое изучение края.

За время участия в экспедиции Мельников значительно обогатил свои знания о жизни Нижегородского Поволжья. В рапорте во Временный статистический комитет от 12 октября 1852 года Мельников сообщал: «Таким образом, собраны обстоятельные сведения в отношении топографическом, исправлена и дополнена карта генерал-лейтенанта Шуберта, сняты планы замечательных селений, собраны самые подробные сведения о торговле и промышленности каждого селения и в особенности о волжской торговле, описаны древности, в губернии находящиеся, списано до пятидесяти древ-

---

[1] Сборник, т. 9, с. 28.
[2] Там же, с. 171.

них актов, собраны материалы для этнографического описания края и составлен список растений, находящихся в губернии, преимущественно замечательных во врачебном отношении»[1].

При работе над романами «В лесах» и «На горах» Мельников-Печерский использовал собранные за время экспедиции материалы. Промышленность и торговля края занимают исключительно важное место в его дилогии и свидетельствуют о превосходном знании писателем особенностей местной промышленности, кустарных промыслов, семейно-бытовых и деловых отношений разных социальных групп Поволжья, а поэтический образ знахарки Егорихи убеждает в его широкой осведомленности в области народной медицины.

Служба в Министерстве внутренних дел, постоянные наблюдения над старообрядцами дали возможность Мельникову изучить их нравственный уровень, понять духовные стремления и идеалы. Только за первые три года служебной деятельности им «исполнено было 87 поручений, важных и сложных, преимущественно секретных по раскольничьим делам»[2]. Характер деятельности Мельникова-чиновника раскрывается в письмах, направленных ему из Министерства внутренних дел. В настоящее время они хранятся в Институте русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде. Например, в поручении от 10 июля 1853 года[3] Мельникову предлагалось выяснить: сколько всего в губернии раскольников, в каких местах они проживают и сколько их в каждом городе, к каким сословиям принадлежат, сколько из них постоянно проживает на месте, в каком нравственном состоянии они находятся, на какие секты разделяются, какие между ними ходят толки, в чем состоят их надежды и какое они производят воздействие на других жителей.

По исполнении возложенных поручений Мельников должен был представить отчет о состоянии раскола в Нижегородской губернии.

«Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» был составлен Мельниковым в 1854 году. Разделяя официальную точку зрения на раскол, автор отчета проводит мысль о том, что старообрядцы представляют опасность для полного благополучия страны. Такого же мнения о старообрядчестве было и правительство. Ему представля-

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 172—173.
[2] Там же, с. 15.
[3] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова, ф. 95, оп. 1, № 66, л. 21.

лось, что раскольники всегда готовы поддержать ту власть, которая даст им свободу вероисповедания. А это могло быть особенно опасно в периоды международных конфликтов.

«Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» представляет собой исключительно важный и ценный документ, проливающий свет на источники мельниковских романов.

Судя по архивным документам, воспоминаниям современников, в наиболее тесных отношениях со старообрядцами вообще и скитницами в частности Мельников находился в начале 50-х годов. А. С. Гациский, рассказывая о своей поездке в Заволжье, писал в 1876 году: «В это время случилось мне увидеться с П. И. Мельниковым; я его попросил о рекомендательных письмах, но он мне помочь в этом не мог, сказавши, что все личные знакомства его со скитским миром относятся к 1853 году, с тех пор, вероятно, многие из его знакомых примерли»[1].

Самое активное участие принимал Мельников и в разгроме керженских скитов в 1853 году, чем вызвал ненависть и презрение старообрядческого мира. О Мельникове, зорителе и гонителе старообрядцев, ходили легенды. В сборнике «Древняя и новая Россия» за 1877 год А. С. Гациский пишет: «Узнал я также о существовании легенды про П. И. Мельникова: когда он ночью вез из Шарпана святыню шарпанскую — икону Казанской Богородицы, то на плотине у речки Белой Санохты, под Зиновьевом, вдруг ослеп. Испугавшись, хотел он тут же бросить икону, но дьявольским наваждением отвращен был от этого; зато от дьявола ему потом зрение снова возвратилось»[2].

Деятельность ревностного чиновника Мельникова вызывала осуждение не только в среде старообрядцев. Многие близкие друзья отказывались уважать в нем человека. Даже А. С. Гациский, которого с Мельниковым связывала почти тридцатилетняя дружба, писал в 1880 году в своем дневнике: «Вечером 4-го (августа), когда сидел у меня Картавцев, приехал Мельников, прямо из Ляхова... Теперь он у меня до пятницы проживет... Да, как к гражданину я брезгливо к нему отношусь, а как к писателю, да к тому же нижегородцу, давшему мне известные традиции, отношусь с безграничным почти уважением и считаю за честь, что он ко мне внимателен, что

---

[1] *Гацискиӣ А. С.* Из путевых заметок по Нижегородскому Заволжью.— В кн.: Первый шаг. Казань, 1876, с. 231.

[2] Древняя и новая Россия, 1877, № 3, с. 278.

он живет у меня»[1]. Такое отношение даже близких людей к Мельникову-Печерскому было вызвано не только его деятельностью, связанной с зорением старообрядческих скитов, но и брошюрой «Русская правда и польская кривда», написанной после польских событий 1863 года.

Деятельность Мельникова-чиновника в основном кончается 1854 годом. Правда, после этого он еще около десяти лет числился чиновником при Министерстве внутренних дел, выполняя время от времени различные поручения. В 1856 году он направляется на Нижегородскую ярмарку собрать сведения о ходе торговли восточными товарами, затем ему поручается составление проекта об управлении Нижегородской ярмаркой. Выполняя эти поручения, Мельников накапливал богатый материал для своего второго романа — «На горах», в котором Нижний Новгород и Нижегородская ярмарка оказываются в центре внимания писателя.

Исполняя обязанности чиновника особых поручений, Мельников был уверен, что его честная, бескорыстная деятельность способствует осуществлению прогресса и не может быть не оценена по достоинству правительством. Слабо разбираясь в развертывавшейся в стране общественной борьбе, питая чисто просветительские иллюзии, он твердо верил в возможность искоренения социального зла путем честного, бескомпромиссного служения истине и добру, и государственная служба представлялась ему тем поприщем, на котором прогрессивно мыслящий человек может принести реальную пользу родине и народу. Но своим самоотверженным трудом Мельников добился результатов прямо противоположных тем, на которые рассчитывал. Правительство скоро убедилось, что прилежание и усердная исполнительность провинциального чиновника имеет не совсем обычный характер и не соответствует его целям. Не случайно после представления «Отчета о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» кончилась служебная карьера Мельникова, а с ней рухнули и его иллюзии о просветительной миссии русского правительства.

Настороженное отношение к Мельникову правящих кругов, очевидно, вызвала критическая направленность представленного им документа, в котором русская действительность довольно часто трактуется в обличительном плане. На отношении к старообрядчеству, которое можно безнаказанно

---

[1] Литературный музей А. М. Горького в г. Горьком, ф. А. С. Гациского. Записная книжка (выписки), л. 27.

грабить, раскрыта истинная суть русского чиновничества и православного духовенства. Чиновник за крупные взятки всегда готов поступиться своей честью, пойти на нарушение законности и любые снисхождения старообрядцам, вопреки служебным обязанностям. Православный поп, злоупотребляя своим положением, получая значительные подачки, сам способствует распространению раскола и потворствует раскольникам. Алчность православного духовенства, его низкий культурный уровень — типичные явления русской действительности: «Из всего сказанного,— писал в отчете Мельников,— видно, что распространению и поддержанию раскола в Нижегородской губернии весьма много способствует упадок нравственности духовенства, его святокупство и корыстное потворство расколу, отсутствие благочиния в церквах и пренебрежение устава церковного»[1].

Еще более резкая критика православных пастырей дается в «Записке о русском расколе», в которой Мельников предельно обнаруживает свое резко отрицательное отношение к духовным лицам, нравственный уровень которых далеко не соответствует их сану. «В редком рассказе забавного содержания,— пишет он,— народ не глумится над попом, попадьей и поповским батраком; во всех народных пословицах и байках, во всех народных поговорках и присловьях — если только говорится о духовенстве — говорится с насмешкою»[2].

Сам Мельников полностью разделял народную точку зрения на священнослужителей. «Может ли народ с уважением смотреть на духовенство...— пишет он ниже,— когда то и дело слышишь, как один поп, исповедуя больного, украл у него из-под подушки деньги, как другого народ вытащил из непотребного дома, как третий окрестил собаку, как четвертого во время пасхального богослужения дьякон вытащил за волосы из царских дверей»[3].

Вопрос о нравственном состоянии русского духовенства явился одним из важнейших и в романах «В лесах» и «На горах». Фигура попа Сушилы из романа «В лесах» красноречиво подтверждает мысль Мельникова о русском духовенстве, высказанную им в «Записке о русском расколе» и «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии».

В отчете отразился весь уклад скитской жизни. Мельников подробно высчитывает все доходы и расходы старообряд-

[1] *Усов П. С.*, с. 150.

[2] ЦГАЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 223, оп. 1, № 7, л. 5.

[3] Там же, л. 6.

ческих обителей, описывает занятия стариц и белиц: «Рукоделия, которыми занимаются скитницы, разделяются на два разряда: белоручные и черные. К первым принадлежат: вышивание по канве, шерстями, синелью и шелком, золотошвейные и бисерные, а особенно тканье шелковых поясов и кошельков. Эти вещи на продажу поступают редко, большей же частью назначаются для подарков богатым раскольникам, подающим в скиты милостыню»[1].

Одним из самых доходных занятий скитниц являлось воспитание и обучение девиц, отданных богатыми старообрядцами в скиты.

Читателю романов «В лесах» и «На горах» хорошо известен этот своеобразный строй жизни их героев, и вряд ли кому придет в голову, что автор этой оригинальной эпопеи впервые рассказал о нем в официальном документе большой государственной важности. Даже такой, казалось бы, незначительный факт, как особенности раскольничьей переписки, отраженный в романах «В лесах» и «На горах», сначала был освещен в «Отчете» 1854 года. «Раскольничье письмо,— пишет Мельников,— чаще всего начинается молитвой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», потом идет длинный ряд пожеланий доброго здоровья и просьба «прощения и благословения»... В случае чрезвычайной важности известия письмо пересылается с нарочным... Для сектаторской переписки раскольники употребляют иногда особый тайный язык»[2]. Перечисленные в отчете места, почитаемые старообрядцами святыми (мощи святого Софонтия, могила Манефы Старой, Светлояр и т. п.), в дилогии зачастую становятся фоном, на котором разворачиваются изображаемые события.

Служебные обязанности требовали от Мельникова глубокого проникновения в психологию раскольника, верного представления о его нравственно-этическом уровне, серьезного изучения его наклонностей и устремлений.

В «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии» Мельников впервые дает всестороннюю характеристику русским старообрядцам: «Вообще русский раскольник, если он занял почему-либо видное место в кругу сектаторов, отличается ханжеством и лицемерием. Но нигде, конечно, такое лицемерие не достигает таких размеров, как в скитах, и особенно женских. Этим ханжеством поддерживают скитские жители доброе о себе мнение богатых раскольников и соблаз-

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 141.
[2] Там же, с. 97.

няют простой народ окрестных деревень... Из долговременного наблюдения этого быта я вывел заключение, что всякий скитский раскольник или раскольница на каждом шагу употребляют рассчитанное ханжество и лицемерие в разных видах и формах... Они смиряются и благоговейно молятся на глазах богатых раскольников, чтобы выманить от них побольше денег... Под личиною мнимых добродетелей в скитах скрывается ненависть, алчность к деньгам, своеволие, праздность, пьянство и разврат»[1].

Отражение подобных взглядов писателя на скиты и их обитателей мы встречаем и в романах «В лесах» и «На горах». Однако наряду с этим в своей эпопее Мельников-Печерский создал полные обаяния образы старообрядцев как выразителей русского национального характера, любовно нарисовал полные прелести картины их быта. Не ошибся ли Андрей Печерский? А может быть, в свое время покривил душой Мельников-чиновник? Однако как Андрей Печерский, так и чиновник особых поручений Мельников каждый в свое время были искренни.

Работать над романом «В лесах» Мельников-Печерский начал в 1868 году, через четырнадцать лет после предъявления «Отчета о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии». Собранные по поручению министерства материалы по состоянию церковного раскола явились предметом серьезных размышлений писателя и в последующие годы. Изучать старообрядчество он продолжает и в дальнейшем, прослеживая не только современные настроения раскольников, но и их историческое прошлое. И вот уже в 1856 году, составляя по поручению министра внутренних дел Ланского «Записку о русском расколе», Мельников выражает мысль о том, что старообрядчество не представляет ничего опасного в политическом отношении. А ведь совсем недавно он считал его силой враждебной государству и призывал к борьбе с ним. Сейчас же старообрядчество противопоставляется им другим формам церковных ересей. Более того, автор «Записки о русском расколе» выступает против постоянных гонений на старообрядцев и высказывается за осуществление мероприятий, которые бы успокоили «умы огромного числа подданных империи».

Надо сказать, что русское правительство видело опасность в церковном расколе не только в периоды межгосударственных столкновений, но и во времена возможных револю-

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 143.

ционных потрясений. Эти опасения правительства не были необоснованными. Угнетаемое и гонимое в течение ряда веков русское старообрядчество накопило горы ненависти к официальной власти. Многим даже крупнейшим мыслителям XIX века оно представлялось силой, способной к революционному действию. Как известно, были даже попытки привлечь старообрядчество к освободительной борьбе русского народа. Достаточно вспомнить, какие усилия были приложены Герценом и Огаревым, чтобы пробудить в среде русских старообрядцев интерес к общественным вопросам. Статьи и непосредственные обращения к старообрядцам, помещенные в приложении к «Колоколу» — «Общем вече», являются красноречивым доказательством той большой работы, какую проводили лондонские эмигранты в их среде[1].

Расчеты Герцена и Огарева на поддержку старообрядчеством революции не оправдались. Старообрядчество с его косностью и привязанностью к старине не только не могло приобщиться к революционной борьбе, но постоянно являлось препятствием на пути к прогрессу. Даже сами слова «демократия», «революция», «конституция» отпугивали раскольников. В работе «Земство и раскол» Щапов рассказывает, как обидело старообрядцев данное им название демократов и пронесшийся слух, будто они не молятся за московского государя. «Какие мы демократы?— говорили они,— что это еще за глупости? Мы в его благоверии сомневаемся, но за его благочестивое житие молимся»[2].

Наиболее верную оценку русским старообрядцам дал И. С. Тургенев. Особенно ярко взгляды Тургенева на старообрядчество отразились в его полемике с Герценом. В среде старообрядчества он не видел ничего, кроме застоя и непроходимого невежества. «Русский человек, самому себе предоставленный,— писал он в одном из писем Герцену,— неминуемо вырастает в старообрядца — вот куда его гнет,— его прет — а вы сами лично достаточно обожглись на этом вопросе, чтобы не знать, какая там глушь, темь и тирания»[3].

Всю жизнь занимаясь вопросами церковного раскола, Мельников-Печерский не мог не рассмотреть этого в русском старообрядце. И в 1862 году в «Письмах о расколе» он уже выступает в роли защитника старообрядчества. Теперь Мель-

---

[1] См., например: От старообрядца — к старообрядцу.— Общее вече. Лондон, 1863, № 11.

[2] *Щапов А. П.* Земство и раскол. СПб., 1862, с. 40.

[3] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. М.; Л., Наука, 1964, т. 7, с. 14.

ников не рассматривает общины старообрядцев как «государство в государстве» и не ставит задачи его искоренения. Выступая сторонником сохранения лучших традиций старообрядцев, он считает, что церковный раскол можно ликвидировать путем слияния старообрядчества с православием. Мельников прекрасно понимал, что старообрядцы сохранили много ценного, чисто национального, что безвозвратно утратилось в других слоях русского общества. В 60-х годах прошлого столетия подобные мнения начали выражаться и на страницах официальной печати. В № 1 «Христианских чтений» за 1863 год писалось: «Далее справедливость требует сказать, что в некоторых случаях возгласы раскольников против существующих в православном обществе обычаев и порядков не лишены здравого смысла и показывают в раскольниках много нравственного чувства, не уважать которое было бы грешно. Вражда их к новому объясняется искренней, страстной привязанностью к доброму старому времени»[1].

Мельников в конце 50-х — начале 60-х годов считал, что при слиянии двух враждующих сторон русского общества старые национальные обычаи и нравы прочно укоренятся в среде русского народа. В обновленных путях соединения с православием старообрядцев он начинает видеть основу будущего развития России. Тем не менее писатель и тогда был далек от идеализации старообрядчества. До конца своей жизни он считал его следствием темноты и дикости. В одном из официальных документов он писал: «Не надобно забывать, что раскол, собственно так называемый, то есть поповщина и беспоповщина, есть порождение грубости и невежества и что он должен со временем уничтожиться, когда просвещение проникнет в низшие слои народа. Перед светом общечеловеческого образования не устоять расколу, если не будут воздвигаться на него новые преследования и новые гонения»[2].

Дальнейшие события подтвердили взгляды Мельникова на старообрядчество. Было ясно, что оно в своей косности не только никогда не поддержит революционно настроенную массу, но в любое время окажет верную услугу реакции. Революционное движение 60-х годов XIX века, в отличие от крестьянских волнений эпохи феодализма, не нуждалось в религиозной окраске. Старообрядцы же могли стоять насмерть только за истинную Христову веру. Вся их вражда к

---

[1] Христианские чтения, 1863, № 1, с. 29.
[2] *Усов П. С.*, с. 222.

официальной власти объяснялась религиозными мотивами. Старообрядчество никогда не ставило себе целью менять основы существующего порядка. Краеугольным камнем, на котором оно зиждилось, являлся закон, выраженный Аввакумом: «До нас положено, лежи оно так во веки веком». Закостенелая приверженность к старому и верность заветам отцов не могли допустить и мысли о возможности каких-либо изменений в издавна установившемся порядке.

После польского восстания, во время которого старообрядцы, организовав специальные отряды, выступили против восставших, правительству стало ясно, что церковный раскол не только не опасен в политическом отношении, но как консервативная сила может быть им использована в борьбе с идейными противниками.

Мельников-Печерский, уже прежде видевший консерватизм старообрядцев, усмотрел в последних событиях подтверждение своей точки зрения.

Именно всеми этими обстоятельствами объясняется тот факт, что Мельников в 1854 году в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» дает резко отрицательную характеристику старообрядцам, а в романах «В лесах» и «На горах» в образе их представителя Патапа Максимыча Чапурина видит носителя народной точки зрения, разума и прозорливости русского простолюдина.

Тем не менее отчет 1854 года явился для писателя важнейшим документом, своего рода копилкой жизненных материалов в период создания эпопеи «В лесах» и «На горах».

Еще в отчете старообрядчество рассматривалось Мельниковым не только как религиозное, но и как социальное течение. Так же как и позднее в романах «В лесах» и «На горах», в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» он обращает внимание на материальную подоплеку раскола, раскрывает далеко не бескорыстные устремления ревнителей древлего благочестия. «Городецкий раскольник потому раскольничает,— пишет он,— что ему выгодно раскольничать, ибо он поддерживает расколом свои торговые дела»[1]. Распространению раскола во многом содействует материальная зависимость от влиятельных раскольников-предпринимателей как отдельных лиц, так и целых коллективов людей. «У раскольников, занимающихся торговлею, имеющих фабрики и заводы и другого рода капиталы, замечательно то, что капиталы эти никогда не делятся,— объяс-

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 24.

няет автор отчета,— но всегда остаются в распоряжении старшего лица — не только отца, но и брата, дяди, тетки. Такой распорядок дает возможность раскольникам вести более обширную торговлю и делать более значительные обороты, он, вместе с тем, служит и для поддержания в семье раскола. Иной молодой член такого семейства и бросил бы раскольничать, но так как у него нет определенного капитала, то и не хочется ему сделаться нищим»[1]. Патап Максимыч в романе «В лесах» тоже больше оттого раскольничает, что «от раскола кредита больше».

В связи с этим обстоятельством в отчете нашло отражение не только состояние раскола в губернии, но и степень развития промышленности края, растущая роль скупщика-предпринимателя. «Замечательно,— пишет Мельников,— что нижегородские раскольники завладели не только городскою торговлею, по и торговлею предметами местной промысловой производительности, отчего держат, так сказать, в своих руках около одной десятой местного народонаселения. Зависимость местных крестьян от торговых раскольников двоякая: или они нанимаются у них в работники, или продают им свои произведения»[2]. Именно об этом в художественной форме расскажет Мельников-Печерский спустя четырнадцать лет на страницах «Русского вестника». «При отсутствии помещиков и управляющих,— пишет он в романе «В лесах» о лесном Заволжье,— так называемые тысячники пользовались большим значением. Вся промышленность в их руках, все рядовые крестьяне зависят от них и никак из воли их выйти не могут. Такой тысячник, как Патап Максимыч,— а работало па него до двадцати окольных деревень,— жил настоящим барином» (т. 2, с. 79).

Еще в период службы в Министерстве внутренних дел Мельников хорошо понял, что другой серьезной причиной существования церковного раскола является приверженность народа к старине, стремление во всем следовать традиции. В «Отчете о состоянии раскола...» Мельников писал, что большинство старообрядцев остается в своем заблуждении но неведению. Они не знают, в чем отличие церкви от секты, и обычно ссылаются на пример дедов: как родители жили, так и нас благословили. Героев романов Мельникова-Печерского также нельзя назвать фанатиками старообрядчества. Патап Максимыч хорошо понимает, что старообрядчество не

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 285.
[2] Там же, с. 255.

является единственно правильной верой, что расхождение ревнителей древлего благочестия с официальной церковью заключается всего лишь в обрядах. Тем не менее Чапурин строго следует заветам отцов. Материальные интересы не играли определяющей роли в его приверженности к старой вере. На вопрос Колышкина, почему он придерживается раскола, Чапурин отвечает, что пребывать в этой вере его обязывает, в первую очередь, то, что он в ней родился. Долго и обстоятельно объясняет Алексей Лохматый англичанину, почему русский человек непоколебим в своих религиозных убеждениях. «Каждый человек,— говорил оп,— родительску веру должен по гроб жизни сдержать. В чем, значит, родился, того и держись. Как родители, значит, жили, так и нас благословили. Потому и надо жить по родительскому благословению» (т. 3, с. 79).

Именно на этой особенности старообрядцев Мельников-Печерский обосновал свою веру в их политическую благонадежность.

Показывая на страницах романов «В лесах» и «Па горах» экономическое положение края и нравственное состояние его населения,. Мельников-Печерский прежде всего опирался на свой богатый жизненный оныт и данные научных выводов, что делало его художественные полотна полнокровными и реалистически убедительными.

Начиная со второй половины XIX века в русском обществе интерес к расколу и старообрядческому миру значительно усиливается. На страницах разных газет и журналов на эту тему появляются многочисленные статьи и очерки, в которых затрагиваются и вопросы промышленного развития как страны в целом, так и отдельных ее областей. Прослеживая эту периодическую печать, нельзя не обратить внимания на близкое сходство этих сообщений с художественными обобщениями Мельникова-Печерского[1].

Статьи по этнографии и экономике края часто помещались на страницах «Нижегородского сборника» и в «Нижегородских губернских ведомостях», редактором которых долгие годы был сам Мельников-Печерский. Одни из этих статей принадлежали его перу и свидетельствовали о широкой осведомленности писателя в различных вопросах, касающихся жизни населения Нижегородского Поволжья, другие давали ему дополнительные сведения и новый материал для художе-

---

[1] См.: Православный собеседник, 1869, № 3; Первый шаг. Казань, 1876, с. 288.

ственного творчества. Материалы о жизни Поволжья публиковались и в редактируемой Мельниковым-Печерским в 1859 году газете «Русский дневник». Они еще более углубляли этнографические познания писателя, а некоторые из них прямо подсказывали сюжеты и эпизоды его будущих романов. Чрезвычайный интерес в этом отношении имеет опубликованная в № 111 газеты статья «Город Семенов и Семеновский уезд Нижегородской губернии». Она не только рассказывает о заволжских промыслах, но и проливает свет на источники отдельных сюжетных линий романа «В лесах». «Семеновский мещанин,— повествует газета,— Никифор Герасимов Осьмушников много раз искал в этих местах золотой руды, и в одном случае поиск его увенчался будто бы успехом, но вмешательство семеновских властей в 1848 году прекратило и поиски и отбило дальнейшую к ним охоту. До сих пор заметны в этих местах бывшие притоны золотоискателей — жителей лесных. В этих местах, по народному преданию, скрывались бежавшие из Сибири с золотых казенных рудников арестанты, которые, видя здесь золотоносную почву, и принялись за ее обработку, очищали и плавили ее. Сбытом служила Макарьевская ярмарка, где, по преданию, за вес золота платилось весом ходячей серебряной монеты»[1].

Очевидно, эти слухи и легли в основу сюжета об афере фальшивомонетчиков и «золотоискателей», который занимает центральное место в I части романа «В лесах». Патап Максимыч Чапурин, соблазненный «паломником» Стуколовым, возвратившимся из Сибири, отправляется в поисках золотой руды, которая якобы «объявилась» «меж Ветлуги и Усты».

Судя по всему, эпизоды, связанные с ветлужским золотом, не были чистым вымыслом Мельникова-Печерского. Действительность, обогащенная творческой фантазией писателя, навсегда запечатлелась на страницах его художественных творений, и как живые встают перед нами с их волнениями люди ушедших поколений — то добрые и покладистые, то одержимые жаждой наживы, то сломленные жизнью неудачники, которые в своих стремлениях обрести прочность существования готовы пойти на преступление и не прочь погреть руки у капиталов богатого тысячника, выдавая серный колчедан за золотоносную руду, то хитрые и опытные фальшивомонетчики, прикрывающиеся черной рясой. «Эта лесная глушь,— сообщалось в «Очерках Семенова»,— была прежде притоном фальшивым монетчикам и расколу»[2].

---

[1] Русский дневник, 1859, № 111.

[2] Там же, № 113.

Большинство очерков подобного рода в «Русском дневнике» печаталось без подписи автора, а это дает основание полагать, что они были написаны самим Мельниковым-Печерским. В любом случае не быть знакомым с материалами, публиковавшимися в его газете, он не мог. Безусловно, рассказ о ветлужском «золоте» и уренских фальшивомонетчиках имел глубокие жизненные истоки и явился отражением личных впечатлений писателя.

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в собрании А. А. Титова хранится тетрадь с заметками и этнографическими наблюдениями Мельникова-Печерского, сделанными им во время поездки в Урень. Очевидно, заметки были набросаны в 1869 году. Как о недавно прошедших событиях рассказывает автор о заседателе Черногубове, который в 1868 году производил обыск у старообрядцев. По всей вероятности, записи были сделаны во время выполнения очередного поручения. П. С. Усов сообщает, что в 1869 году Мельников-Печерский в Петербурге сошелся с некоторыми предпринимателями-капиталистами, намеревавшимися начать строительство железной дороги к северу от Нижнего Новгорода. Министр внутренних дел генерал-адъютант Тимашев «признал полезным» иметь некоторые сведения о северных губерниях. В результате этого 13 июня 1869 года он поручил П. И. Мельникову «произвести изыскание, согласно ближайшим указаниям директора центрального статистического комитета в губерниях Вятской, Нижегородской, Томской, Казанской и Уфимской»[1].

Из Нижнего Новгорода Мельников выехал вместе с К. Н. Бестужевым-Рюминым. Бестужев-Рюмин вспоминал позднее, что в Урене, на границе Костромской и Вятской губернии, Мельникову сказали, что там есть раскольники, неизвестно к какой секте принадлежащие. «Где они?— спросил Мельников. Он отправился к ним и все узнал от них»[2].

Всего вероятнее, что записи в упомянутой выше тетради были сделаны Мельниковым-Печерским именно во время этой поездки. Здесь даны этнографические сведения об Уренском уезде, перечисление и характеристика старообрядцев Темты, Тонкина и других сел, расположенных недалеко от Уреня.

Рассказывая об Урене, описывая близлежащие от него села, Мельников-Печерский останавливает свое внимание на

---

[1] *Усов П. С.*, с. 279.

[2] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), отдел рукописей, собрание А. Титова, № 2324, л. 14.

одном из мужских старообрядческих скитов — Красноярском, «что стоит на берегу реки Усты в стороне от дороги из села Семенова в Урень». Как особо опасного представителя уренских старообрядцев Мельников выделяет старца Михаила, который долгое время жил в Красноярском скиту. За свої мошеннические проделки он, как сообщается в заметках, в раз сидел в остроге, но всякий раз, выходя на свободу, п‹ правлял свои дела и вновь пускался в какую-нибудь нову аферу.

Из записок ясно, что в 1868 году «старец Михаил» бы уже в миру, неплохо устроившись после похищения из скит дорогих вещей. Занимаясь вновь какими-то темными делами, он, как отмечается в записях, имел связи с уренскими, тонкинскими и макарьевскими старообрядцами, которые попадали в сети Михаила, а потом в руки полиции и расплачивались за свои махинации острогом или ссылкой в Сибирь. Среди них Мельников-Печерский называет фамилию крестьянина деревни Будилихи Макарьевского уезда, сосланного в 1869 году в Сибирь.

В романе «В лесах» описанию Красноярского скита, расположенного недалеко от Уреня на берегу реки Усты и управляемого отцом Михаилом, посвящено несколько глав первой части. В Красноярском скиту останавливается главный герой романа, Патап Максимыч Чапурин, направившийся в поисках золотоносной руды на Ветлугу.

В образе отца Михаила, в сговоре со Стуколовым посягнувшего на капиталы заволжского тысячника, Мельников-Печерский создает колоритную фигуру человека плутоватого, оборотистого, циничного в делах религии, но жизнелюбивого, знающего народные обычаи и оказывающего Чапурину широкое русское гостеприимство. В описании быта монахов много этнографических подробностей. Незабываемы монастырский стол с национальными угощениями и русская баня. Несмотря на то что по монастырскому уставу в скитах «мыться в бане, купаться в реке, обнажать свое тело — великий грех», у отца Михаила была великолепная баня, которую по случаю приезда гостя «чуть не с полночи жарили», «варили щелоки, кипятили квас с мятой для распаривания веников и поддаванья на каменку» (т. 2, с. 283). «Три раза валялся в сугробе Патап Максимыч, дюжину веников охлыстали об него здоровенные бельцы, целый жбан холодного квасу выпил он, запивая банный пар, насилу-то, насилу отпарился» (т. 2, с. 284). Мог ли в то время представить себе добродушный тысячник, что попал в руки мошенников и

фальшивомонетчиков? Ни за что не поверил бы он сейчас, если бы ему сказали, что ласковый и гостеприимный отец Михаил способен на обман, а фальшивые ассигнации, которых в последнее время особенно остерегается торговец, вылетают из этого богоспасаемого, тихого уголка. Мог ли подумать он в то время, что полюбившийся ему игумен на одном железном пруте с «благочестивым» паломником Стуколовым закованными в цепи преступниками встретятся через несколько недель посланному им в скит приказчику Алексею?

В той же тетради, где даются сведения о Красноярском ските, Мельников-Печерский делает наброски нравов и обычаев, бытующих в уренских местах. Он записывает для себя один заинтересовавший его случай, очевидно еще раз подтверждавший прежние наблюдения над бытом раскольников, отраженные позднее в романах «В лесах» и «На горах». «Один парень,— пишет Мельников— женат уходом на единственной дочери крестьянина. Год, два с женой живет, захотел ее бросить и нанялся в солдаты за 250 рублей. Пришла жена жаловаться волостному суду. Он говорит, не хочу с ней жить. Или она мне жена — она любовница. Старики уговаривают — неймется ему. Решили в солдаты отдать не по найму, а в зачет. Сначала он шутил. Буду с ней жить. Ладно — но пойди венчаться в православную церковь, и это решили сами фанатики. Он женился, но впоследствии овдовел и с другой пошел в церковь» (л. 14).

Наблюдение Мельникова-Печерского о предпочтении старообрядцами официального церковного брака как брака более прочного вошло в романы «В лесах» и «На горах». Героиня эпопеи шаловливая и энергичная Фленушка, решив женить «уходом» посла московских старообрядцев с Рогожского кладбища Василия Борисыча на дочери Чапурина Параше, настаивает, чтобы обряд венчания производился в православной церкви. На возражения Василия Борисыча она говорит: «А в какую же ты думал? В городскую небось часовню... аль к австрийскому попу Коряге? Нет, друг любезный, венчаться так уж венчаться покрепче, чтоб у Параши венец с головы потом не слетел» (т. 3, с. 318). Из этих соображений все герои эпопеи венчаются в официальной церкви, невзирая на религиозные догмы.

В своих заметках Мельников-Печерский рассказывает о свадьбе уходом как об обычае, освященном традицией. «Старики,— пишет он,— жалуются мировому посреднику — уймите молодежь.— Сами уймите.— Да мы не можем. Они скажут, что сами-то мы так же венчались» (л. 14).

Еще в «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» Мельников, раскрывая бытовую сторону жизни старообрядцев, дал подробный рассказ о распространенном в Заволжье обычае играть свадьбу уходом, причем не только описывал обычай, но вскрывал и причины его широкого распространения. Популярность этого обычая объяснялась бедностью основной массы населения края. При свадьбе «честью» предполагались большие расходы. «Свадьба «уходом» не требовала ни вина, ни варенья браги, ни подарков новой родне. Поэтому очень часто родители сами наталкивали детей на выход из положения. Тем не менее все обряды, совершаемые обычно при свадьбе уходом, соблюдаются. «Родители по большей части притворно тревожатся, рассылают погони, но никогда впрочем не находят бежавших. Через несколько дней новобрачные возвращаются домой — «прощаются и благословляются» у родителей и живут потом как муж с женой»[1].

Заветное желание Патана Максимыча исполнила Фленушка, устроив свадьбу уходом Василия Борисыча с его дочерью Парашей. Но не соблюсти издавна установившегося обычая «разгневанный» отец не может. «Я те прощу! Я те благословлю!» — кричит он (т. 3, с. 576), нахлестывая плеткой стоящих перед ним на коленях новобрачных, в слезах просящих у него прощения и благословения. И только устав кричать и махать плеткой, он обращается к своей сожительнице с вопросом: «Простить, что ли, уж их, старуха?», на который слышит покорный ответ: «Как знаешь, кормилец... Ты в дому голова — как ты, так и я» (т. 3, с. 576). «И пошло пированье в дому у Патапа Максимыча, и пошли у него столы почетные. Соезжалося на свадьбу гостей множество. Пировали те гости неделю целую... Во всю ширь разгулялся старый тысячник и на старости лет согрешил — плясать пошел на радостях» (т. 3, с. 577).

Существовала и другая причина, понуждавшая молодежь прибегать к обычаю «самокрутки». Вот что писалось по этому поводу в «Нижегородском сборнике» в 1870 году. «Дело в том, — читаем мы в статье, посвященной описанию данного обычая, — что в Семеновском уезде более, чем где-либо, всякому необходима работница, которая нужна постоянно, поэтому молодой человек нуждается в жене, а отец — в дочери как в работнице. При деспотической же власти родителей над детьми отец никогда бы не согласился выдать дочь замуж

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 285.

добровольно, не желая лишиться даровой рабочей силы, и если бы не самокрутка, не одна девушка прожила бы век свой, как говорится, «в девках»[1].

Только после поездки по северо-восточным уездам губернии возникло у Мельникова-Печерского намерение рассказать о ветлужских лесорубах. В малоплодородных, но богатых лесом местах писатель не мог не встретиться с лесным промыслом, который был широко распространен в Заволжье. В Архиве Академии Наук СССР в нижегородском фонде хранится записка одного священника Нижегородской губернии, предназначенная для издаваемого тогда «Великорусского сборника», в которой сообщается, что население его прихода — «крестьяне-землепашцы — прежде всего, лесопромышленники — в частности... крестьянин летом — за сохой, зимой — в лесу; ...не будь лесу был бы народ и голодный и холодный»[2]. О том же говорит и Мельников-Печерский в романе «В лесах». «Леса заволжанина кормят,— пишет он,— все, что из лесу можно добыть, рук его не минует» (т. 2, с. 8). «...В лесах работают только по зимам» (т. 2, с. 207).

Обращает внимание на широкое распространение в Нижегородской губернии лесных промыслов и А. С. Гациский в статье «Из путевых заметок по Нижегородскому Поволжью», отмечая, что рубка леса начиналась после уборки урожая и продолжалась всю зиму, «пока сок в корню, вплоть до пасхи»[3]. Если правобережные крестьяне вели работы за 5—6 км от своих деревень, то за Волгой работники жили в «зимницах». Вот в этих-то «зимницах» ветлужских лесорубов и останавливаются Патап Максимыч со Стуколовым, направившиеся на Урень и Ветлугу.

Изучая жизненный путь Мельникова-Печерского, его служебную и литературную деятельность, знакомясь с современной ему действительностью, нетрудно убедиться, что это был писатель, склонный использовать в своих художественных произведениях действительные факты, случаи, прибегать к прототипам при работе над образами.

По истории, экономике и этнографии Нижегородского Поволжья современниками Мельникова-Печерского было написано немало работ. Знакомство с ними помогает проникнуть в творческую лабораторию писателя, определить долю вымыс-

---

[1] Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1870, с. 147.

[2] Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 104, оп. 1, № 404, л. 28.

[3] См.: Первый шаг. Казань, 1876, с. 274—275.

ла и роль действительных фактов в его литературно-художественном творчестве, степень типизации и широту обобщений.

Любопытные обычаи из жизни Нижегородского Заволжья описывает Н. С. Толстой в своей довольно обширной работе «Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии», вышедшей из печати в 1857 году. «Раз, проезжая через соседнее имение,— пишет он,— я встретил толпу крестьян, ведущих на аркане за шею, с каким-то полудиким, неистовым триумфом пожилого мужика, со связанными руками, без рубахи, с накинутой на голову и висящей вдоль спины свежей бараньей шкурой, голова которой укреплена была на голове так называемого «волка», вместо шапки. Заметно было, что вместе с этой срамной коррекцией он испытал уже порядочную расправу русского самосуда.

Я остановил толпу и узнал, что мужик пойман был на известном в краю преступлении, называемом... волчьим промыслом, и под именем двуногого волка он обводится по всем соседним деревням»[1].

Этот заволжский обычай расправы с ворами скота запечатлен в романе Мельникова-Печерского «В лесах». Родной брат Аксиньи Захаровны, шурин Натапа Максимыча, впоследствии прозванный волком, застигнутый на месте преступления, подвергся точно такому же наказанию.

Ориентируясь в своем художественном творчестве на местные нравы и обычаи, Мельников-Печерский в эпопее «В лесах» и « На горах» создает исторически достоверные картины из жизни Нижегородского Поволжья, сохраняя весь колорит эпохи и местности. Склонность Мельникова-Печерского к использованию местного нижегородского материала дает о себе знать в каждом конкретном случае. Даже такой, казалось бы, незначительный эпизод из романа «В лесах», как назначение раскольничьим попом Михаила Коряги, который принес много огорчений героям романа, был создан на основе реального факта. «Матвей Коряга (в миру Михаил),— замечает в своей записной книжке А. С. Гацискнй,— помер недавно в Семенове, где он жил в последнее время»[2]. Заметка Гациского сделана в 1875 году.

Всего в двух главах романа встречается читатель с «чухломским дворянином», старцем Иосифом. Но и этот монах-старообрядец не вымысел автора. Гациский сообщает, что

---

[1] *Толстой Н. С.* Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. М., 1857, с. 167—168.

[2] Государственный исторический архив Горьковской области. Архив А. С. Гациского, ф. 765, оп. 1, с. 69.

Иосиф жил в Фундриковом скиту. «Старец Иосиф из барского рода...— уточняет он,— помер еще до разорения Фундрикова скита»[1].

Таким образом, основным источником романов П. И. Мельникова-Печерского была современная ему русская действительность. Эпопея «В лесах» и «На горах» — итог многолетних наблюдений писателя над жизнью. В основу ее лег по крупицам в течение многих лет собранный материал. Изучая жизнь Нижегородского Поволжья, Мельников-Печерский не мог пройти мимо тех закономерных явлений, характерных для русской общественной жизни предреформенной и пореформенной России, которые определяли ее социальное и экономическое развитие.

В процессе работы над дилогией писателем был призван на помощь весь его жизненный опыт и все способности художественного мышления. Отбирая и обобщая факты, он сумел искусно переплести бытовой и археологический материал с художественным вымыслом.

Жизненная практика и долголетние наблюдения над действительностью дали Мельникову-Печерскому богатый материал для художественного творчества, позволивший ему нарисовать типичные картины русской жизни середины XIX века.

3. ТАЙНА СТАРЫХ АРХИВОВ И РЕДКИХ КНИГ

> Работа художника так тесно слилась с кропотливым трудом исследователя, что они взаимно помогают друг другу.
>
> *«Русский вестник», 1875, № 1*

П. И. Мельников-Печерский был не только замечательным писателем-беллетристом, но и талантливым ученым-исследователем. Его историко-этнографические труды в 40—60-е годы воспринимались читателем как беллетристические произведения и вызывали оживленную полемику в литературной критике. Не случайно одни исследователи творческого наследия Мельникова-Печерского (А. Скабичевский, Д. Иловайский, С. Венгеров[2]) видели в нем писателя-этнографа, дру-

[1] Государственный исторический архив Горьковской области. Архив А. С. Гацисского, ф. 765, оп. 1, с. 59.

[2] *Скабичевский А. М.* История новейшей литературы. СПб., 1891, с. 235; *Иловайский Д. И.* П. И. Мельников и его тридцатипятилетняя деятельность.— Русский вестник, 1875, № 1; Венгеров С. П. И. Мельников.— В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896, т. 19а, с. 838.

гие (А. Измайлов, П. Усов, Н. Янчук)[1] рассматривали его как художника-беллетриста.

Научные исследования, во многом определившие характер художественного творчества Мельникова-Печерского, не утратили своего значения и для современной историко-этнографической науки. Сам замысел романов «В лесах» и «На горах» в значительной мере был обусловлен историко-социальными изучениями писателя. Можно со всей определенностью сказать, что дилогия «В лесах» и «На горах», как и большинство других литературно-художественных трудов Мельникова-Печерского, явилась плодом не только жизненных наблюдений писателя, но и результатом его научных исследований.

Умение Мельникова-Печерского искусно использовать интересные этнографические и географические сведения в художественном тексте особенно обнаруживается в зачинах и многочисленных экскурсах в далекое историческое прошлое родного края, которыми богата его эпопея «В лесах» и «На горах». «От устья Оки до Саратова и дальше вниз правая сторона Волги «Горами» зовется...— пишет он о правобережье Волги.— Издревле та сторона была крыта лесами дремучими, сидели в них мордва, черемисы, булгары, буртасы и другие языки чужеродные; лет за пятьсот и более того русские люди стали селиться в той стороне. Константин Васильевич, великий князь Суздальский, в половине XIV века перенес свой стол в Нижний Новгород, назвал из чужих княжений русских людей и расселил их по Волге, по Оке и Кудьме. Так летопись говорит, а народные предания вот что сказывают: «На горах то было на Дятловых...» (т. 4, с. 7—8). Эти достоверные и точные сведения о настоящем и историческом прошлом Поволжья, явившегося фоном, на котором развертывается действие второго романа, в его летописном и устно-поэтическом освещении говорят не только о глубоком изучении писателем истории края, но и его обширной осведомленности в области этнографии и фольклора.

Используя данные древних рукописей, Мельников выясняет прошлое не только русского населения Поволжья, но рассказывает и о других волжских племенах, определяет границы их расселения, изучает взаимодействие разных культур, и все это находит отражение в его романах «В лесах» и «На горах».

Стремление к познанию современности и исторического прошлого своего народа пробудилось у Мельникова-Печер-

---

[1] *Измайлов А. А.* П. И. Мельников.— В кн.: ПСС П. И. Мельникова (Андрея Печерского). СПб., 1909, т. 1; *Янчук Н. А.* История русской литературы XIX в. СПб., 1910.

ского еще в ранние юношеские годы. Интерес будущего писателя к старой русской культуре был неразрывно связан с тягой к исторической науке и русской словесности.

В студенческие годы Мельников испытал на себе огромное влияние поэзии А. С. Пушкина. Имя великого поэта для студентов Казанского университета было священно, а его смерть расценивалась как великая и невозвратимая национальная утрата. «В пятницу, 5 февраля 1837 года в 8 часов,— вспоминает Мельников-Печерский,— на третьем курсе словесного факультета была лекция русской словесности. Георгий Степанович (Суровцов) взошел на кафедру и, не садясь, вынул из кармана газетный листок, помнится, «Русского инвалида», поднял его кверху и, окинув быстрым взглядом аудиторию, громко сказал: «Встаньте!» Мы встали, с изумлением глядя на профессора. Дрожащим от волнения голосом, в котором слышались горькие задушевные слезы, он прочел известие — всего несколько строк. Живо помню первые слова его: «Солнце нашей поэзии закатилось — нет более Пушкина!» Аудитория ахнула в один голос, послышались рыдания. Сам профессор сел, склонив на кафедру седую, как серебро, голову, громко заплакал... Прошло несколько минут. Он встал и сказал: «Князь русских поэтов во гробе. Его тело везут из Петербурга куда-то далеко. Быть может, оно еще не предано земле. При незакрытом еще гробе Пушкина, как сметь говорить о русской словесности! Лекции не будет!»[1].

Все связанное с именем Пушкина было близко и дорого Мельникову. Когда в 1839 году начал выходить под редакцией А. А. Краевского журнал «Отечественные записки», редакторы которого постоянно подчеркивали свою близость к Пушкину и неприязнь к его литературным врагам, Мельников со всей присущей ему энергией приступил к сотрудничеству в нем. Его письма к Краевскому полны признательности и благодарности. В них видна решимость будущего писателя всеми силами и возможностями служить обновленному журналу.

«Отечественные записки» не читать для меня все равно что не быть знакомым с русскою литературою»[2],— писал он Краевскому. Мельников не только сотрудник журнала, но и ценитель его. «Пора нам сбросить личину иностранную,— писал он в другом письме редактору журнала,— пора пере-

---

[1] *Усов П. С.*, с. 57.

[2] ГПБ, ф. Краевского (391). Письмо П. И. Мельникова к Краевскому от 5 октября 1839 г.

стать обезьянничать — пора сознать себя и выразить дух свой в великих формах»[1].

После окончания Казанского университета в 1839 году, работая преподавателем в Нижегородской гимназии, Мельников с большим усердием ведет историко-краеведческую работу, изучает прошлое и настоящее родного края. «Из университета мы ни бог знает какие сведения вынесли,— вспоминал он позднее,— но вынесли, по крайней мере, уважение к науке, и если не выучились, как учить, то выучились, как учиться»[2].

Главным предметом изучения в первые годы после окончания университета для Мельникова становится история церковного раскола. Уже в 1839 году в письме к А. А. Краевскому он пишет: «В 1840 году я непременно пришлю Вам еще два, три отрывка «Очерков», любопытную статью о раскольниках, их сектах и скитах, находящихся в Нижегородской губернии, сведения, из которых я составлю эту статью, были собраны для преподнесения Государю наследнику во время его пребывания в Нижнем, но не были преподнесены, не знаю почему»[3].

В 1840 году он снова пишет Краевскому: «О раскольниках вышлю через месяц или через полтора»[4]. Одни личные знакомства со старообрядцами, наблюдения над их жизнью не удовлетворяли Мельникова. Он поднимает доступные ему архивы, с увлечением начинает изучать старообрядческую догматику, историю возникновения раскола и правительственные меры по пресечению его распространения. Уже в эти годы Мельников проявил большую инициативу по исследованию исторического прошлого страны, возникновения старообрядчества и его подлинной сути. Он не довольствовался документами, хранящимися в местных архивах. Любознательность и стремление глубже изучить жизнь своего народа в его прошлом и настоящем заставляют Мельникова искать и другие источники познания. В письме к тому же А. А. Краевскому от 12 апреля 1842 года он пишет:

«До половины января я провел время в странствии по скитам раскольничьим, смотрел их книги, собирал там рукописи и прочие редкости»[5]. Мельников разыскивает редкие книги, ценимые старообрядцами, переписывает старообрядческие рукописи, записывает и запоминает многочисленные легенды.

---

[1] ГПБ, ф. Краевского (391). Письмо от 3 декабря 1839 г.
[2] *Усов П. С.*, с. 74.
[3] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 111.
[4] Там же, с. 115.
[5] Там же, с. 272.

Не материальная выгода, а тяга к научному поиску руководила начинающим ученым в период его сотрудничества в «Отечественных записках». Вспоминая эти годы, он писал в одном из своих писем А. А. Скальковскому в 1858 году о «бедной доле провинциального учителя, день и ночь работающего из-за спасибо да из удовольствия видеть свой труд в печати». «...Но мне тяжело и теперь вспоминать о том времени,— продолжал он,— когда бывало по две версты я пешком ходил, чтобы отдать на почту статью: на пересылку-то денег хватало, а на извозчика нет... Я писал много, и все, что ни писал — все печаталось; с 1839 по 42 год, в редкой книжке «Отечественных записок» не было моих статей. За все это я получил 0 руб. 0 копеек»[1].

Общаться со старообрядцами, читать их рукописи и разыскивать «прочие редкости» заставлял Мельникова не только сам по себе интерес к истории церковного раскола, но и стремление изучить прошлое своего народа. Старообрядчество представляло для него большой интерес потому, что оно как бы остановилось в своем развитии, неподвижно застыло. В течение двух веков старообрядцы выработали в себе черты упрямого консерватизма, с которым отбрасывали от себя все новое и заимствованное. Благодаря этому упорству они остались верны каждому обычаю, каждой букве старины. В их быту, нравах, понятиях и убеждениях сохранилась старая Русь, богатая культура, созданная веками нашей истории, сбереглось то, что так «безжалостно было уничтожено» «образованным обществом».

Стремление отыскать и изучить памятники древней культуры было одной из основных причин сближения Мельникова с раскольниками. Этой же любовью к русским древностям объясняется и его знакомство с крупнейшим историком, редактором журнала «Москвитянин» М. П. Погодиным, известным собирателем древностей. Сближение с ним сыграло для Мельникова исключительно важную роль. Отношения с Погодиным и сотрудничество в редактируемом им журнале поддерживали и укрепляли его интерес к древней русской культуре, побуждали к новым поискам и открытиям. «В 1841 году,— писал Мельников позднее,— приехал в Нижний Новгород Погодин и познакомился со мною. Мы с ним осматривали нижегородские древности, ярмарку; он накупил книг для своего древлехранилища и просил меня как постоянного ниже-

---

[1] ИРЛИ, 7515. Письмо Мельникова к А. А. Скальковскому от 10 ноября 1858 г.

городского жителя присматривать для него на ярмарке и у Головастикова, тоже торговца старыми книгами и иконами, «редкостные вещи»; года четыре я занимался этим делом и еще более познакомился с раскольническою литературою»[1].

Между Погодиным и Мельниковым установилась оживленная переписка. В журнале «Москвитянин» начали появляться статьи Мельникова о нижегородской старине. «Если угодно,— писал он 2 марта 1841 года Погодину,— я составлю Вам описание древностей нижегородских»[2].

Большую роль в деле изучения старой русской культуры и церковного раскола играло знакомство Мельникова с книгопродавцами на Нижегородской ярмарке. Он установил близкие отношения с Дементием Васильевичем Пискаревым, с Большаковым, Морозовым и другими старообрядцами, торговавшими старопечатными книгами и иконами. «Покупать рукописи было не по моим средствам,— вспоминал позднее Мельников-Печерский,— но торговцы давали мне их на прочет. Я много читал, делал выписки»[3].

В руках Мельникова-Печерского оказываются материалы, хранящиеся в архиве Министерства внутренних дел, доступ к которым до 60-х годов прошлого века был закрыт. «С помощью архива Министерства внутренних дел,— писал он в письме к Лазаревскому 16 сентября 1861 года,— рукописей публичной библиотеки и печатных книг и статей можно бы было на первый раз обработать следующие монографии:

По поповщине:

1. История Иргизских монастырей.
2. История Стародубских монастырей.
3. История Рогожского кладбища.
4. История Керженских скитов.
5. История Екатеринбургской общины.
6. История архиерейства»[4] и т. д.

Знания, полученные в результате краеведческой работы, изучения русской старины вообще и церковного раскола в частности, послужили будущему писателю фундаментом для эпопеи «В лесах» и «На горах».

Как требовательный к себе писатель, превыше всего ценивший реалистическую достоверность изображаемого, и как взыскательный ученый Мельников не представлял для себя возможным приступить к художественному изображению жиз-

---

[1] *Усов П. С.*, с. 89.
[2] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 194.
[3] *Усов П. С.*, с. 88.
[4] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 104.

ни старообрядцев, не зная отчетливо всей истории раскола. Несмотря на свои многолетние занятия историей старообрядчества, он не считал себя вполне осведомленным во всех вопросах этого сложного исторического явления. Необходимо было понять весь драматизм исторической обстановки, создавшейся в середине XVII века после реформ патриарха Никона, разделивших единую русскую нацию на две враждебных группы, на протяжении двух столетий оказывающих друг другу упорное и непримиримое сопротивление. Нужно было понять, какая сила и какие чувства побуждали защитников древлего благочестия вести неустанную борьбу с «отступниками», заставляли идти на неимоверные лишения и в заблуждении, не покоряясь, кончать жизнь на костре.

Мельникову нужны были новые сведения, дополнительные доказательства. «Приступить к составлению полной истории раскола не могу,— писал он в 1866 году В. М. Лазаревскому.— Полная история возможна будет тогда, когда собраны будут все нужные для составления ее материалы, рассеянные по всем архивам едва ли не всех городов»[1].

Переписка Мельникова 60-х годов свидетельствует о его серьезном изучении в данный период русского церковного раскола. Писатель использовал любую возможность, чтобы получить новые данные по интересующему его вопросу. Он консультируется у крупнейших расколоведов, ведет обширную и активную переписку с известными историками и знатоками русского религиозного сектантства. Важную услугу оказывает Мельникову Н. И. Субботин, хороший знаток истории церковного раскола. Из письма Субботина от 19 февраля 1866 года к Мельникову-Печерскому видно, что последний просил его познакомить с курским преосвященным, надеясь получить от него важные сведения по расколу. В ответном письме Субботин заверяет писателя, что преосвященный окажет ему всяческое содействие. Выражая сомнения в широкой осведомленности этого духовного лица в вопросах раскола, Субботин обещает Мельникову свести его с некими старцами, «от которых можно узнать много интересного»[2].

Научная и историко-краеведческая деятельность Мельникова дала ему новый материал для литературно-художественных занятий и обогатила его сведения о народной жизни. Исследовательская работа Мельникова-Печерского была неразрывно связана с его беллетристическим творчеством 60—

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 104.

[2] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 47, л. 8.

70-х годов. Появившиеся в 60-е годы научные труды Мельникова («Письма о расколе», «Счисление раскольников», «Очерки поповщины», «Тайные секты», «Белые голуби» и др.) имеют прямое или косвенное отношение к романам «В лесах» и «На горах» и свидетельствуют о всестороннем изучении писателем истории, современного состояния церковного раскола и религиозных сект.

«Письма о расколе» раскрывают весь путь научно-исследовательской работы Мельникова в области истории старообрядчества. «Материалами для научных аналитических исследований, — пишет он,— могли бы служить: 1) Сочинения духовных лиц, писавших о расколе; 2) Сочинения раскольнические: исторические, полемические и прочие; 3) Архивные дела разных правительственных учреждений» (т. 6, с. 195).

Сочинения духовных лиц, как отмечает писатель, касаются лишь обрядов внешнего богопочитания. Наибольший интерес представляла для него историческая и полемическая литература самих раскольников, раскрывающая духовный мир и нравственные идеалы старообрядцев.

Из раскольничьих сочинений большое значение Мельников придавал тем, в которых рассказывается о подвижничестве ревнителей древлего благочестия, о их стойкости и мужестве, непоколебимой вере в святость старых русских церковных обрядов и непримиримой ненависти к сторонникам патриарха Никона. «Соловецкая челобитная царю Алексею Михайловичу», «Послание к брату», «Повесть дьякона Феодора (об Аввакуме, Лазаре и Эпифании)», «Прение священнодьякона Феодора», «Житие протопопа Аввакума» — вот тот далеко не полный перечень литературы, из которой Мельников-писатель черпал материалы о стойких и несгибаемых характерах из старообрядческой среды, благородных и величественных даже в своем заблуждении, горячо преданных идее и готовых отстаивать ее до конца.

Сам образ бескомпромиссного защитника старой веры, пламенного публициста и писателя, вождя русского старообрядчества протопопа Аввакума, кончившего свою жизнь на костре, давал богатую пищу для размышлений и сопоставлений. В этом необычайно ярком человеке, своем земляке, Мельников-Печерский не мог не разглядеть подлинно русский ум и отчетливо выраженный дух протеста, непреклонную волю и твердость убеждений.

Раскольничьи сочинения должны были сыграть определяющую роль в создании неповторимых образов эпопеи «В лесах» и «На горах» — матери Манефы, Фленушки и других

представителей старообрядческого мира. Они способствовали наиболее глубокому проникновению писателя в духовный мир русского старообрядца, верному пониманию его мировоззрений и идеалов.

Изучая старообрядчество, Мельников-Печерский обращается к такой литературе, которая не только раскрывала прошлое старообрядческого движения, но и его предысторию. В тех же «Письмах о расколе» он отмечает, что шагу не смог бы сделать в своих исследованиях без таких работ, как «Стоглав», «Потребники», которые были напечатаны еще до раскола русской церкви — в первой половине XVII столетия. И это не случайно. Ведь церковная реформа готовилась задолго до оглашения Никоновых реформ, сам Аввакум был ее сторонником, поскольку тогда предполагалось исправление книг священного писания по старинным русским рукописям, а не по современным византийским образцам, как это сделал впоследствии патриарх Никон.

О том, насколько глубоко изучал Мельников-Печерский попавший в его руки материал о расколе, говорят дошедшие до нас книги, над которыми он работал. В личной библиотеке писателя, в настоящее время хранящейся в г. Горьком, раздел «Церковь и раскол» содержит уникальную коллекцию книг.

Профессор Горьковского педагогического института Д. А. Балика, сделавший описание библиотеки П. И. Мельникова-Печерского, отмечал, что современная писателю литература явилась одним из источников его научных и художественных трудов. С этим нельзя не согласиться. Под ее влиянием не только складывались взгляды и вкусы Мельникова, но вырисовывались в творческом воображении писателя и художественные образы его широко известных романов. Кто не помнит московского певуна, посла с Рогожского кладбища, искусного начетчика Василия Борисыча? «Это «искушенье»-то?» — добродушно улыбаясь, мог бы спросить заволжский тысячник Патап Максимыч.

Есть в библиотеке П. И. Мельникова-Печерского книга Н. А. Благовещенского «Афон. Путевые впечатления» (СПб., 1864). В главе IV автор пишет: «На Афоне так много искушений, что самое слово «искушение» вошло между монахами в поговорку и составляет одну из особенностей афонского наречия. Первое время мне даже странно было слышать это слово в таких разговорах, где оно совершенно не клеится, но потом прислушался и даже сам вклеивал его в своей речи. Сидят, например, монахи на пристани монастырской и глядят в воду.

1. Гляди-ко, отец Сергий, рыба-то, искушение!

2. Ах, искушение, сколько ее привалило! Вот кабы словить, искушение!»

Много повидавший, общаясь со своими единоверцами самых разных областей и краев, герой Мельникова-Печерского, подобно упомянутым монахам, к месту и не к месту вставляет это характерное для определенной части староорядцев словечко. «Да ну его к шуту, твое «искушение». Заладил, что сорока Якова, надоел даже» (т. 3, с. 172),— с досадой говорит Патап Максимыч, пытающийся уговорить уставщика пойти к нему в приказчики.

Точность во всем, характерная для Мельникова-исследователя, отличает и Мельникова-художника. Многие факты и явления, описанные в романах, нашли первоначальное отражение и подробный анализ в его научных трудах. Фамилии таких конкретных столпов старообрядчества, как Дрябины, Громовы, Русановы, взятые в романы непосредственно из жизни, впервые встречаются в научно-исследовательских работах Мельникова 60-х годов. А роль Рогожского кладбища, московской старообрядческой организации, впервые получила освещение в «Очерках поповщины», где этому вопросу посвящена специальная глава, характеризующая старообрядцев поповского толка, позднее представленных в романах «В лесах» и «На горах».

При научно-исследовательской работе по расколу Мельниковым-Печерским были использованы не только труды ви[...] пейших расколоведов и страообрядческая литература, в р[...] ках его оказался богатый архивный материал, который [...] 60-х годов совершенно был недоступен для исследователя.

«Что заключается во всей этой громадной массе стар[...] дел?— писал он в «Письмах о расколе».— Известия о дей[...] виях церкви и правительства против раскольников и де[...] возникшие по частным случаям» (т. 6, т. 201). К этой «ма[...] старых дел» Мельников подходил как ученый, дорожащ[...] прежде всего объективной истиной. «Заметим,— отмечает [...] в той же работе,— что архивными делами о расколе след[...] пользоваться с крайней осторожностью, потому что при фо[...] мальных вопросах и *показаниях раскольники* (да и не од[...] раскольники) не бывают откровенны и искренни. Вообще [...] архивных делах что-нибудь одно: или пристрастный, односто[...] ронний взгляд лица, чуждого расколу, или умышленно не[...] справедливые объяснения своего дела раскольниками» (т. 6, с. 201).

Важную роль в обогащении знаний Мельникова-Печер-

ского по расколу и религиозным скитам сыграли судебные и следственные дела, которые в настоящее время хранятся в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и входят в фонд П. И. Мельникова-Печерского.

Фонд этот, к слову, имеет довольно интересную историю. Известно, что многие исследователи творчества П. И. Мельникова-Печерского терялись в догадках, где находятся его рукописи, те, которые не вошли в собрание Дашкова. Профессор Д. А. Балика в описании личной библиотеки романиста в 1947 году сделал предположение, что искать их нужно в Ростове и Ярославле. Было известно одно: после смерти писателя часть рукописного наследия была продана его сыном одному из ростовских купцов, любителю древностей и ценителю старинных рукописей. Потом они были приобретены известным краеведом, издателем памятников старинной письменности — А. А. Титовым. После смерти Титова рукописи из библиотеки Мельникова-Печерского, сборники его собственноручных записей вместе со всей коллекцией покойного книголюба в 1950 году были переданы в библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Большую ценность в собрании представляют подлинные официальные материалы — годовые отчеты по Нижегородской и Тверской губерниям, записи обычаев, песен, обрядов. Около десятка сборников из него — рукописи самого Мельникова-Печерского.

Восемнадцать сборников содержат официальные донесения и выписки из судебных дел. Мельникова-Печерского особо интересовали дела, связанные с хлыстами и скопцами.

В середине XIX века хлыстовщина была одной из самых распространенных религиозных сект. Если старообрядчество Мельников-Печерский хорошо изучил по имеющимся под его руками материалам и в результате долголетних наблюдений над ним, то нельзя этого сказать о его знакомстве с хлыстами. Судя по всем сохранившимся документам, касающимся жизненного и творческого пути Мельникова-Печерского, хлыстовщину он изучал в основном по скупым архивным материалам и современной ему литературе о хлыстовской ереси[1].

---

[1] Очевидно, этим и объясняется то, что роман «На горах», значительная часть страниц которого посвящена изображению хлыстовщины, в художественном отношении во многом уступает роману «В лесах», написанному под непосредственным впечатлением писателя, тесно общавшегося со старообрядцами. Даже те отдельные главы романа «На горах», в которых Мельников-Печерский обращается к старообрядческому Заволжью, выделяются своей художественной выразительностью и жизненной правдой.

Важнейшим источником материалов для романа «На горах», как свидетельствует сам Мельников-Печерский, были и выписки из дел о хлыстах и скопцах, сделанные в архивах Министерства внутренних дел, генерал-аудитора, московских старых дел, канцелярии московского генерал-губернатора, московской уголовной палаты, нижегородского губернского управления, канцелярии тамбовского губернатора и канцелярии кавказского наместника.

Писатель серьезно, на конкретном материале изучал хлыстовщину. Очевидно, эти занятия и натолкнули Мельникова-Печерского на мысль о возможности художественного изображения хлыстов. Следственные и судебные дела дали ему и некоторые сюжеты для его второго романа.

Но нельзя сказать и того, что Мельникову совершенно не приходилось общаться с «фармазонами», как он называет хлыстов в своей эпопее.

В 1850 году в Арзамасском уезде Нижегородской губернии был открыт хлыстовский корабль. Мельников-Печерский в это время как раз проводил в Арзамасе ревизию городского хозяйства. Узнав об открывшейся «ереси», он приложил все усилия, чтобы поближе познакомиться с ее сущностью. Он встретился с «Христом» «людей божьих» Василием Радаевым и имел с ним откровенную беседу. В августе 1852 года Мельников посетил Радаева в тюрьме. В руки Мельникова-Печерского попал архив Василия Радаева с его перепиской, который также хранится в собрании Титова. В лице Василия Радаева Мельников разглядел честолюбивого, обладающего даром слова и умеющего влиять на умы забитой, темной массы «теоретика» хлыстовской ереси, оказавшегося на поверку обычным развратником и сластолюбцем.

Богатые сведения дали о хлыстовщине и другие следственные дела, попавшие в руки Мельникова[1].

Несомненно, что они послужили Мельникову-Печерскому материалом для романа «На горах», где разоблачению хлыстовщины уделено значительное внимание.

Руководители «фармазонского» корабля, дворяне Луповицкие из этого романа, очевидно, были подсказаны писателю изучением архивных материалов, в которых постоянно встречаются сообщения, что главой того или иного корабля являлись богатые, сановитые люди, дворяне.

В одной из сносок к роману «На горах» Мельников-Печерский замечает, что среди многочисленных архивных дел

[1] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), собрание А. Титова, № 2349, № 2311.

им были использованы материалы 20-х годов XIX века. Его особое внимание обратило на себя дело об отставном полковнике Александре Петровиче Дубовицком. Вполне возможно, что именно он послужил прототипом для Луповицкого из романа «На горах».

Большую ценность представлял для писателя и сборник, содержащий богатый материал о религиозных сектах XIX века. Здесь же хранится исповедь Ирины Максимовой, девицы 29 лет, православного исповедания, совращенной в «раскол хлыстовщины». Эта исповедь во многом напоминает историю героини романа «На горах» Дуни Смолокуровой, также вовлеченной в секту, вступившей в хлыстовский «корабль», но понявшей под воздействием православного священника отца Прохора суть хлыстовщины и вернувшейся под отчий кров. Максимова осудила хлыстовское учение и порвала с «еретиками» также под влиянием священника православной церкви.

Об использовании Мельниковым-Печерским этого документа говорят пометы, сделанные его рукой на полях страниц, а все описание хлыстовских обрядов, данное в следственном деле, подчеркнуто.

При изучении хлыстовщины Мельников-Печерский широко использовал переписку хлыстов. В своих заметках о хлыстах он постоянно ссылается на Василия Радаева, цитирует его письма.

Сравнение содержания глав романа «На горах», касающихся хлыстовщины, с рассмотренными архивными материалами дает полное право утверждать, что именно эти следственные дела явились основным источником материалов для второго романа эпопеи.

Современная русская действительность, архивные дела, научная и художественная литература давали Мельникову-Печерскому много необходимых сведений и об экономическом развитии страны.

В его архиве из собрания Титова хранятся важные рукописные материалы, рассказывающие о хозяйственном развитии Нижегородской губернии.

В сборнике № 2201 дается географическое, топографическое и статистическое описание губернии.

Обращает на себя внимание хранящееся в архиве сочинение священника Виноградова «Хозяйственно-статистическое описание Горбатовского уезда».

По всем данным, Горбатовский уезд — место действия романа «На горах». Здесь Мельниковым были найдены типы для своего романа, а ландшафт этого уезда, как свидетель-

ствовал сын писателя, нашел свое отображение на его первых страницах. Ляхово Горбатовского уезда — летнее место жительства Мельникова-Печерского. Здесь в основном и был написан роман «На горах». Нет основания сомневаться, что народная жизнь этого уезда была постоянно в поле зрения писателя, и работа Виноградова должна была его заинтересовать.

В работе дается подробное описание земель, сельского хозяйства, промыслов и обычаев населения Горбатовского уезда.

Особый интерес представляет глава «Способы владения землей». Автор сообщает, что каждый год производится деление земель. «Но как бы то ни было,— пишет он,— такое разделение полей показывает младенческое состояние земледелия, крестьянин работает землю кое-как, жалеет при сем прилагать к пашне избыток сил своих, издержек денежных, необходимых при средствах улучшения хозяйства по самой простой причине: он не обеспечен участком, который мог бы считать как своей собственностью»[1].

Ту же самую мысль мы встречаем и у Мельникова-Печерского в романе «На горах». «Чуть не каждый год,— пишет он,— мир-община переделяет поля, оттого землю никто не удобряет, что-де за прибыль на чужих работать. На дворах навозу — пролезть негде, а на поле ни воза, землю выпахали, пошли недороды. Нет корысти в переделах, толкует мужик, а община-мир то и дело за передел» (т. 4, с. 14).

Вопросы экономического развития страны живо интересовали Мельникова-Печерского на протяжении всей жизни. Об этом красноречиво свидетельствуют сборники статей, хранящиеся в его библиотеке с собственноручными пометами, составленные самим писателем из газетных вырезок и оттисков журнальных статей.

Пометки Мельникова-Нечерского в статьях и книгах по промышленности и торговле России, о фабриках и заводах свидетельствуют, что он был сторонником интенсивного промышленного развития России. Сам он написал целый ряд статей, посвященных промышленности, вопросам торговли и экономики страны. В 1851 году в журнале «Москвитянин» была напечатана его статья «Павловская промышленность», в которой нашло яркое отражение развитие в России капиталистических отношений. Многочисленные работы посвятил

---

[1] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), собрание Титова, сборник № 2201, л. 22.

Мельников-Печерский Нижегородской ярмарке. Как известно, Макарьевская ярмарка становится композиционным центром романа «На горах». С большим знанием дела описывает Мельников торговые сделки на ярмарке, взаимное надувательство русского купечества, весь шум и блеск этого всероссийского торжища.

Художественному изображению Макарьевской ярмарки предшествовали годы серьезного изучения писателем русской торговли и хода дел на ярмарке в различные годы. Первая работа на эту тему появилась еще в 1846 году. Это было его известное сочинение «Нижегородская ярмарка в 1843, 1844, 1845 годах». В нем прослеживается торговля русскими, европейскими и азиатскими товарами, подчеркивается рост удельного веса русских товаров, отмечается расширение торговли, сама же ярмарка рассматривается как мерило успехов русской промышленности данного периода.

В 50-х годах Нижегородской ярмарке Мельников посвящает работы: «Историческое обозрение Нижегородской ярмарки», «Исторический очерк Нижегородской ярмарки», «Очерк Нижегородской ярмарки» и другие, в авторе которых мы видим сторонника капиталистического развития страны на основе свободной конкуренции. В то же время Мельников указывает в работе на необходимость коренных изменений в торговле. Препятствием для этих изменений он считает крепостное право.

Но реформа 1861 года, о которой мечтал Мельников-Печерский, не принесла желанных результатов. О полном изменении торгового дела он размышляет и в период работы над эпопеей «В лесах» и «На горах», что определило появление в романе образов торговцев нового типа — Меркулова и Веденеева.

Большую помощь в изучении торговых дел на ярмарке Мельникову оказал директор ярмарочного гостиного двора Д. Н. Толстой. В «Нижегородском сборнике» за 1849 год сообщается по этому поводу: «Бывший директор конторы ярмарочного гостиного двора граф Д. Н. Толстой помогал ему своими советами, а князь М. А. Урусов, бывший нижегородский военный губернатор, дал ему возможность пользоваться всеми официальными документами в губернаторской канцелярии. Из печатных сочинений он имел под руками работы г.г. Гурьянова, Зубова, Смирнова, Веретенникова и Маркова»[1].

---

[1] Нижегородский сборник, 1849, с. 9.

Перед самым началом работы над романом «В лесах» Мельников-Печерский снова пишет обзоры Нижегородской ярмарки, в которых рассказывает о ходе дел на ярмарке в 60-е годы.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность Мельникова-Печерского явилась исключительно важным источником материала для художественного творчества и во многом определила появление эпопеи «В лесах» и «На горах».

4. *ИЗ ЖИВОГО РОДНИКА НАРОДНОЙ МУДРОСТИ*

...У нас есть писатели, хорошо взявшие этот фольклор, например Мельников-Печерский...

М. Горький

Одной из важнейших особенностей романов П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» является их насыщенность устным народным творчеством.

В период 60—70-х годов, на который приходится расцвет творчества П. И. Мельникова-Печерского, исключительно важное значение придавалось вопросам изучения фольклора и этнографии. Это было время наиболее тесного сближения литературы с устной народной поэзией. «Наша литература,— писал в 1865 году журнал «Современник»,— только и говорит об изучении народа, наполняется множеством этнографических описаний, очерков, рассказов и т. д.»[1].

В 60-е годы, в период обострения классовой борьбы, в центре литературных споров оказывается проблема народности, которая возбудила небывалый интерес к фольклору. Изучение материальной и духовной жизни народных масс становится в центре всеобщего внимания.

Ратуя за сближение литературы с устным народным творчеством и признавая большую эстетическую ценность фольклора, Н. А. Добролюбов в рецензии на сборник сказок Афанасьева и издание украинских песен в 1858 году писал: «Кто любит свой народ и не ограничивает его тесным кругом людей, получивших европейское образование, тот поймет радость, с какою приветствуем мы в литературе всякое поря-

---

[1] Современник, 1865, № 2, с. 173,

дочное явление, имеющее прямое отношение к народной жизни»[1].

Передовые писатели эпохи активно включаются в процесс изучения народного быта, принимают участие в этнографических, фольклорных и статистических экспедициях. Этнографические данные и устная народная поэзия становятся для них важнейшим источником материалов для художественного творчества. Недаром в произведениях Мельникова-Печерского, Слепцова, Н. Успенского и других писателей 60-х годов, сочетавших свою литературную деятельность с этнографическими и фольклорными интересами, широко представлено устное народное творчество. Они, по словам А. М. Горького, «дали огромный материал к познанию экономического быта нашей страны, психологических особенностей ее народа, изобразили нравы, обычаи, его настроения и желания»[2].

Деятельность географического общества, предпринявшего в годы общественного подъема издание на основе архивных материалов серьезных трудов по народоведению, организация специальных «Этнографических сборников», открывшееся в 1864 году Московское археологическое общество привлекали внимание различных общественных кругов к народному быту и во многом определяли развитие русской литературы.

Отмечая отрадные перемены в деле изучения и отображения народной жизни, М. Е. Салтыков-Щедрин писал в 1863 году: «Беллетристика приобретает характер, так сказать, этнографический, посвящает себя разработке подробностей жизни, настойчиво ловит отрывки, осколки и элементы ее, и надо сказать правду, в этой бисерной работе обнаруживает не одну настойчивость, но и замечательное мастерство»[3].

Страстный любитель старины и народного быта, П. И. Мельников-Печерский задолго до начала своей литературной деятельности обратился к изучению фольклора как исторического источника. Интересовался он фольклором и как краевед-этнограф. И в своем творчестве он ориентировался на следование традициям устной народной поэзии.

Фольклористичности творчества П. И. Мельникова-Печерского касались в той или иной степени почти все исследователи, обращавшиеся к эпопее «В лесах» и «На горах». Среди

---

[1] *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. В 3-х т. М., Гослитиздат, 1950, т. 1, с. 588.

[2] *Горький М.* История русской литературы. М., Гослитиздат, 1939, с. 219.

[3] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 20-ти т. М., Худ. лит., 1968, т. 6, с. 180.

критических статей, посвященных литературной деятельности писателя, и очерков его жизненного и творческого пути особое значение имеет работа Г. С. Виноградова[1], в которой дается наиболее полное представление о многообразии устнопоэтических жанров, использованных в его художественных трудах.

В своей работе Г. С. Виноградов в основном стремится выяснить источники фольклорных материалов, привлеченных Мельниковым-Печерским при работе над романом «В лесах», и почти не освещает вопроса о роли устной поэзии в романе как арсенала художественных средств и сюжетов.

В то же время исследователь недостаточно связывает литературный труд писателя с его этнографической деятельностью, считает, что источником большинства фольклорных материалов для Мельникова-Печерского могла быть только книга.

Конечно, современная писателю литература оказала ему немалую услугу в познании как устной народной словесности, так и народного миросозерцания. Это красноречиво подтверждают результаты обследования его личной библиотеки, всех моргиналий на страницах прочитанных им книг.

По мнению Г. С. Виноградова, при работе над романом «В лесах» Мельников-Печерский как источником фольклорных материалов пользовался трудами Н. А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и А. Терещенко «Быт русского народа». Действительно, на страницах экземпляров названных книг, хранящихся в библиотеке писателя, очень много помет, сделанных его рукой, которые говорят о большом интересе Мельникова-Печерского к указанным работам. В оглавлении книги А. Терещенко заглавие «Ярило» подчеркнуто, вся глава пестрит пометами читателя. Характер их везде один и тот же. В тексте названной главы подчеркнуты слова: «Известно только, что он (Ярило.— *В. С.*) сопровождается буйными веселиями в Костромской, Тверской, Нижегородской, Рязанской и Воронежской губерниях»[2].

Много помет в виде подчеркиваний, закладок и замечаний оставлено писателем и в работе И. Снегирева «Русские про-

[1] *Виноградов Г. С.* Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах».— Советский фольклор, 1935, №№ 2—3, с. 341—368; его же. Фольклорные источники романа Мельникова-Печерского «В лесах».— В кн.: Мельников П. И. В лесах. М.; Л., 1936.

[2] Областная библиотека им. В. И. Ленина в г. Горьком, библиотека П. И. Мельникова-Печерского, № 366 412: *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848, ч 3, с. 108.

стонародные праздники и суеверные обряды». Некоторые из устно-поэтических произведений взяты Мельниковым непосредственно из труда Снегирева. Среди овсеневых песен, например, в вышеуказанной работе Мельниковым-Печерским подчеркнута следующая:

Говсень, говсень! Я тетерю гоню.
Говсень, говсень, полевую гоню,
Она под куст, я за хвост[1].

Эту песню без каких-либо изменений мы встречаем в романе «В лесах» (т. 2, с. 19). В духе работы Снегирева дается и описание в романе крещенского сочельника.

Но все же следует заметить, что работы названных выше авторов не были для Мельникова-Печерского единственным источником фольклорного материала для его художественных произведений. Многочисленные обряды и обычаи с сопровождавшей их поэзией писатель мог наблюдать в жизни и, безусловно, наблюдал. Те же овсеневые песни, сопровождающие колядование, в различных вариантах были широко распространены в Нижегородской губернии. В собрании нижегородского фольклора, в настоящее время хранящемся в ленинградском отделении Архива Академии Наук СССР, неоднократно встречаются разнообразные овсеневые песни. «Таусень»,— сообщается в одной из записей,— одна из распространенных новогодних песен в Ардатовском уезде Нижегородской губернии»[2]. Другой автор не только сообщает о том, что овсеневые песни широко бытовали в Нижегородской губернии, но старается и объяснить само происхождение слова «овсень»[3].

О том, что Мельников-Печерский наблюдал в жизни описанный обычай с сопровождавшей его обрядовой поэзией, свидетельствует его работа «Очерки мордвы», в которой он делает предположение, что русский « овсень», вероятно, произошел от мордовского «таусеня». Если Снегирев пишет, что этот великорусский обряд наблюдался в Рязанской, Владимирской, Симбирской и частично Пензенской губерниях, то Мельников-Печерский на это замечает, что в этих местах в древности обитала мордва.

---

[1] Областная библиотека им. В. И. Ленина в г. Горьком, библиотека П. И. Мельникова-Печерского, № 622 192: *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, вып. 1, с. 104.

[2] Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 104, оп. 1, № 370, л. 10.

[3] Там же, ф. 216, оп. 3, № 156, л. 1.

Цитируя Мельникова-Печерского, Г. С. Виноградов стремится доказать, что, кроме книги, другого источника дохристианского, «мифологического» фольклора для писателя не было. Действительно, Мельников-Печерский в романе «В лесах» неоднократно с сожалением повторяет, что за Волгой уже не жгут купальских костров, не «празднуют светлому богу Яриле» (т. 3, с. 292). Но делая эти замечания, писатель имел определенную цель. Они помогают ему осудить христианскую догматику и скитскую мораль, стремящуюся задушить все живые проявления народного характера. Эти высказывания вовсе не говорят о том, что остатки древних верований и празднеств совершенно исчезли из жизни. В сносках романа Мельников-Печерский показывает как раз обратное. В Нижнем Новгороде, пишет он, сохранился обычай собираться 24 июня на Ярилипом поле на народное гулянье (т. 3, с. 292), а в Нижегородском Заволжье и Вятской губернии можно местами наблюдать похороны Ярилы (Костромы), которые обычно бывали в петров день (т. 3, с. 382). В Костроме чучело Ярилы из травы или соломы, как правило, хоронили 24 июня, а в Кинешме и Галиче Ярилу представлял старик — «дедушка, золотая головушка, серебряна бородушка». По свидетельству самого писателя, остатки ярилиных купальских праздников можно было наблюдать по рекам Вятке и Ветлуге (т. 3, с. 292).

Сведения о многих ушедших из жизни обрядах и сказаниях писателю приходилось собирать с большим трудом, по крупицам.

«Надо ловить время,— говорил он в своем выступлении в Обществе любителей русской словесности в 1875 году,— надо собирать дорогие обломки, пока есть время, пока это еще возможно — не одне поверья, не одне преданья на наших глазах исчезают — русский быт меняется»[1].

Для того чтобы наиболее верно представить ушедшие из жизни русские обряды и обычаи языческого происхождения, Мельников-Печерский много внимания уделяет изучению современного ему мордовского фольклора. В «Очерках мордвы» он пишет: «Вообще древняя мордовская вера имела, кажется, много общего с языческою верою русских славян, если не была одна и та же. У русских, уже девятьсот лет принявших христианство, она совершенно забылась, но остатки ее сохранились в разных обрядах... По сохранившимся у мордвы ре-

[1] ИРЛИ, отдел рукописей. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 4, л. 1.

лигиозным обрядам и по преданиям об их религии можно объяснить многие русские обычаи и обряды»[1].

Особый интерес испытывал Мельников-Печерский к мордовской календарной обрядности, который объяснялся стремлением выяснить взаимовлияние культур двух народов — русского и мордовского. В результате тщательного изучения мордовского фольклора Мельников пришел к заключению, что этот народ повсеместно чествует Ярилу, исполняет обряды семика и многие другие из тех, которые у русских сохранились лишь в отдельных, большей частью старообрядческих селениях. «Это,— предполагает Мельников,— обряды, явно перешедшие к мордве еще из глубокой древности славян, когда мордва, видимо, мало чем различалась с весью и муромой, когда встреча «чудских» и славянских племен не знала военных столкновений, а была мирной, обоюдовзаимной»[2]. «Мордва, как более слабая народность, постепенно воспринимала обычаи и обряды восточных славян, смешиваясь и сама с ними. Но, смешиваясь со славянами, мордовское население оказывало в свою очередь влияние и на пришельцев»[3].

Различные жанры мордовского фольклора не только давали представление о бытовом укладе жизни мордвы, но отражали и многовековые связи мордовского народа с русским. Из фольклора получает Мельников-Печерский данные и о христианизации мордвы.

Никак нельзя согласиться с Г. С. Виноградовым, будто даже такое популярное и широко бытовавшее в Нижегородской губернии произведение устного народного творчества, как китежская легенда, могла для Мельникова-Печерского иметь книжный источник. Г. С. Виноградов считает, что Мельников-Печерский заимствовал легенду из приложения к «Песням Киреевского» (т. 2, вып. 4. М., 1862), где был опубликован «Китежский летописец», по сведениям, данным Мелединым. Безусловно, Мельникову-Печерскому эта публикация легенды была известна. В его личной библиотеке есть

---

[1] *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Полное посмертное собр. соч. М., Изд-во М. О. Вольфа, 1898, т. 13, с. 138.

Изучению мордвы Мельников-Печерский уделял исключительно много внимания. Он участвовал в раскопках мордовских курганов, исследовал древние письменные источники: старинные монастырские акты, русские летописи, собирал мордовский фольклор (предания, легенды, сказания).

[2] *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Поли. собр. соч. В 7-ми т. СПб., 1909, т. 7, с. 431.

[3] *Рученькин В. И.* П. И. Мельников (Андрей Печерский) и этнография мордвы. Автореф. канд. дис. Л., 1977, с. 21.

экземпляр «Песен Киреевского» с опубликованной легендой. Но если уж говорить о книжном источнике легенды, включенной в роман «В лесах», то им для Мельникова могла бы стать статья того же Меледина «Китеж на Светлоярском озере», напечатанная в № 12 «Москвитянина» за 1843 год, о которой Мельников, сотрудничавший в то время в журнале Погодина, не мог не знать.

Но мог ли Мельников-Печерский, этнограф и фольклорист-собиратель, деятельность которого развертывалась на территории Нижегородской губернии, не слышать легенды, которая до сих пор продолжает жить и волновать его земляков загадочностью своего происхождения?

«Батыева тропа» — путь из Малого Китежа в Большой Китеж, т. е. из Городца к Светлояру — для жителей Нижегородской губернии была живой реальностью. В «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» Мельников писал: «...в лесах Семеновского уезда около д. Олонихи (Семеновского уезда) есть довольно широкая запустелая дорога, которую народ зовет «Батыевой тропой»; раскольники говорят, что здесь шли татары на Китеж»[1].

В своей работе о фольклорных источниках романа «В лесах» Г. С. Виноградов явно преувеличивает роль «мифологического» фольклора в романе и степень влияния на писателя «мифологической школы». Не в меньшей степени в творчестве Мельникова-Печерского чувствуется влияние на него и исторического подхода к фольклору.

В центре внимания Мельникова-собирателя было не только миросозерцание народа, но и его историческое прошлое. Однако ему был чужд и славянофильский византизм с его пренебрежением к древнему быту народа. Остатки древнеязыческой поэзии будущего писателя интересовали не менее устно-поэтического народного творчества, возникшего на почве христианской цивилизации.

Собирание и изучение фольклора в деятельности Мельникова-Печерского имело самостоятельное значение. Оно осуществлялось задолго до начала его литературно-художественных занятий и было тесно связано с историческим изучением родного края. Еще в 1840 году в рапорте директору училищ Нижегородской губернии он писал: «Занимался я также исследованием тропы Батыевой и некоторых урочищ в Семеновском уезде»[2]. Одним из урочищ Семеновского уезда является озеро

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 191.

[2] Там же, с. 272.

Светлоярское, к которому, по преданию, пробирались Батыевы полчища. Значит, уже в 1840 году Мельников-Печерский занимался изучением и исследованием китежской легенды. Много труда и времени отдал будущий писатель и изучению «Китежского летописца», письменно закрепившего легенду в той форме, в какой она дошла до нас. Им было произведено сравнение «Летописца» с летописями и задолго до начала работы над романом «В лесах» сделано заключение, что он мог возникнуть только в заволжских старообрядческих скитах[1].

Комарович в работе «Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд» (М.; Л., 1936) отмечает три версии китежской легенды в устной передаче: 1) город Китеж скрылся от Девки Турки; 2) исчезновение Китежа связано с действиями нижегородского епископа Питирима, гонителя старообрядцев; 3) Китеж погрузился на дно озера в связи с Батыевым нашествием (по другому варианту провалился в землю).

Версия с татаро-монгольской мотивировкой провала города впервые появилась в печати в 1843 году в № 12 журнала «Москвитянин». Она была широко известна в Нижегородской губернии. Распространению и популяризации ее способствовал так называемый «Китежский летописец», который переписывался и передавался из рук в руки.

Исследователи неоднократно писали об исконно языческом происхождении Светлоярского урочища. Поливанов в статье, напечатанной в «Действиях Нижегородской учетной архивной комиссии» № XXXV, пишет, что по сохранившимся преданиям известно, будто бы на берегах Светлояра когда-то происходили «бесовские игрища». Об этом же свидетельствуют многочисленные дошедшие до нас устные предания. Экспедиция на Светлояр в июле 1930 года также подтверждает догадки об языческом происхождении культа Светлоярского озера. «Как место религиозного празднества,— писалось в статье об экспедиции на Светлояр в 1930 году,— Светлояр умирает, снова возвращаясь к исходной форме старого разгульного купальского игрища, но на безрелигиозной основе»[2].

Точно так же рассматривал и Мельников-Печерский происхождение светлоярского культа. В романе «В лесах» (т. 3, с. 292—293) он доказывает, что в далекие времена сходбища и игрища на озере устраивались в честь светлого бога Яра Хмеля, отсюда озеро и получило свое название.

---

[1] *Гацискйй А. С.* У невидимого града Китежа.— Древняя и новая Россия, 1877, № 3, с. 274—275.

[2] Советская этнография, 1931, № 2, с. 172.

Роман Мельникова-Печерского «В лесах», опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», полотна Васнецова и Плотникова в свою очередь способствовали популяризации китежской легенды. Произведения литературы и искусства помогли легенде закрепиться в той форме, в какой она представлена «Китежским летописцем».

Кроме изучения «Китежского летописца» и китежской легенды в устной передаче, Мельников-Печерский, прежде чем использовать легенду в задуманном романе, не мог не посетить берегов Светлояра. Здесь он был очевидцем многочисленных сборищ на озере. Об этом свидетельствует та верность действительности, с какой он изображает в романе картину моления на берегу Светлояра. О верности нарисованной картины сборища на берегу озера, умении Мельникова-Печерского передать настроение собравшихся поклониться невидимому граду свидетельствует очерк А. С. Гациского «У невидимого града Китежа».

А. С. Гацискпй совершил поездку на Светлояр летом 1876 года. Результатом этой поездки и явился вышеупомянутый очерк, напечатанный в № 3 журнала «Древняя и новая Россия» за 1877 год.

Особенно многочисленными были сборища на Светлояре в ночь на 23 июня. Гацискпй подробно описывает эту проведенную им ночь на озере: «Ночь окончательно спустилась на окрестности. В лесу, покрывающем горы, совсем темно, и тем очаровательнее красный свет от бесчисленного множества свечей, налепленных чуть не на каждое дерево... К востоку, между двух гигантских сосен, импровизированный алтарь с бесчисленным множеством старинных икон, укрепленных на сучьях деревьев».

Так же как и Мельников-Печерский в романе «В лесах», Гацискпй в очерке передает тот дух фанатизма, который охватил собравшихся поклониться невидимому граду. «Один из молельщиков,— пишет он,— ведет беседу с окружающей его толпой народа.

— Вот брешет-то!— громко говорит мужчина с черной, как смоль, бородою, в меховой высокой шапке на голове...

— Немоленый!— толкая в бок соседа, говорит рыжеватый мужичонка, указывая па него.— Летось так забил всех, что его в озеро спустить хотели. Кто кричит: «В озеро его!», кто: «Озеро опоганить!» Чуть до смертного греха дело не дошло»[1].

В романе «В лесах» Мельников-Печерский показывает по-

---

[1] Древняя и новая Россия, 1877, № 3, с. 273—274.

добную же картину. Василию Борисычу, усомнившемуся в достоверности содержания читаемого на берегу озера «Китежского летописца», чуть было не пришлось поплатиться своими боками.

Предполагать, что очерк А. С. Гацисого был написан под влиянием романа Мельникова-Печерского «В лесах» нет никаких оснований. Нижегородец Гацнский, прекрасно знавший свой край, писал свой очерк по впечатлениям, полученным от поездки на Светлояр. В авторе романа «В лесах», описавшем ночь, проведенную его героями на берегу чудесного озера, также угадывается очевидец сборища у стен невидимого града Китежа.

Таким образом, Мельников-Печерский еще задолго до начала работы над романом «В лесах» досконально исследовал китежскую легенду, никак не предполагая, что она будет использована им в художественном произведении.

О том, что собирание и изучение фольклора у Мельникова-Печерского не было связано с литературно-художественными замыслами, свидетельствует и его изучение легенды о Нижнем Новгороде, позднее использованной им в романе «На горах». Впервые эта легенда была рассказана им в статье «Предания о Нижегородской губернии»:

На горах на Дятловых
Мордва богу (т. е. своему) *молятся*,
К земле-матушке на восток поклоняются.
Едет Мурза — Московский царь по Воложке,
По Воложке на камышке;
Говорит Мурза слугам своим:
«Слуги вы мои верные,
Вы взгляните-ка на Нижний град,
Поглядите-ка на те горы Дятловы,
Что это за березник мотается, шатается,
К земле-матушке приклоняется...» и т. д.[1]

В предании, источником которого послужило хранящееся в архиве Мельникова сказание «О мордве села Новорождественского»[2], целиком и полностью вошедшем в роман «На горах», повествуется о походе Ивана Грозного на Казань в 1853 году. Путь московского царя пролегал через Нижний Новгород. Он был описан в царственной летописи с обозначением всех остановок войска Грозного. В основном же места

---

[1] *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* Собр. соч. СПб., Изд-во М. О. Вольфа, 1897—1898, т. 12, с. 421.

[2] Госуд. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, собрание А. Титова, № 2340, № 1.

стоянок Грозного в Нижегородской губернии устанавливались по народным преданиям.

В письме к Погодину от 20 января 1851 года Мельников писал: «Приготовляю вам статью «Путь Иоанна Грозного в 1852 г. по летописям, курганам, преданьям и песням»[1].

О глубоком изучении Мельниковым-Печерским похода Грозного на Казань, всех «станов» его войска на территории Нижегородской губернии говорят хранящиеся в личных архивах писателя черновые бумаги[2]. Сам же памятник устного народного творчества, сказание о Нижнем Новгороде, первоначально интересовал его как исторический источник, проливающий свет на прошлое края. Как историк Мельников-Печерский видел в фольклоре отголоски прошлых веков.

Через устное народное творчество стремится Мельников познать и современную ему действительность. Задолго до начала литературной деятельности фольклор для него стал одним из источников, из которых он черпал сведения о народе.

Исключительно разносторонняя личность, Мельников-Печерский сочетал в себе качества ученого-историка, этнографа-исследователя и беллетриста. В 40-е годы, в период сближения этнографии с фольклористикой, Мельников с присущим ему увлечением и энергией включается в общий процесс всестороннего изучения России, организованного Русским географическим обществом. По программе, данной географическим обществом, он в процессе изучения Нижегородской губернии должен был обратить внимание не только на вопросы истории и экономики края, но и собрать нужный этнографический и фольклорный материал.

Обогащению личного опыта будущего писателя и его знаний в области фольклора способствовала и деятельность как редактора «Нижегородских губернских ведомостей» в период с 1845 по 1850 год. За этот период в газете было опубликовано большое количество сказаний, легенд, песен, этнографических наблюдений местных собирателей.

Накоплению фольклорного материала способствовали и постоянные поездки Мельникова-Печерского по краю по поручению Министерства внутренних дел.

Уже к началу 50-х годов Мельниковым-Печерским был собран значительный фольклорный материал. В письме к Погодину от 22 января 1851 года он писал: «Есть у меня сотня,

---

[1] *Усов П. С.*, с. 157.

[2] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 478, № 34, л. 1—2.

другая песен (местных) — все такие большею частью, которые не напечатаны и впервые мною слышаны»[1].

Большая работа по собиранию фольклора была проделана статистической экспедицией 1852—1853 годов, которой руководил Мельников-Печерский.

Путь Мельникова-Печерского в литературу был очень своеобразен. Как уже было сказано выше, 40-е и первая половина 50-х годов были расцветом его деятельности как этнографа, фольклориста, ученого-исследователя и чиновника. Это были годы накопления бытового и фольклорного материалов. Только в 50-х годах появляются его первые сатирические очерки. Но в первый период своей литературно-художественной деятельности Мельников-Печерский не мог еще слить воедино имеющийся у него исторический, бытовой и фольклорный материал. Только в конце 50-х годов он начинает смотреть на фольклор не только как на материал, но и как на художественное средство в беллетристическом произведении. Его неоконченная повесть «Заузольцы» (1858) уже включает в себя большое количество сказаний и преданий, которые должны были играть в произведении важную композиционную роль, давать характеристику народного миросозерцания. Новый шаг в сближении с устной народной поэзией Мельников-писатель делает повестью «Гриша» (1861). В ней фольклор становится важнейшим средством движения сюжета и раскрытия внутреннего состояния героя. С помощью устной народной поэзии мотивируются все его действия и поступки. Задорная песня во время семика, то и дело смущающая и волнующая подвижника Гришу, во многом способствует его «падению», за чем следуют мучительные раскаяния и готовность идти на любые подвиги для очищения души, что и приводит его к печальной развязке. Самое повествование писателя пронизывается фольклорно-сказовыми элементами.

Начиная с 60-х годов русский фольклор является не только одним из важнейших источников художественных трудов Мельникова-Печерского, привлечение его становится для писателя излюбленным композиционным приемом. В русской художественной литературе трудно найти эпическое произведение, которое вобрало бы в себя столько произведений устной народной поэзии различных жанров, как эпопея «В лесах» и «На горах».

Интерес Мельникова-писателя к фольклору в период 60-х — 70-х годов как к одному из источников его литератур-

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 158.

ных трудов был во многом обусловлен развитием русской филологической науки. В письме к П. В. Шейну от 8 сентября 1875 года он писал: «В продолжении четверти столетия я много ездил по России, много записал песен, сказаний, поверий и т. п., но я бы ступить не мог, если бы не было трудов покойных Даля и Киреевского, не было бы Ваших трудов, напечатанных у Бодянского, трудов Л. Майкова, Максимова и — да упокой господь в недрах Авраама пьяную душу его — Якушкина... Пчелы вы, а не муравьи, ваше дело мед собирать, наше дело мед (hydromel) варить, не будь Вас, мы бы варили какой-нибудь промозглый квас, а не мед»[1].

Как фольклорист Мельников-Печерский испытывал значительное влияние как «мифологической школы», так и культурно-исторических методов изучения фольклора. Эти влияния нашли отражение в эпопее «В лесах» и «На горах». Особенной насыщенностью фольклором отличается роман «В лесах».

Значительное место в нем занимает древняя мифология, «реставрированная» учеными-фольклористами. В духе трудов «мифологов» Мельников-Печерский создает образы Матери Сырой Земли, Грома Гремучего, Неба Ходячего, Яра Хмеля.

Использование Мельниковым-Печерским образов древней мифологии было обусловлено целями и задачами, поставленными писателем в период работы над романом «В лесах».

В сложную историческую эпоху 60—70-х годов Мельников-Печерский своим произведением хочет обратить внимание общественности на Русь старую, патриархальную, где, по его мнению, можно найти ответы на жгучие вопросы современности. Только в исконно русской, кондовой, не тронутой чуждыми влияниями среде, считает Мельников-Печерский, где свято хранятся заветы и обычаи старины, заключается залог благополучия народа и России. Русский человек, по мнению писателя, консервативен, он всей душой тяготеет к дедовским обычаям и свычаям, все неурядицы и беспорядки в стране явились следствием отступления от этих стародавних нравов. Бюрократизм и длительный период крепостного права, чуждые природе русского человека, поставили страну в трудное положение. Возвращение к исконно русским формам жизни, как кажется писателю, может спасти Россию и направить ее по правильному пути развития.

Космогонический миф о союзе Неба и Земли, отражаю-

---

[1] Архив Академии наук СССР (Ленинградское отделение), ф. 104, оп. 2, № 128, л. 1—2.

щий представления древнего человека о происхождении жизни на земле, целиком включенный в роман «В лесах», как нельзя лучше раскрывает взгляд Мельникова-Печерского на народ и народное сознание.

Однако значение в романе «В лесах» древней мифологии не исчерпывается идейными устремлениями автора. Мифологические образы в романе выполняют исключительно важную композиционную роль. Веселый Яр, бродящий по селам и деревням, зажигающий сердца любовью, мотивирует завязки многих конфликтов романа и поступки действующих лиц. Можно не без основания утверждать, что именно символико-поэтическое значение образов языческих богов является в романе главным.

Интересен тот факт, что образ светлого бога Яра Хмеля вводится только во вторую часть романа, и думается, что это не случайно. Задумав создать идеальный образ Чапурина, Мельников-Печерский должен был завязать и соответствующий конфликт. По первоначальному замыслу им могла стать свадьба уходом. Но вскоре писатель понял, что такой конфликт не раскрывает всех положительных черт главного героя, так как «самокрутка» — старинный заволжский обычай. Появляется замысел нового конфликта. Основой к нему должно было послужить коварство введенного в семью и обласканного ею бедняка Алексея. Но на пути писателя опять возникло противоречие: каким образом в этом идеальном мире русской старины допустимы такие явления, как поступок Насти, пренебрегшей заветами отцов, поправшей исконно русский обычай? Помогает писателю образ веселого бога жизни и плодородия Яра Хмеля. Не случайно он вводится сразу после сцены признания Насти в своем грехе.

Начиная с 8-й главы второй части романа «В лесах» образ Ярилы будет постоянно способствовать писателю в завязке новых конфликтов и поэтически объяснять поступки героев. Не без вмешательства этого веселого бога завязываются сюжетные линии: Василий Борисыч — Параша, Марья Гавриловна — Алексей. Его шалостями объясняются поступки белиц и греховные думы черниц. «А в ту пору молодежи не спалось,— рассказывает Мельников-Печерский о первой ночи, проведенной Василием Борисычем в Манефиной обители.— Душная, неспокойная дремота, разымчивая нега всех одолевала. Яр Хмель по людям ходил» (т. 2, с. 614).

Этот весенний бог жизни наводит на греховные думы даже такую строгую подвижницу, как мать Манефа. Если «не заказан ему путь в кельи монастырские, от его жаркого раз-

ымчивого дыхания не спасут ни черный куколь, ни власяница, ни крепкие монастырские затворы, ни даже старые годы» (т. 2, с. 490), то где уж устоять перед его властью молодому сердцу? Таково заключение писателя.

Древнеязыческая мифология выполняет в романе и третье назначение. Использование этого фольклорного материала в романе в определенных главах дает основание полагать, что, включая его, Мельников-Печерский, враг аскетизма и догматизма, как бы поет гимн радостям жизни, прославляет свободную от скитского фанатизма человеческую личность. Русскому человеку, заявляет он, чужд идеал аскетизма. Через описание буйных празднеств, посвященных нашими предками развеселым старорусским богам, писатель стремится раскрыть характер своего народа, бодрость его духа и неудержимую веселость.

Думается, что не случайно сказания о Матери Сырой Земле, Громе Гремучем, Яре Хмеле, волнующем молодую кровь, помещаются всегда в одной главе с повествованием о скитах. В 8-й главе второй части романа «В лесах» читаем: «Пары редеют, забегают в перелески. Слышится и страстный лепет, и звуки поцелуев. Гуляет Яр Хмель... Что творится, что говорится — знают лишь темные ночи да ясные звезды» (т. 2, с. 478). И вдруг — резкий переход: «На Каменном Вражке по-своему Радуницу справляют. С утра в Мапефиной обители в часовне все собрались» (т. 2, с. 479).

Сказанием о союзе Матери Земли и Яра Хмеля, описанием купальских празднеств начинается 1-я глава II части романа. Кончается она словами: «В свежем утреннем воздухе, там, высоко, в голубом небе, середь легких перистых облаков, тихо веет над Матерью Сырой Землей белоснежная серебряная объярь Ярилиной ризы, и с недоступной высоты обильно льются светлые потоки любви и жизни» (т. 3, с. 292). Сразу же после этих строк читаем следующее: «Теперь в лесах за Волгой купальских костров не жгут... На скитских праздниках, на келейных сборищах за трапезами... боголюбивые старцы и пречестные матери истово и учительно читают...» (т. 3, с. 292).

Хотя древняя мифология в романе «В лесах» играет и важную роль, но, следует заметить, не основную. В эпопее постоянно присутствует выход в историческую психологию, то и дело обнаруживает себя историко-социальный взгляд писателя на фольклор, сказывающийся в его особом отношении к народному творчеству как социальному явлению. Как ученый-исследователь, он прежде всего видит в фольклоре отра-

жение исторической жизни народа, отзвук далекой старины или следствие определенных историко-социальных условий жизни.

Исключительно важную роль в этом отношении в эпопее «В лесах» и «На горах» играет легенда, имеющая своим источником либо историю, либо утопию.

К легендам первого рода следует отнести легенды о Китеже, Нижнем Новгороде и легенды о кладах. Ко второго — легенду о Беловодье. Как и древние мифы, они, характеризуя народное мировоззрение, способствуют раскрытию идейного замысла писателя. Но роль их в эпопее по сравнению с мифологическим фольклором гораздо шире.

Значение китежской легенды в романе «В лесах» подчеркивается уже самим лирическим зачином первой главы. Если учесть то обстоятельство, что зачины в художественном произведении обычно придают всему последующему повествованию определенную окраску и настроение, то сразу станет ясным место и значение легенды о невидимом граде Китеже в романе «В лесах».

Веяние древности вносит легенда уже в зачин, характеризующий лесное Заволжье: «Преданья о Батыевом разгроме там свежи. Укажут и «трону Батыеву», и место невидимого града Китежа на озере Светлом Яре. Цел тот город до сих пор — с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженецкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами» (т. 2, с. 7).

Китежская легенда становится композиционным центром романа «В лесах». Она воспринимается как символ седой старины этого кондового заволжского края. Мировоззрение народа, его взгляды на прошлое, настоящее и будущее края, его верования, надежды и устремления — все это нашло свое отражение в легенде о невидимом граде Китеже. Легендарный невидимый Китеж — предел стремлений бедняка-заволжанина. Характерно то обстоятельство, что вера в существование чудесного града живет больше в среде народной, чем у хозяев жизни. На берегу Светлояра фанатизм охватывает лишь низы народной массы. Совершенно спокойно ведет себя Марко Данилыч Смолокуров, с снисхождением посматривающий на читающих «Летописец», а удельный голова Михайло Данилыч на Настиных сорочинах говорит о чудесном граде с едва уловимой иронией.

С верой заволжанина в чудесный город Мельников-Печерский связывает стремления к счастливой и радостной жизни,

которые неизменно живут в народной массе. Но эти народные стремления обращены опять-таки к прошлому. Чудесный Китеж в народном сознании представляется таким, каким он был несколько столетий назад, до времен Батыева нашествия.

Заволжанин не только свято верит в существование невидимого града, но стремится найти путь к нему, услышать звон его колоколов.

Китежская легенда в аллегорической форме отражает веру писателя в возможность торжества правды и справедливости при условии возобновления исконно национальных форм русской жизни.

Кроме того, такой комплекс идей, заключенный в легенде, представляется Мельникову-Печерскому типичным проявлением мировоззрения народной старообрядческой среды, настроенной патриотично, но непреклонной в преданности «старой вере» и старинным обычаям. Вместе с тем легендарный Китеж явился символом, воплощавшим идеал сохранения старинного быта в его неприкосновенности, замкнутость спасенной «святой старины».

Важное значение имеет китежская легенда в движении сюжета романа. Поездка героев «на Китеж богу молиться» во многом определяет развитие действия. От Китежа Мельников как бы отталкивается, начиная повествование после развязки сюжетной линии Марья Гавриловна — Алексей. Именно на пути к невидимому граду завязываются новые конфликты (Василий Борисыч — Параша), вводятся новые герои (Смолокуров, Дуня).

Прием характеристики края через легенду используется Мельниковым-Печерским и в романе «На горах».

Если роман «В лесах» начинается с народных преданий о невидимом граде Китеже и тропе Батыевой, дающих характеристику лесному Заволжью, то роман «На горах» начинается преданием о Нижнем Новгороде, которое как бы намечает дальнейшее повествование и проливает свет на историческое прошлое нагорного правобережья. Как легенда о невидимом граде Китеже является композиционным центром романа «В лесах», так и Нижний Новгород, о прошлом которого рассказывается в легенде, с его всероссийским торжищем (Макарьевской ярмаркой), является центром романа «На горах».

Значительную роль в характеристике старообрядческого Заволжья, наряду с легендой о невидимом граде Китеже, играет социально-утопическая легенда о Беловодье и Опоньском царстве. Она не только характеризует нравственное состояние старообрядцев, их стремления обрести правую веру во всей

ее чистоте и неприкосновенности, что опять-таки доказывает традиционность народного сознания, но и выполняет в романе важную композиционную роль. Именно она содействует завязке сюжетной линии Чанурин — Стуколов, связанной с аферой фальшивомонетчиков и золотоискателей. Рассказы Стуколова о Беловодье и других святых местах определяют дальнейшее развитие действия романа «В лесах». Праведная жизнь, странствия и страдания старца в поисках правой веры поднимают его в глазах Патапа Максимыча и усыпляют бдительность заволжского тысячника. Именно этим объясняется решение Чанурина пойти на сделку со Стуколовым.

Использование Мельниковым-Печерским легенды о Беловодье объяснялось ее исключительно широкой популярностью. Возникнув в начале XIX столетия[1], она наиболее ярко отражала настроение народной массы, ее неудовлетворенность настоящим и страстное стремление обрести свободу и счастье. Не уловив того социального смысла, какой заключала в себе легенда о Беловодье, Мельников-Печерский увидел в ней лишь нежелание ревнителей древлего благочестия смириться с Никоновыми новшествами, их слепую приверженность к старине.

Так же как использованию в романе китежской легенды предшествовало ее глубокое изучение писателем, так и легенда о Беловодье первоначально тщательно была им исследована. Мельниковым-Печерским в «Нижегородских губернских ведомостях» за 1839 год была дана первая официальная сводка о легенде[2], а позднее в «Очерках поповщины» опубликован ее источник: текст так называемого «Путешественника» — прокламации, призывавшей к поискам чудесного Опоньского царства, будто бы расположенного где-то «в крайних восточных пределах за Сибирью...». Живут в этом царстве русские люди, скрывшиеся туда, «когда в Москве изменение благочестия стало... И светского суда в том Опоньском государстве они не имеют» (т. 2, с. 151).

В 1863 году в «Старообрядческих архиереях» Мельников-Печерский изложил свой взгляд на легенду и причину ее возникновения.

Если для характеристики народной массы старообрядческого Заволжья Мельников-Печерский использует широко распространенные в их среде легенды о невидимом граде Китеже и Беловодье, то для раскрытия психологии и миросозер-

---

[1] *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 239.

[2] Там же.

цания ветлужских лесорубов, не разделявших старообрядческих убеждений, он привлекает фольклор общенационального значения. Сюда относятся легенды о кладах, сказания о водяном и русалках, разбойничьи и разинские песни. Такой отбор фольклора при характеристике двух народных групп в пределах одной нации обеспечивает писателю правдивость художественного изображения действительности.

Устно-поэтические образы, как всегда у Мельникова, соответствуют представлениям о них той среды, какую он изображает. Его русалка предстает перед нами именно такой, какой ее создала народная фантазия великорусов. «Это не поэтический образ фантастических существ сказочных жилищ, надземных вод, вдохновлявших поэтов всех стран и соблазнявших художников всех родов изящных искусств»[1].

«Из веселых, шаловливых и увлекательных созданий западных славян,— пишет Максимов,— русалки в стране угрюмых хвойных лесов превратились в злых мстительных существ»[2].

Помогает фольклор Мельникову-Печерскому раскрыть и постоянно живущие в народной среде стремления к свободной и вольной жизни. С сожалением говорит бедняк Артемий о тех ушедших невозвратно золотых временах, о которых он знает по преданию, когда простые люди «жили на своей вольной волюшке» (т. 2, с. 244). К легендам и преданиям этого рода тесно примыкают разинские и разбойничьи песни, которые в характеристике массы лесорубов играют важное значение. Исторические песни о Стеньке Разине, включенные в роман, носят местный, нижегородский колорит, что говорит о том, что они были взяты писателем из самой жизни:

Как повыше было Лыскова,
Как пониже села Юркина,
Супротив села Богомолова,
В луговой было во сторонушке.
Протекала тут речка быстрая,
Речка быстрая, омутистая,
Омутистая, Лева Керженка.
Выплывала легка лодочка
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина. (Т. 2, с. 246—247)

Это, замечает Мельников-Печерский, одна из тех разинских несен, каких «много сохранилось в Поволжье» (т. 2, с. 246).

---

[1] *Максимов С. В.* Собр. соч. СПб., 1812, т. 18, с. 15.
[2] Там же.

Сталкивая Чапурина, представителя кондового старообрядческого края, и лесника Артемия, Мельников-Печерский при помощи фольклора подчеркивает разницу их убеждений и взглядов на жизнь. Для Патапа Максимыча Разин — вор, «разбойник», а для лесника Артемия — добрый молодец, народный заступник.

В вопросе характеристики народного мировоззрения через устную народную поэзию Мельников-Печерский близок Некрасову. Но, несмотря на близость приемов в характеристике народной массы, отношение писателей к изображаемому часто различно. Если Некрасов нередко показывает скованность народного сознания крестьянина языческими и христианскими суевериями, то Мельников-Печерский откровенно любуется созданными картинами. Через фольклор он прослеживает историческую жизнь народа. Народная поэзия помогает ему выразить мысль о вечности истории, о том, что историческое прошлое живет рядом с реальностью.

В реальной обстановке завязываются и развиваются все конфликты романов Мельникова-Печерского. Реально, например, описание поездки героев на Светлояр, правдивы их взаимоотношения, реалистически верна картина лесного пожара, но тут же, вместе с действительностью, живет и легенда. Как символ седой старины из глубины веков встает перед читателями сказочный Китеж. Легенда живет в сердцах героев, историческое прошлое, отображенное в ней, волнует их не менее современности. За десятки километров едут и идут герои романа «В лесах», чтобы поклониться невидимому граду и послушать чтение «Летописца», рассказывающего о храбрости великого князя Георгия, павшего в боях за Китеж с Батыевыми полчищами, и о погружении города на дно Светлояра.

Реальна и поездка Чапурина на Ветлугу, его встреча с лесниками, в сознании которых историческое прошлое и настоящее их края тесно переплетается с легендами и преданиями. Эти легенды в их сознании настолько слились с действительностью, что неотделимы от нее. Как об исключительно серьезном и важном деле рассказывает Артемий Чапурину о своих поисках золотых кладов и разъясняет условия владения ими.

Наряду с легендами важное значение в романе «В лесах» имеет народный календарь. Русский земледельческий календарь, в основе которого лежат так называемые святцы, в эпопее Мельникова-Печерского служит прямым доказательством несостоятельности утверждения славянофилов и сторонников

официальной народности об исконной религиозности русского народа. У русского крестьянина, доказывает эпопея, религиозный календарь давно стал календарем бытовым. «Русский крестьянин суеверен,— писал Герцен,— но безразличен в смысле религии... Он в точности исполняет все обряды, всю внешнюю сторону культа, чтоб в этом отношении совесть была чиста»[1]. Эти слова полностью можно отнести к главному герою романа «В лесах» Патапу Максимычу Чапурину.

Интересно то обстоятельство, что Мельников-Печерский использует земледельческий календарь при изображении быта героев, больше связанных с кустарными промыслами, чем с земледелием. Ни Чапурин, ни Заплатин, ни Марко Данилыч Смолокуров тесно не связаны с земледельческим трудом, тем не менее их семейная жизнь движется строго по кругу земледельческого календаря с исполнением всех его сопровождающих обрядов. «Как родители жили, так и нас благословили» (т. 3, с. 79),— неоднократно повторяют герои эпопеи. Эта пословица, подтверждающая традиционность народного мировоззрения, очень красноречиво объясняет одну из причин обращения писателя к народному календарю. Кроме того, использование народного земледельческого календаря подчеркивало, что основным героем эпопеи является народная масса, у которой кустарные промыслы идут рука об руку с земледелием. Недаром в эпопее встреча той или иной важной даты календаря сопровождается описанием массовых торжеств, будь то братчина-никольщина или братчина-петровщина, празднование красной горки или радуницы, встреча семика или вешнего Микулы.

Народный календарь в романе «В лесах» имеет важное композиционное значение. На него Мельников-Печерский опирается, осуществляя движение сюжетов. Деление романа на части, как справедливо замечает П. О. Пилашевский[2], также осуществляется по народному календарю. Все действие романа происходит за период с 5 января, крещенского сочельника, до 22 октября, то есть до казанской, когда венцом девицам головы кроют. Парашу венчают с Василием Борисычем в то время, когда мать Манефа накануне казанской уезжает с уставщицей Аркадией в Шарпан.

---

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., Изд-во АН СССР, 1955, т. 6, с. 211.

[2] *Пилашевский П. О.* К вопросу о композиции и стиле романа П. И. Мельникова «В лесах».— Известия Нижегородского университета, 1928, вып. 2, с. 330—347.

Действие первой части романа, начавшееся накануне крещения, кончается началом великого поста. Рассказывая о встрече Чапурина с лесниками, писатель замечает: «Но теперь великий пост, к тому же и лесование к концу: меньше двух недель остается до Плющихи» (т. 2, с. 218). Если учесть, что Евдокия Плющиха празднуется первого марта, то станет ясно, что Чапурин был у лесников около половины февраля, великий пост должен был только начаться. На первую часть приходится и завязка и развитие сюжетной линии Настя — Алексей Лохматый. Кульминационный момент и развязка ее падают на вторую часть романа. Разлад между Настей и Алексеем происходит в конце великого поста, а Настя умирает на святой неделе.

Третья часть романа — женитьба Алексея и любовное сочетание Параши и Василия Борисыча — охватывает петровки. Время действия четвертой части — подготовка свадьбы уходом и венчание Параши — тянется от петровок до казанской.

Обрядовая календарная поэзия, сопровождающая семейную и трудовую жизнь героев, дала возможность писателю через описание обрядов наиболее ярко представить в эпопее различные формы народной жизни. В обрядах, сопровождающих бытовой календарь заволжанина, выступает исконная кондовая Русь.

«Представлению об отечестве,— писал Салтыков-Щедрин,— соответствует представление о правах и обычаях, об играх, песнях и плясках, о приметах и суевериях, о пословицах и поговорках, притчах и сказках и, наконец, о неклейменном, но, несомненно, ходячем словаре»[1].

Весь народный календарь в эпопее сопровождается соответствующими обрядами, чаще всего не имеющими какого-либо религиозно-ритуального значения. Интересен тот факт, что христианским праздникам чаще всего сопутствуют языческие обряды.

Петров день по религиозному календарю считается одним из важнейших христианских праздников, но в обряде, сопровождающем его, налицо остатки языческих верований. «У молодежи,— пишет Мельников-Печерский,— накануне Петрова дня свои хлопоты: последняя «хмелевая ночка» подходит, завтра надо Кострому хоронить» (т. 3, с. 282).

Правдиво, с мастерством знатока народного духа передает Мельников-Печерский через фольклор те «нежащие явления»

---

[1] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. В 20-ти т. М., 1933—1941, т. 13, с. 152.

народной жизни, «которые обдают тебя теплом, когда ты мыслишь себя лицом с отечеством»[1].

Недаром М. Е. Салтыков-Щедрин, расходясь с Мельниковым-Печерским во многих принципиально важных вопросах, увидел в его произведениях настоящее богатство и считал их настольной книгой для исследователей русской народности[2].

Вся жизнь, изображенная в романе «В лесах», сопровождается обрядами. Они сопутствуют не только народному календарю и торжественным случаям в жизни заволжанина, они сопутствуют и многочисленным обычаям, характеризующим бытовую обстановку жизни героев. Уже на первых страницах романа «В лесах» Мельников-Печерский среди многочисленных обычаев описывает обычай колядования, сопровождающий крещенский сочельник. Картина крещенского сочельника с сопровождающими его обычаями раскрывает отношение русского человека к этому важному христианскому празднику. «За околицей Осиповки,— пишет Мельников-Печерский,— бабы и девки собирали в кринки чистый «крещенский снежок» холсты белить да от сорока недугов лечить. Поглядывая на ярко блиставшие звезды, молодицы заключали, что новый год белых ярок народит, а девушки меж собой толковали: «Звезды к гороху горят, да к ягодам; вдоволь уродится; то-то погуляем в лесах да в горохах». Старухи с молитвой клали кресты над дверьми и над окнами ради отогнания нечистого и такую думу держали: «Батюшка Никола милостивый, как бы к утрею-то оттеплело, да туман бы пал на святую Ердань, хлебушка бы тогда вдоволь нам уродилось» (т. 2, с. 16—17).

Как видим, мысли осиновских жителей обращены далеко не к крещению Христову, а к будущему урожаю и другим житейским нуждам. В их заботах сказывается народная практика и жизненный опыт земледельца. Здесь мы встречаемся с фактом чисто сельскохозяйственного осмысления церковного календаря.

Оставаясь верным реалистической правде, Мельников-Печерский при передаче того или иного обычая всегда этнографически конкретен. Нравы крестьян села Луповицы, расположенного в верховьях Дона, где живет Марья Ивановна Алымова, значительно отличаются от особенностей быта поволжан. Одним из самых популярных здесь является обычай празднования дожинок, широко распространенный в свое время в западных губерниях. Три праздника в один день сошлись

---

[1] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. В 20-ти т. М., 1933—1941, т. 13, с. 156.

[2] Там же, с. 464.

во время пребывания в Луповицах Дуни Смолокуровой — разговенье, сельский храмовой праздник и «дожинки». «Накануне еще бабы и девки покончили яровое, а после обедни, обвив серпы молодою соломой, а иные остававшимися на полях и лугах цветами и высоко держа те серпы над головами, гурьбой повалили на барский двор. Еще выше несли они на руках «последний сноп», одетый в красный сарафан, разукрашенный разноцветными лентами... Все село сошлось, пришли даже толпы из окольных деревень — всякому в охоту было сытно поесть, пьяно попить на барском пиру-угощенье» (т. 5, с. 305—306).

Обычай празднования дожинок идет из самой далекой древности славянского быта. Он был распространен у всех славянских народов, в числе других богов поклонявшихся особенно почитаемому Световиду, богу света, солнца и солнечного тепла, согревавшего воздух и оплодотворявшего землю. Он же считался богом жатвы и полевых работ.

Важную роль в романе играют обряды, сопровождающие те или иные события семейной жизни героев.

Полностью отражен в романах «В лесах» и «На горах» похоронный обряд с сопровождающими его причитаниями. В романе «В лесах» Г. С. Виноградов насчитал около десятка причитаний, приуроченных к тем или иным датам и событиям семейной жизни крестьянина и бытового народного календаря — при праздновании радуницы, во время похорон (при выносе тела, над могилой, во время похоронного обряда), на сорочинах и т. д.

В литературе о Мельникове-Печерском много внимания уделялось выяснению источников фольклорных материалов вообще и причитаний в частности, включенных в роман «В лесах». Этого вопроса касались Г. С. Виноградов, П. О. Пилашевский, К. В. Чистов[1] и другие.

В результате тщательного анализа текста романа «В лесах», причитаний, «вмонтированных» в него, К. В. Чистов пришел к выводу, что источником включенных в роман причитаний и причитываний явилась для Мельникова-Печерского книга — «Пермский сборник» (1866) и «Причитания Северного края», составленный Е. В. Барсовым из текстов, записанных им от известной русской сказительницы XIX века Ирины Андреевны Федосовой, образ которой, по мнению исследователя, во многом определил введение в круг действующих лиц романа «вопленицы» Устиньи Клещихи.

---

[1] *Чистов К. В.* П. И. Мельников (Печерский) и И. А. Федосова.— В кн.: Славянский фольклор. М., Наука, 1972, с. 312—327.

К. В. Чистов, сопоставляя тексты причитаний из романа «В лесах» с отдельными причитаниями из сборника Барсова, убедительно доказывает влияние И. А. Федосовой на Мельникова-Печерского. «В «Плаче по дочери» и «Плаче по крестнице»,— пишет Чистов,— записанных от И. А. Федосовой, оплакивались внезапно умершие девушки «на выданьи», причем одна из них, совсем как героиня романа «В лесах» Настя Чапурина, скончалась от тайной беременности. Поэтому не удивительно, что тексты причитаний, которые мы читаем на страницах романа, представляют собой не просто некую стилизацию в духе причитаний, записанных Е. В. Барсовым, но и в буквальном смысле этого слова монтаж отрывков из этих двух плачей»[1].

Безусловно, Мельников-Печерский не мог не обратить внимания на вышедший в 1872 году первый том работы Барсова, явившийся тогда выдающимся явлением в научном и литературном мире, и, очевидно, использовал его при работе над романом.

В то же время трудно предположить, что и сам Мельников-Печерский, этнограф и фольклорист, не наблюдал похоронных обрядов, не слышал и не записывал причитаний воплениц. В главе, посвященной описанию похорон Насти Чапуриной, есть намек на то, что северные причитания ему были известны.

Эти «жальные причитания», раскрывая особенности быта русского народа, помогают писателю заглянуть в глубь веков и уловить в них отголоски древних языческих верований. «Когда вслушиваешься в эти оклички, в эти жальные причитания,— замечает он по поводу поминальных плачей,— глубокой стариной пахнет! Те слова десять веков переходят в устах народа из рода в род... Старым богам те песни поются: Грому Гремучему, да Матери Сырой Земле» (т. 2, с. 476).

Кроме обрядов и обычаев, прикрепленных к тем или иным датам народного календаря, крестинам, похоронам и другим событиям семейной жизни крестьянина, имеющих общенациональное значение, в эпопее исключительно важную роль выполняют местные обычаи.

Из них Мельников-Печерский берет лишь наиболее значительные, те, которые могут играть важную роль в человеческой судьбе. Этим и определяется их исключительное значение в эпопее.

Очень часто местный обычай становится у Мельникова-

---

[1] *Чистов К. В.*, с. 321,

Печерского канвой для развития того или иного сюжета. Примером подобного использования обычая может служить свадьба уходом.

Известно, что в начальный период работы над романом «В лесах» писатель намеревался заволжский обычай играть свадьбу уходом взять в основу сюжета будущего произведения.

Часто местные обычаи используются для характеристики края, но опять-таки не без отношения к героям романа. Примером может служить расправа с вором скота Никешей.

Важную роль в движении сюжета романа играет и обычай заволжских тысячников «столы строить» (т. 2, с. 46). Используя его, писатель не только полнее характеризует край, но и намечает линии дальнейшего повествования. Все хлопоты Патапа Максимыча объясняются стремлением во что бы то ни стало удивить Снежковых своей значительностью в Заволжье и желанием породниться с ними.

В то же время слух о внеочередных «столах», донесшийся до Алексея, во многом определяет его разговор с Фленушкой, за которым следует его сближение с Настей.

Кроме эпических жанров фольклора, календарной и обрядовой поэзии, в эпопее «В лесах» и «На горах» значительная роль отводится песне. Она одно из излюбленных средств раскрытия душевного состояния персонажей. Наряду с историческими песнями, о значении которых говорилось выше, в эпопее Мельникова-Печерского использовано большое количество лирических и шуточных песен, романсов.

Уже в первой главе первой части романа «В лесах» слова городского романса, прочитанные Чапуриным в тетради Насти, позволяют заглянуть во внутренний мир героини и в какой-то мере представить ее душевные стремления.

«Перевернул Патап Максимыч листок, а там другая псалма:

Сизенький голубчик,
Армейский поручик. (Т. 2, с. 14)

Недаром прочитанные строки заставляют обеспокоиться умного Чапурина и вызывают его разговор с женой, чтобы та построже следила за дочерьми. «Хоть и жаль расставаться,— размышляет он после разговора,— а лучше к месту скорей. Дочь чужое сокровище» (т. 2, с. 16).

Задорная, часто шуточная песня раскрывает живой, беспокойный нрав озорной Фленушки. Важное значение придает Мельников-Печерский и самой манере исполнения песни. Со-

стояние буйной радости Фленушки, увидевшей возможность на время вырваться из тесных келий, выражается через шуточную песню, сопровождающуюся приплясыванием и прищелкиванием пальцами.

Через песню же передает писатель и горькое отчаяние героини, твердо решившей принять иночество и навсегда расстаться с любимым человеком. «Надорванным голосом», «тихо и грустно» начинает Фленушка свою песню:

Ноет сердце мое, ноет,
Ноет, занывает —
Злодейки кручинушки
Вдвое прибывает... (Т. 4, с. 396)

Важную роль выполняет песня в эпопее Мельникова-Печерского и для завязки и движения сюжетной линии. Грустная песня Марьи Гавриловны, услышанная в обители Алексеем, как бы всколыхнула задремавшие было в нем чувства, заставила его обратить внимание не только на внешнюю, но и на внутреннюю красоту вдовы. «Что за красота! Что за голос звонкий, душевный,— размышляет он, услышав пение Марьи Гавриловны.— И какая может быть у нее кручина? Какое у нее может быть горе?» (т. 2, с. 519).

Рассказывая о Дуне Смолокуровой, о ее связях с хлыстами, раскрывая ее сомнения в новой вере и жажду простого земного человеческого счастья, Мельников-Печерский многократно использует пропетую по заказу Петра Степановича Самоквасова песню во время их прогулки по Волге:

Я принес тебе подарок,
Подарочек дорогой
С руки перстень золотой. (Т. 4, с. 191)

Во время горестных раздумий над прошлым и настоящим и во время хлыстовских радений слышится Дуне знакомая мелодия, а вместе с тем крепнет решение, как можно скорее уехать из Луповиц.

Иногда песня употребляется Мельниковым-Печерским для характеристики целых народных групп, их положения и духовных стремлений. К такому приему Мельников-Печерский часто прибегает при изображении скитской жизни. Духовная песня и духовный стих помогают Мельникову-Печерскому создать тот идеал существования, к которому должно стремиться каждому существу, нашедшему пристанище за обительскими стенами:

Воззримся мы, людие, на сосновы гробы,
На наши превечные домы,

О, житие наше маловременное!
О, слава, богатство суетное! (Т. 2, с. 341)

Подобные песни как бы подчеркивают безысходность положения несчастных, которым нет места «в миру», которые в силу определенных социальных условий вынуждены ценой молодости и счастья покупать приют и кусок хлеба за степами старообрядческих обителей.

Песня же помогает писателю показать и те стремления молодых душ к счастью, которые постоянно живут в их сердцах. Не догляди матушка Виринея, не прими соответствующих мер, на супрядках не раздавалось бы других песен, кроме подобных следующей:

Не свивайся, не свивайся трава с повиликой.
Не свыкайся, не свыкайся молодец с девицей.
Хорошо было свыкаться, тошно расставаться. (Т. 2, с. 340)

К устной народной поэзии прибегает часто Мельников-Печерский и при характеристике внешнего облика героя. Образ Алексея Лохматого из романа «В лесах» во многом напоминает некрасовского огородника. Внешность как того, так и другого, дается в стиле устного народного творчества. Алексей — один из тех добрых молодцев, о которых часто поется в русских народных песнях.

Образ Алексея, так же как и образ огородника, рисуется с помощью ярких постоянных эпитетов, которыми в фольклоре обычно создается идеализированный портрет удалого доброго молодца. «И красавец был из себя,— пишет о нем Мельников-Печерский,— роста чуть не в косую сажень, стоит, бывало, средь мужиков на базаре, всех выше головой, здоровый, белолицый, румянец во всю щеку так и горит, а кудрявые темно-русые волосы так и вьются. Таким молодцем смотрел, что не только крестьянские девки, поповны на него заглядывались» (т. 2, с. 31). А вот Алексей через обительский двор идет к домику Марьи Гавриловны: «Не красна на молодце одежа, сам собою молодец красен. Идет двором обительским, черницы на молодца поглядывают, молоды белицы с удалого не сводят глаз. На пригожество Алексеево дивуются» (т. 2, с. 521).

К традиционным эпитетам прибегает Мельников-Печерский, создавая и образ народной красавицы. Если Некрасов о красавице пишет:

Черноброва, статна, словно сахар бела[1],

[1] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. М., 1948, т. 1, с. 23.

то Мельников-Печерский, рисуя портрет Насти, как бы вторит ему: «Это была красавица, каких и за Волгой не много родится: кругла да бела, как мытая репка, алый цвет по лицу расстилается, толстые, ровно шелковые, косы висят ниже пояса, руки белые, ровно выточены, а грудь, как пух в атласе» (т. 2, с. 86).

Следует заметить, что Мельников-Печерский прибегает к фольклору лишь при характеристике персонажа, выражающего народный характер. Фольклор перестает сопутствовать Алексею Лохматому, как только он оторвался от народной почвы и из доброго молодца превратился в хозяина жизни.

Внешность вновь испеченного господина Лохматого метко характеризует Колышкин народной поговоркой: «Руки в боки, глаза в потолоки — умора!» (т. 3, с. 539).

Пословицы в эпопее «В лесах» и «На горах» вообще занимают исключительно важное место. По подсчетам П. О. Пилашевского[1] только один роман «В лесах» включает в себя около 1000 пословиц и поговорок. Эти россыпи народной мудрости Мельников-Печерский использует чаще всего для выражения народного взгляда на те или иные явления действительности. Именно этим объясняется то обстоятельство, что их писатель вкладывает чаще всего в уста персонажа, являющегося носителем народного характера, или в авторское повествование. Из восьми пословиц и поговорок, включенных в первую главу первой части романа «В лесах», три принадлежат Чапурину и пять автору. Во второй главе этой же части все пословицы и поговорки вложены в уста Чапурина.

В авторском повествовании пословицы имеют различное назначение. Важную роль они выполняют в движении сюжета. «Без горя, без напасти человеку века не прожить» (т. 2, с. 33). Так начинается рассказ о бедах и несчастиях, посетивших семью Трифона Лохматого. Рассказав об одной беде крестьянина, писатель снова призывает на помощь пословицу, от которой можно было бы оттолкнуться, переходя к дальнейшему повествованию: «Одну беду заспать можно, можно и с хлебом съесть! Но беда не живет одна» (т. 2, с. 33). А дальше идет рассказ о новых бедах крестьянской семьи.

«В сиротстве жить — только слезы лить. Житье сиротинке, что гороху при дороге: кто пройдет, тот и порвет» (т. 2, с. 88) — так начинается рассказ о горьком сиротском житье Дарьи Никитишны.

---

[1] *Пилашевский П. О.* К вопросу о композиции и стиле романа Мельникова «В лесах».— Известия Нижегородского университета. 1928, вып. 2, с. 330—347.

Часто пословицы применяются при характеристике того или иного персонажа. В ответ на рассказ Чапурина о разладе с Настей Никитишна замечает: «В тятеньку уродилась... Так у вас, значит, коса на камень нашла» (т. 2, с. 97).

По мере усиления в эпопее «В лесах» и «На горах» социально-обличительного настроения через пословицы и поговорки Мельников-Печерский передает народную точку зрения на современные ему общественные порядки. Исключительно важную роль в романе «На горах» выполняют пословицы и поговорки при характеристике продажности правящей бюрократии, хищничества и алчности русской торговой буржуазии. Говоря о продажности чиновничества, Чапурин, передавая народный взгляд на вещи, замечает: «Ведь у начальства-то четыре полы да восемь карманов, а каждый карман па свою долю просит. А карман полиции, что поповское брюхо — сколько в него не клади, все полно не будет. В полиции нельзя не давать, без поджога и дрова не горят. Нужен тебе подьячий — сунь ему калач горячий, нужен судья — вина сулея, да не простого, а заморского, что не хмельно, да разымчато. Понадобится сам воевода, гляди ему в оба, да с заднего крыльца тащи хоть мертвеца, лишь бы золотцем был посыпан. В таком разе и благо ти будет, а какое у тебя хотенье, такое выйдет и решенье» (т. 5, с. 234).

Раскрывая преступную сущность буржуазной морали, Мельников-Печерский постоянно прибегает к пословицам и поговоркам, вкладывая их не только в уста положительных персонажей, но и в уста самих представителей старой торговой буржуазии, которая в основном подвергается критике писателя. Если пословицы и поговорки, выражающие народную мудрость, обычно принадлежат тем персонажам, которые представляют народный характер (Чапурин, Колышкин), то пословицы, раскрывающие и оправдывающие буржуазную торгашескую мораль, произносятся, как правило, представителями породившей их среды (Смолокуров, Орошин).. «На войне,— говорит Орошин,— обманом города берут, на торгу неумелого как липку обдерут. Для того не плошай да не глазей, рядись да оглядись, дела верши да не спеши» (т. 5, с. 142). «Умей воровать,— вторит ему Смолокуров,— умей и концы хоронить» (т. 4, с. 178). «Купец, что стрелец, оплошного ждет». «Сват сватом, брат братом, а денежки не родня» (т. 4, с. 145).

Характеризуя мировую буржуазию, Веденеев говорит: «Спереди целуют, а сзади царапают», «Один громко о чести кричит, другой ловко молчит...» (т. 4, с. 341).

Мельников-Печерский в эпопее использует и большое ко
личество местных, нижегородских пословиц и поговорок. Он
также оказывают писателю немалую услугу в характеристик
изображаемого края. Свои впечатления от губернского город
Алексей Лохматый выражает широко распространенной в сво
время пословицей: «Город каменный, люди железные» (т. 3
с. 71).

Песня бурлаков из романа «На горах» почти целиком со
ставлена из местных пословиц и поговорок (т. 4, с. 103).

Если для одних писателей устная народная поэзия имел
чисто эстетическое, а для других лишь историческое значение
то Мельников-Печерский ценил в ней ту и другую сторону
Придавая огромное значение эстетической стороне фолькло
ра, он впервые оценил устную народную поэзию как древней
шее искусство.

Мельников-Печерский уже в самóм складе народной реч
увидел большую эстетическую ценность. Отсюда — стилиз
ция под народное творчество в его произведениях. Элемент
стилизации особенно ощутимы в передаче наиболее эмоци
нальных сцен. Они придают авторскому повествованию глу
бокую взволнованность и лирическую настроенность.

«Лежит Настя, не шелохнется,— рассказывает он о пре
смертном состоянии старшей дочери Чапурина,— приустал
резвы ноженьки, притомились белы рученьки, сошел белы
свет с ясных очей. Лежит Настя, разметавшись на тесовой кро
ватушке,— скосила ее болезнь трудная... Не дождевая вод
в мать сыру землю уходит, не белы-то снеги от вешнего сол
нышка тают, не красное солнышко за облачком теряется —
тает-потухает бездольная девица. Вянет майский цвет, туск
нет райский свет — краса ненаглядная кончается» (т. 2
с. 543).

В литературно-художественной практике Мельников-Пе
черский использовал разнообразные жанры устно-поэтическо
го творчества. На протяжении всей жизни он искал для обогащения своего фольклорного багажа новые источники, важнейшими из которых были современная ему литература и живая русская действительность.

Романы П. И. Мельникова-Печерского, воспроизводящие русский старинный быт с сопровождавшей его устной поэзией, раскрывают типичные черты русского национального характера и свидетельствуют о горячей любви писателя к своему народу, о его постоянном стремлении глубоко объяснить настоящее и сделать попытку заглянуть в будущее и предугадать его.

5. И... «СТАЛ ПИСАТЬ ПО ПАМЯТИ...»

О мастер в живописи первой!
Ты первой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой
Изобрази Россию мне.

М. В. Ломоносов

Замысел художественного произведения о жизни заволжских старообрядцев мог возникнуть у Мельникова-Печерского не раньше 1856 года. Именно тогда начинает меняться его отношение к церковному расколу и раскольникам. Нам известно по «Отчету о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», что до 1854 года писатель резко отрицательно относился к старообрядцам. Следовательно, представитель раскольничьей среды не мог до тех пор стать положительным героем его романа.

Мы не располагаем достаточным материалом, чтобы определить точное время возникновения замысла у Мельникова-Печерского написать роман о заволжских старообрядцах. Ясно только, что в 1859 году он приступил к его осуществлению. В марте 1859 года в № 59 издаваемой им газеты «Русский дневник» Мельников поместил следующее объявление: «За сим я объявляю, что хоть и обещал редакции «Русского вестника» поместить в этом журнале мой роман «Свадьба уходом» и другие статьи, но после продажи г. Свешниковым моих сочинений не считаю себя обязанным исполнить мое обещание: названный роман и другие статьи, назначенные для «Русского вестника», будут напечатаны, думаю, в «Современнике», частию в «Русском дневнике».

«Свадьба уходом» — так должен был называться задуманный писателем роман о заволжских старообрядцах. Судя по всему, центр этого произведения должна составлять «самокрутка», которую Мельников-Печерский мог наблюдать только в среде заволжских раскольников. «Из обычаев, свойственных исключительно Нижегородской губернии,— писал он в 1845 году,— особенно замечателен обычай увозить невест. Он господствует в Семеновском и Балахнинском уездах, на границах с Костромской губернией... Обыкновенно во время похищения бывает за похитителем погоня, и горе тому жениху, у которого отобьют невесту; за него не пойдет ни одна девка. После удачного похищения молодые являются в дом родителей молодой просить прощения. Родители долго не прощают их, в то время, как молодые со слезами просят у них

прощения, они всячески ругают их, иногда бьют и топчут ногами. Такая комедия продолжается довольно долго, и, наконец, следует мир, за которым являются вино, пиво и кушанья»[1].

Действительно, главы задуманного романа под заглавием «Заузольцы» стали печататься в «Русском дневнике» начиная с № 119 за 1859 год. «Заузольцы» и явились тем зародышем, из которого позднее выросла эпопея «В лесах» и «На горах». Под именами Лукьяна Никитича, Пахома Олонкина, его сына Василия мы узнаем известных нам героев мельниковских романов — Патапа Максимыча Чапурина, Трифона и Алексея Лохматых. Герои «Заузольцев» поставлены в те же отношения, в каких читатель увидел их позднее в романе «В лесах».

Неожиданное горе постигло семью Олонкиных: злые люди обокрали их и сожгли токарню. Горькая нужда заставляет Пахома послать своих сыновей в люди. Старший из них, лучший токарь по всему околотку, идет наниматься в работники к богатому, но доброму тысячнику Лукьяну Никитичу.

В дочерях Лукьяна Никитича, Груше и Липе, воспитанных в скитах, мы также угадываем героинь будущего романа «В лесах» — Настю и Парашу. Правда, Груша и Липа в повести совершенно безлики. Характеры их даже не намечены.

Наиболее полно обрисованы Лукьян Никитич и Пахом Олонкин. Это, по мнению Мельникова, носители национальных черт русского характера, истинные ревнители патриархальных нравов.

Анализ рассказов о заузольцах дает основание полагать, что уже в 1859 году едва ли не со всей отчетливостью определился у Мельникова-Печерского характер главного героя будущего произведения. Его Лукьян Никитич отличается строгим критическим умом и практической хваткой. Случай с соляными чиновниками, позднее включенный в роман «В лесах», характеризует его как сметливого и практичного хозяина, пользующегося народной любовью и доверием. Он, как и впоследствии Патап Максимыч, по традиции придерживается раскола, что не мешает ему уважать людей различных вероисповеданий, критически относиться к скитской жизни и морали и в то же время быть опорой старообрядческих скитов.

Рассказы о заузольцах явились как бы связующим звеном между первым и вторым периодами творчества писателя. В них мы встречаемся и с Мельниковым сатириком и с Мельниковым — певцом патриархального мира.

---

[1] Нижегородские губернские ведомости, 1845, № 7.

Первая часть «Заузольцев» — это своеобразный гимн трудовому народу Заузолья, гимн мужику-труженику, который поит, кормит землю русскую, на котором зиждется и благополучие «бархатников». Автор полон сочувствия к бедняку заузольцу, к его нелегкой доле. Обращаясь к нему, Мельников пишет: «Твой труд праведен, русский мужичок... Мы одним тобой сыты, одним тобой одеты, обуты, мужичок-лапотник; в тебе вся сила, вся мощь Русской Земли»[1].

Русский мужик смышлен, сметлив и работящ. Это он своим трудом украсил родное Заузолье. Сравнивая заузольцев с крестьянами других уездов и губерний, Мельников-Печерский говорит о тяжелой доле простого народа вообще. Круглый год в поте лица трудится крестьянин, а «своего хлебушка иной год до масляницы не хватит, как ни бьется, как ни работает сердечный на наделенной полосе своей, сколько страды за лето не примет, а хлебушка все мало да мало»[2].

Но в крайне бедственном положении крестьянина Мельников-Печерский в этот период уже не видит социальных причин, а все объясняет широко бытовавшей тогда пословицей: «не всем же на миру быть бархатникам, надо быть в миру и лапотникам».

Такой подход художника к изображению русской действительности не случаен. Именно в конце 50-х годов наблюдается резкое обострение противоречий в его мировоззрении. Видя бедственное положение трудового народа, сочувствуя ему, писатель в то же время не видел и не хотел видеть другой силы, кроме правительства, которая вывела бы народ на широкую дорогу, указала бы путь к счастливой жизни. Надежды на царя сочетались с опасениями и боязнью революционных потрясений. В своем дневнике 22 марта 1858 года он писал: «Встретился с Сергеем Васильевичем Шереметьевым и ходил с ним по Невскому и по Литейной более двух часов... Он, разумеется, против освобождения... Шереметьев сказал, между прочим, что еще будут перемены в этом деле, но какие, не говорил... Что же это будет? Народу обещали свободу; народ ждет... Таких дел откладывать нельзя, а то, чего доброго, и за топоры примутся»[3].

В период революционной ситуации 1859-1861 годов Мельников-Печерский стремится обратить внимание общественности на Русь старую, патриархальную, без крепостного права

---

[1] Русский дневник, 1859, № 119.
[2] Там же.
[3] *Усов П. С.*, с. 182—183.

и бюрократизма, на жизнь областей, где исконно русские основы быта сохранились во всей своей чистоте и неприкосновенности. В возрождении национальных норм жизни писатель видит залог будущего развития России. Жизнь заузольского крестьянства он хочет проследить на примере семейств Олонкиных и Лукьяна Никитича. Писатель любуется патриархальным бытом этих людей, их умом и рабочей сноровкой, которые не дают крестьянину впасть в крайнюю бедность. В этой не тронутой какими-либо новыми влияниями среде писатель и ищет положительные идеалы. Человек, преданный монархическому режиму, но видевший и хорошо понимавший всю неустроенность русской жизни, он резко отрицательно относился к революционному движению. А. П. Мельников в своих воспоминаниях об отце писал: «Он не верил в серьезность поднимавшегося тогда революционного движения, видел в нем, с одной стороны, нечто навеянное извне, чуждое русскому духу, с другой, видел в нем что-то раздутое кучкой людей, в искренность которых он не верил, людей, действовавших без серьезного проникновения в действительные нужды страны»[1].

У нас нет данных, которые помогли бы разрешить вопрос, было ли в намерениях Мельникова-Печерского в период работы над «Заузольцами» ввести в задуманное произведение тему крепостного права, которая остро стояла в это время. Всего скорее, нет. К теме народа Мельников-Печерский подходил с другой стороны. Он лишь стремился найти и показать исконно русские начала народной жизни. Тем не менее произведение Мельникова в конце 50-х годов звучало бы явно антикрепостнически. Ведь идеал писателя — свободный человек, не знающий крепостной неволи. Уже в «Заузольцах» намечена резкая критика русского чиновничества и бюрократизма. Все беды и несчастья крестьянина идут от начальства и чиновничества.

Отвратителен в повести образ Карпа Емельянова, клушинского писаря, прижимающего окрестных мужиков. Привольно могли бы жить клушинцы, если бы не притеснения их непосредственного начальника писаря Карпа. От него идут все несчастия и в семье Олонкиных. Имея в своих руках власть, Емельянов не останавливается даже перед преступлением, лишь бы подчинить себе непокорных. Чтобы сломить независимый нрав Олонкина, он сжигает его токарню, разоряет до основания когда-то крепкое хозяйство мужика. «Заузольцы»

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 7—8.

остались незавершенными. Мельников-Печерский только определил круг героев для своей повести, наметил черты характера некоторых из них, но даже не завязал предполагаемого конфликта. Все же, читая главы «Заузольцев», можно понять, что замысел писателя был обширен. Те шесть глав произведения, что были напечатаны в «Русском дневнике», могли служить лишь экспозицией будущего романа.

До нас не дошло ни плана, ни черновых записей «Заузольцев». О том, как писатель намеревался развернуть повествование, можно только догадываться. Все данные говорят за то, что оно должно было идти несколько иначе, чем это получилось в романе «В лесах».

Работу над «Заузольцами» Мельников-Печерский прервал 6-й главой и по неизвестным нам причинам не возвращался к ней вплоть до 1868 года. Но образы представителей патриархального мира, намеченные в «Заузольцах», не переставали занимать писателя. В № 144 «Северной пчелы» за 1860 год он печатает рассказ «У Макарья». Центральной фигурой этого рассказа является Терентий Захарыч — дальнейшая разработка образа Лукьяна Никитича, приближающая писателя к созданию образа Чапурина. Терентий Захарыч, как и Патап Максимыч, «был не то чтобы купец, не то, чтобы мужик ...и хоть на пальцах у него перстней бриллиантовых вздето не было, а в кармане не погуще ли, чем у Никона Гаврилыча (богатого купца.— *В. С.*) денежки-то лежали»[1]. С этим раскольником в сапогах, смазанных дегтем, считается даже губернское начальство. Все хорошо знают его экономическую силу и авторитет среди населения.

Интересен в рассказе и образ щеголеватого купчика Федора Кирилыча, подражающего современным франтам. Позднее, в романе «В лесах», Мельников-Печерский так же будет иронизировать над «просвещенным» старообрядчеством, представленным образами Снежковых, оторвавшихся от родной почвы, забывших исконно русские нравы.

Описание Макарьевской ярмарки, типичной торговой сделки между Никоном Гаврилычем, Терентием Захарычем и Федором Кирилычем уже предвещает широкие полотна будущей эпопеи.

«Где, вы думаете, совершаются миллионные сделки?

— На бирже,— скажете вы.

Да, завели у Макарья и биржу, директоров, маклеров учредили, полы выкрасили и палощили, столы красным сукном

---

[1] *Северная пчела*, 1860, № 144.

с золотым позументом накрыли, чернильницы на них хрустальные поставили... Только вот беда какая случилась! Завсегда стоит та биржа пустым-пустехонька... Не любит Русь на немецкие манеры жить»[1].

Об этом же скажет Мельников-Печерский впоследствии в VII главе первой части романа «На горах».

В своем интересе к патриархальному миру Мельников-Печерский близок славянофилам. Об этом говорит и его переписка конца 50-х годов. В письме к Мельникову от 2 июня 1859 года И. С. Аксаков, имея в виду С. Т. Аксакова, писал: «Вы так рельефно его изобразили, что трудно поверить, что Вы никогда не видели его, не знали его лично»[2]. В свою очередь С. Т. Аксаков 4 ноября того же года в очень теплом, любезном письме[3] к П. И. Мельникову-Печерскому выражал огорчение, что не имеет возможности из-за тяжелой болезни в скором времени встретиться с ним.

Но более, чем к Аксаковым, автор романов «В лесах» и «На горах» близок к младославянофилам, призывавшим искать положительные типы в патриархальном купеческом мире.

Однако усматривая «в классе среднем» «извечную Русь», Мельников-Печерский далек от идеализации купечества. В купеческом быту он видит и такие явления, как дикое самодурство, произвол, беспримерную алчность.

Намерение Мельникова-Печерского создать художественное произведение о заволжских старообрядцах окончательно укрепилось после его встречи с наследником русского престола, посетившим Нижний Новгород летом 1861 года. Из воспоминаний сына известно, что писатель входил в состав свиты наследника. Заметив интерес наследника к простонародному русскому быту, Мельников много рассказывал ему о жизни заволжских старообрядцев. «Я с вас беру слово,— сказал наследник,— что вы напишете о жизни раскольников за Волгой»[4].

Однако Мельников-Печерский не торопился с исполнением обещания. Первые главы задуманного произведения появились только через 7 лет после разговора писателя с наследником. Как было сказано выше, Мельников-Печерский приступил к осуществлению давнишнего замысла только после более тщательного изучения и исследования церковного раскола.

---

[1] Северная пчела, 1860, № 144.
[2] ИРЛИ. Архив Аксаковых, ф. 3, оп. 2, № 24.
[3] Там же.
[4] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 43.

Намереваясь изобразить в художественной форме жизнь патриархального Заволжья, Мельников-Печерский взял за основу напечатанные в 1859 году рассказы о заузольцах.

Первые главы о заволжских раскольниках под заглавием «За Волгой» стали появляться на страницах «Русского вестника» за 1868 год. Очевидно, писатель не рассматривал их как начало единого целого крупного эпического произведения, поэтому снабдил подзаголовком «Рассказы Андрея Печерского».

В этих «рассказах» читатель вновь встретился со знакомыми ему по повести «Заузольцы» героями, выступившими под новыми именами.

Вероятно, публикуя первые главы повести «За Волгой», Мельников-Печерский никак не предполагал, что его повесть может растянуться на целые 2000 страниц. «Помните,— писал ему впоследствии Любимов, заведовавший редакцией «Русского вестника»,— как вы начали писать эту вещь и как она разрослась и поднялась»[1].

Как и рассказы о заузольцак, повесть «За Волгой» начинается поэтическим зачином о заволжском крае.

Следует заметить, что ко времени работы над повестью в мировоззрении Мельникова-Печерского произошел окончательный поворот. Он твердо занял последовательно консервативные позиции и даже не считал себя близким либералам 60-х годов. Неслучайно в повести «За Волгой» по сравнению с рассказами о заузольцах значительно усиливаются элементы идеализации старины. Само Заволжье в поэтическом зачине повести рисуется уже в ином свете. Если в «Заузольцах» рассказывается о безысходной нужде бедняка-лапотника, едва не умирающего с голоду, то в зачине повести «За Волгой» заволжанин живет в просторной чистой избе, не зная горькой нужды. «Сыстари,— пишет он,— за Волгой мужики в сапогах, бабы в котах. Лаптей видом не видано, хоть слыхом про них и слыхано. Лесу много, лыко нипочем, а в редком доме кочедык найдешь»[2].

О том, как намеревался Мельников-Печерский развернуть действие задуманного произведения в 1868 году, можно только предполагать. На праздновании своего юбилея в 1874 году он сказал, что при работе над романом «В лесах» не пользовался никакими планами и, начиная страницу, сам часто не знал, чем он ее кончит. Но, судя по первым главам повести

[1] *Усов П. С.*, с. 293.
[2] Русский вестник, 1868, № 7, с. 462.

«За Волгой», вехи будущего произведения были намечены писателем в самом начале его работы над ним. Тот факт, что за основу повести он, не изменяя ситуации, берет начало задуманного несколько лет назад романа «Свадьба уходом», говорит за то, что обычай увозить невест должен быть центральной частью будущего произведения. Кроме того, уже на первых страницах повести «За Волгой» намечаются некоторые важные для развития действия будущего романа линии повествования, определяется направление развития действия. Рассказав о семействах Чапурина и Трифона Лохматого, Мельников пишет об Алексее: «Деньгу любил, а любил ее потому, что хотелось в довольстве и богатстве, во всем изобилии пожить, славы, почета хотелось. Не говорил он про то ни отцу с матерью, ни другу-приятелю; один с собою думу такую держал»[1]. Эта подчеркнутая автором черта характера героя и должна была быть определяющей и руководящей его действиями и поведением.

Совершенно очевидно, что Мельников-Печерский намеревался закончить свое произведение гибелью Алексея Лохматого. Об этом говорит сообщение автора о том внутреннем голосе Алексея, который постоянно предостерегал его, предсказывая ему гибель через Настю.

Известно также, что на первых порах работы над повестью Мельников-Печерский думал написать о жизни старообрядцев за Волгой в небольшом по объему произведении. «Начав в «Русском вестнике» первые главы «В лесах» под заглавием «За Волгой»,— вспоминает Андрей Павлович,— он, как сам после сознавался, думал, что напишет книжки на две, на три журнала, а затем... затем сам еще не знал, что стал бы делать, думал опять вернуться к научным статьям, и... вместо того продолжал свои «В лесах» — «На горах» до конца жизни»[2].

Печатая в «Русском вестнике» «Рассказы Андрея Печерского», Мельников постепенно вводил в них новые персонажи, включая дополнительные эпизоды и сцены, завязывая новые и новые конфликты.

Продолжать работу над повестью заставляли писателя и материальные затруднения. К 1868 году в семье Мельникова-Печерского было шестеро детей, все мал мала меньше. Вспоминая эти годы, Андрей Павлович писал: «Отец работал дни и ночи, не выходя из кабинета, работал поневоле, чтобы сни-

---

[1] *Мельников-Печерский П. И.* За Волгой.— Русский вестник, 1868, № 7, с. 462.

[2] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 7.

скать пропитание семье, и нужно правду сказать, этой нужде обязаны своим появлением лучшие беллетристические произведения его. Не будь нужды, не будь крайней необходимости в заработке, по свойственной ему беспечности характера этим произведениям, быть может, не появиться бы на свет божий»[1].

В январской книжке «Русского вестника» за 1870 год были впервые напечатаны главы романа «В лесах» как продолжение повести «За Волгой». Надо полагать, что именно к этому времени Мельников-Печерский решил расширить рамки повествования. Всего вероятнее, что это было связано с намерениями писателя рассказать о жизни керженских скитов. Первая же глава, напечатанная в журнале под заглавием «В лесах», начинается с описания заволжских скитов, в которых «селились старообрядцы разного звания» (т. 2, с. 322).

Профессор Д. А. Валика, сделавший описание библиотеки Мельникова-Печерского[2], считает, что название романа «В лесах» было подсказано Мельникову статьей «Очерки из внутренней жизни раскольников в Нижегородских пределах», авторство которой установить не удалось. Статья была напечатана в № 12 «Нижегородских епархиальных ведомостей» за 1868 год. Начиналась она словами: «Известно, что главным местопребыванием, главным притоном в Нижегородских пределах раскольнические старцы, беглые священники, расколоучители-монахи избрали леса — на луговой стороне Волги — преимущественно на верховьях реки Керженца, как место по преимуществу по своему географическому положению весьма удобное для укрывательства от преследований».

По мнению Д. А. Балики, автор упомянутой статьи, если это не сам Мельников, много черпал для своей работы из статей Мельникова-Печерского и сам оказывал на него влияние.

Решив создать крупное произведение о жизни старообрядцев за Волгой, Мельников-Печерский вносит позднее в свою повесть значительные изменения. Именно к этому времени, никак не раньше, у него возник замысел создать сильные духом образы Манефы и Фленушки и поставить их в центр повествования романа «В лесах».

Таким образом, в 1870 году, работая над романом «В лесах», Мельников-Печерский намеревался изобразить патриархальные нравы семьи заволжского тысячника Патапа Чапурина и жизнь в Комаровском скиту, в обители матери Манефы.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 49.
[2] Хранится в ИРЛИ.

Смолокуров — один из героев «В лесах», ставший потом центральной фигурой романа «На горах», появится в замыслах писателя значительно позднее. Об этом свидетельствует сравнение журнального текста с отдельным изданием романа «В лесах».

Описывая обитель матери Манефы, расположение келий и комнат в стае игуменьи, Мельников-Печерский писал в 1870 году: «Здесь в летнее время живали племянницы матушки Манефы, когда воспитывались в обители»[1]. В отдельном издании эта фраза дополнена: «Здесь в летнее время живали племянницы матушки Манефы и Дуня, дочь богатого купца, рыбного торговца Смолокурова, когда они воспитывались в обители» (т. 2, с. 335).

В архиве П. И. Мельникова-Печерского в рукописном отделе Пушкинского дома хранится набросанный им план продолжения романа «В лесах». План составлен на трех страницах большого формата и носит следы работы писателя. Не зачеркнуто в нем прямой чертой лишь то, что осталось невыполненным.

План, очевидно, был набросан в 1872 году, когда Мельников жил в Горбатовском уезде Нижегородской губернии. Сын писателя свидетельствует, что Мельниковым-Печерским в это время был обдуман план романа «На горах», но это, несомненно, ошибка, так как роман «В лесах» был закончен только в 1874 году. Вероятно, речь идет о вышеупомянутом плане, но он никак не может быть планом второго романа. Намеченные в плане действия должны были развертываться в тех же заволжских лесах. Хотя Марко Данилычу и Дуне Смолокуровым по плану отводится активная роль в романе, все же главными героями в нем оставались те же Патап Максимыч Чапурин, мать Манефа, Фленушка, Параша и Василий Борисыч. Значит, это был план романа «В лесах».

Фактически в нашем распоряжении имеются два плана. Первый представляет собой набросок того, что намеревался написать Мельников-Печерский в продолжении «Рассказов Андрея Печерского» после сцены похорон Насти Чапуриной.

Вот этот план:

Алексей у Пат. Макс. Прощается.

Идет к отцу. Отец хочет узнавать у Патапа Максимыча честью ли ушел. Оставляет часть денег отцу. Расчетливо оставляет на разживу. Едет на мельницу. Краснораменский. Тамошний быт. Отправ-

[1] *Печерский Андрей.* В лесах.— Русский вестник, 1871, № 1, с. 330.

ляется в Нижний. Ищет место. Пароходная пристань. Сердится (?) Встреча с Колышкиным. Тот берет его к себе, предварительно спросившись у П. М. Алексей отпрашивается хоть на несколько дней домой. Заезжает в Комаров. Объяснение. Манефа на сорочины привозит к Патану[1] Максимычу посла Василия Борисыча. Знакомство его с Патапом Максимычем, с женой и Парашей.

Иван Купало по деревням. В скитах. Китеж... (нрзб). У Варламия и Голиндухи. Василий Борисыч с девками на пути в Комаров. Параша в скиту. Марья Гавриловна объясняет, что выходит из обители и покупает дом в Нижнем. Петров день у Манефы.

Приезжают гости к Фленушке с Марьюшкой в обитель. Спорили Фленушка с Казанским. Фленушка рассуждает: идти ли в монахини. А до тех пор надо Парашу за Василия Борисыча уходом. Казанская. Сборище в Шарпане. Шарпан. Отношение Марьюшки к своему другу. Свадьба уходом из скита к Свибловскому попу. Фленушке досадно, новая ссора с Казанским, ибо за другой (Устиньей) приударил, ее разсуждения не идти в монахини. Но надо прежде Парашу за Василия Борисыча уходом. Покупка дома. Угощение чиновников. Быт их и отношение к скитам. По грибы. Постоялый двор. Перевоз. Макарьевская ярмарка. Книжники. Сборщики на Успеньев день. Там и Патап Максимыч, и Манефа, и Фленушка и пр. Марья Гавриловна дом А. П. П. Г. купила у него на глазах. Фленушка с Марьюшкой в театр попали. Скитские разъезжались в Шарпан и Оленев. А тогда у Глафиры в Нижнем[2].

Очевидно, набросок составлялся не за один раз. В уголке той же самой страницы — добавление, которое писатель соответствующим знаком переносит в середину ранее составленного плана, намереваясь вновь задуманное рассказать перед описанием сборищ в Шарпане во время праздника казанской. Добавление представляет собой следующее:

Артель гвоздарей. Положение рабочих города Павлова.
Куда нам раскольничать — мы люди бедные.
Городец. Швецы по деревням.
Охота за рябчиками. На дороге возы с рябчиками, с ложками.
Маркеловы игрушки.
Лесной пожар.
Кулиги.
Опахивание при падеже скота.
Капустки.
Возы с капустой и с огурцами.
Угольщики и смолокуры.
Пожар в скиту.
Буреломщики и валежники.
Пустынские старцы.
Шатающиеся монахи или выбежцы из монастырей. Тарасий.
Кутихины. Пропившаяся обитель.

---

[1] В рукописи описка.

[2] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 5, л. 10.

Набойщики и красильщики.
В Ячменной волости мужики прядут.
Разносчик вязимовец[1].

Таким образом, главы, вошедшие позднее во вторую книгу романа «В лесах», писались по обдуманному заранее автором плану. Но, как видим, план этот был выполнен лишь частично. По плану после главы, которой кончается первая книга романа «В лесах», должно было идти повествование об отъезде Алексея от Патапа Максимыча. Глава о весенних заволжских праздниках, о чествовании Микулы вешнего и поездке стариц из Манефиной обители на поклонение гробнице Софонтия, которой начинается вторая книга романа «В лесах», не предусматривалась. Не была запланирована и глава о сердечной тоске Марьи Гавриловны и знахарке Егорихе.

Так как первоначальный замысел свадьбы уходом не осуществился, что, вероятно, было связано с возникновением планов более широкого охвата действительности, чем предполагалось сначала, Мельников-Печерский намеревался рассказать о свадьбе уходом в последующих главах.

Свадьба Василия Борисыча и Параши в основном была описана в романе «В лесах» так, как это предполагалось по плану.

По плану в романе «В лесах» Мельников-Печерский намеревался показать и Макарьевскую ярмарку, куда должны были приехать Патап Максимыч, Манефа, Фленушка и Марьюшка, причем девицы должны были попасть в театр.

Как известно, Макарьевская ярмарка будет описана только в романе «На горах», и героями ее станут не Патап Максимыч и Манефа, а Марко Данилыч Смолокуров со своими алчными конкурентами.

Из плана видно, что Мельников-Печерский хотел охватить широкий круг явлений, показать простонародную русскую жизнь во всем ее многообразии. Он думал, как свидетельствует план, написать главы об артели гвоздарей и труде швецов, о набойщиках и красильщиках, об угольщиках и смолокурах, хотел перенести читателя из керженских лесов в Городец и Павлово. Намечена была глава о положении рабочих в Павлове. По всей видимости, писатель намеревался показать не только мир старообрядчества, но и жизнь фабричных рабочих.

Вероятно, включить в план пункт о павловских рабочих заставило писателя поразившее его зрелище народного бедствия после пожара в селе Павлове летом 1872 года. Мельников-

---

[1] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, № 5, л. 12.

Печерский был на месте происшествия. В рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в архиве Каткова хранится письмо П. И. Мельникова от 13 июня 1872 года, в котором сообщаются ужасные факты. «Надобно строить бараки,— пишет он,— а местные земские власти и не думают об этом... Губернатор за границей, а вице-губернатор — дрянь такая, каких у нас в России не много. Тут народ бедствует, а у них пикники» (л. 19). Пишет Мельников-Печерский и о мошенничестве начальства, которое «и погорелому не прочь руку в карман запустить». В этом же письме он просит Каткова напечатать статью о случившемся: «Научите дураков уму-разуму, особенно дураков губернских. Они Вас побаиваются».

Судя по первому плану, Мельников-Печерский намеревался в романе «В лесах» отобразить многочисленные наблюдаемые им в жизни факты. Планируя написать о пустынских старцах, шатающихся монахах, он в то же время намечает рассказать о старце Тарасии. По свидетельству А. С. Гацисского[1], отец Тарасий был в коротких отношениях с Мельниковым-Печерским, безгранично уважал и любил его, называя не иначе как «мой касатик». Вероятно, Мельников в своем произведении хотел дать именно этот тип монаха. Как известно, замысел писателя не был осуществлен. Не было написано и о пропившейся обители Кутихиных, что также намечалось по плану.

Интересен тот факт, что в плане были намечены главы о жизни и быте русского чиновничества, о его отношении к скитам. По «Отчету о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», где резко критикуется чиновничество, его взяточничество, можно ясно представить, что мог рассказать Мельников-Печерский в этих главах. Они должны были отличаться острой критической направленностью. Об этом же свидетельствует и пункт плана под названием «Угощение чиновников».

Какова причина изменения замыслов писателя? Почему оказались невыполненными многие пункты вышеупомянутого плана? Всего вероятнее, это объясняется тем, что вскоре новые впечатления и образы завладели его вниманием. Одним из таких типов, особенно заинтересовавшим Мельникова-Печерского, явился торговец из Горбатовского уезда. «На лето 1872 года,— пишет сын писателя об отце,— он решил пересе-

---

[1] *Гацисский А. С.* У невидимого града Китежа.— Древняя и новая Россия, 1877, № 3.

литься в Горбатовский уезд, в д. Пестряково, в имение старого севастопольского героя Скольпова... В двух верстах от Горбатова в то время жили два богатые рыбопромышленника, Орехов и Смолин, последний из них послужил отчасти оригиналом для Смолокурова»[1].

Возможно, что это знакомство и стало причиной изменения намеченного плана. Как видим, образы Марка Данилыча и Дуни отсутствуют в первоначальном наброске.

Через некоторое время после первого наброска был составлен подробный план продолжения романа «В лесах»[2].

Как видно из сравнения плана с исполнением, Мельников-Печерский строго не придерживался намеченного. По мере работы над романом замысел писателя все более совершенствовался.

Согласно плану в 1872 году Мельников-Печерский не собирался давать изображение нагорного Поволжья, образ Смолокурова не должен был носить обличительного характера. Макарьевская ярмарка призвана была выполнить в произведении совершенно иную роль, чем это получилось в романе «На горах». Ей лишь намечалось развязать все неразрешимые конфликты и завершить произведение.

Развитие и развязка некоторых сюжетных линий также предполагались несколько иными. Например, сюжетная линия Самоквасов — Дуня Смолокурова в романе «В лесах» была только намечена, развитие же свое она получила в романе «На горах». Судя по плану, Мельников-Печерский не намеревался показать и такое падение Алексея Лохматого, как это показано в романе «В лесах».

Обстоятельства похищения Параши, известные нам по роману «В лесах», говорят за то, что Мельников-Печерский при исполнении задуманного использовал первоначальный набросок плана. Вторым планом он пользовался лишь при описании действий Самоквасова и Семена Петровича в подготовке запланированной свадьбы.

Совершенно по-иному, чем получилось в романах, намечалось завершение сюжетной линии, связанной с Марьей Гавриловной Масляниковой. Как известно, в эпопее Марья Гавриловна после смерти мужа остается полной хозяйкой своего состояния и вместе с Таней ведет уединенную жизнь в Самаре.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 57

[2] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 5, л. 9 — 9 об.

По плану же Марья Гавриловна должна была после смерти Алексея получить лишь седьмую часть своего состояния. Намечалось, что она будет жить у брата в Казани из милости и в конце концов пропадет без вести.

Однако решая так судьбу героини, Мельников-Печерский замахнулся бы на столь любовно описанную им патриархальную старину. Трифон Лохматый — истинный ревнитель патриархальных нравов, отличающийся своей честностью и справедливостью — быть наследником состояния Марьи Гавриловны после смерти Алексея, конечно же, не может. Как известно, в романе такая ситуация складывалась, что Трифон Лохматый сам отказывается от какой-либо доли состояния Алексея, прекрасно зная, что оно целиком принадлежит Марье Гавриловне.

Разорение керженских скитов Мельников-Печерский намеревался описать в конце романа «В лесах». Причем сразу же после падения скита должна была умереть и мать Манефа. Как известно, разорение скитов в романе «В лесах» описано не было, остались не завершенными в нем и ряд сюжетных линий романа — например линия Фленушка — Самоквасов.

Судя по тому что план строго делится на 4 части, Мельников-Печерский в 1872 году запланировал вторую книгу романа «В лесах». Вероятно, все написанные ко времени составления второго плана «Рассказы Андрея Печерского» под заглавием «За Волгой» и «В лесах» он намеревался издать первой книгой. По второму плану он думал писать вторую книгу романа. Однако очевидно, что уже к 1874 году он понял, что не может справиться с материалом, который диктовала ему память, в одном романе. Тогда-то и возник замысел второго романа. Роман «В лесах» был закончен в 1874 году. При подготовке его к отдельному изданию Мельников-Печерский внес много изменений в деление текста на главы и их расположение.

В мае 1875 года роман «В лесах» вышел отдельным изданием. Десятого мая этого года Мельников-Печерский писал А. С. Гацискому: «В конце мая надеюсь с Вами видеться и тогда буду иметь честь вручить мои «В лесах», которые вышли в свет наконец 8 мая»[1].

В центре внимания писателя в романе «В лесах»— семья Чапурина с ее патриархальными нравами и обычаями. Именно в этой патриархальной среде, по мнению писателя, сохранены положительные начала русской жизни.

---

[1] Сборник, т. 9, с. 213.

Суров старинный русский семейный устав. Но именно в нем видит Мельников-Печерский залог нравственности. Все, что отрывается «от корня», терпит крах и претерпевает нравственное разложение. Таковы истории Алексея Лохматого и Якима Стуколова. Только тесная связь с родной почвой, со своей средой обеспечивает человеку благополучие и моральную устойчивость — такова мысль писателя.

Уже на первых страницах романа «В лесах», создавая идиллию патриархальных отношений, он дает и рецепт сохранения их. Это — развитие и распространение кустарных промыслов, обеспечивающих довольство в доме крестьянина, возмещающих то, чего нельзя получить от земли. Как отмечалось, вопрос о кустарных промыслах поднимался писателем уже в «Заузольцах». В романе «В лесах» на кустарные промыслы писатель возлагает еще большие надежды, чем в «Заузольцах». Если в «Заузольцах» промыслы только спасают крестьянина от голодной смерти, то в романе они дают возможность заволжанину жить зажиточно.

В русском мужике Мельников-Печерский превыше всего ценит трудолюбие, практицизм и верность заветам старины. Он любуется Патапом Максимычем, его трезвым умом, умением наладить и довести до конца любое дело.

Раскрывая идеальные отношения Чапурина с крестьянами окольных деревень, Мельников-Печерский на свой лад разрешает проблему взаимоотношения хозяина и работника. Эти взаимоотношения построены на строгости и честности хозяина. Чапурин суровый хозяин. Тем не менее почет ему от крестьян «был великий».

При всех симпатиях к своим героям старообрядцам — Патапу Максимычу и Манефе — Мельников-Печерский отрицательно относится к самой идеологии старообрядческого движения. В своем вступительном слове к чтению романа «На горах» в Обществе любителей российской словесности в 1875 году он писал: «Что б ни говорили защитники старообрядчества ...перед светом просвещения ему не устоять»[1]. Но в исконно русской, патриархальной среде романист видит залог будущего развития России и русского народа, чем и объясняется идеализация патриархальных русских нравов в романе «В лесах».

Не выполнив по окончании романа «В лесах» намеченное по плану 1872 года, писатель решает продолжить работу. Уже

---

[1] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 4, л. 1—2.

в 1875 году, выступая в Обществе любителей российской словесности, Мельников-Печерский сказал: «Я буду иметь честь предложить благосклонному вниманию вашему начало нового моего сочинения «На горах». Это не новое, собственно говоря, произведение, это продолжение тех очерков и рассказов, что под общим названием «В лесах» помещались в «Русском вестнике»... Некоторые из действующих лиц «В лесах» остаются и «На горах», переменяется только местность: с левого лугового, лесного берега Волги я перехожу на правый, нагорный, малолесный. Моя задача, которую я, конечно, вполне не исполню,— изобразить быт великорусов в разных местностях при разных занятиях, при разных условиях общественного строя жизни, при разных верованиях, на разных ступенях образования»[1].

В задачи писателя, как он признавался, входило изобразить жизнь и степенного, сумрачного беспоповца, и домовитого молоканина, и вечно живущего в восторженных мечтах хлыста, и фанатиков из толка спасова согласия, «что всей душой скорбят теперь и слезно плачут о том, что в нынешни последни времена и помучиться-то нельзя, не то чтобы гнать да мучить, и в острог-то почти никогда за веру не сажают»[2].

И опять-таки замысел писателя разошелся с исполнением. Из его вступительного слова к чтению романа «На горах» совершенно очевидным является то, что в замыслы писателя никак не входило разоблачение хищничества русской буржуазии, показа беззастенчивой эксплуатации и обмана трудящихся масс, обнищания и разорения крестьянства — всего того, что составляет основные достоинства второго романа. Не намечалась и критика православного духовенства, которая позднее вызвала недовольство цензуры и редакции «Русского вестника».

Рассказывая во втором романе о прошлом жителей села Миршень, о тех временах, когда село принадлежало «дому животворная троицы и преподобного Сергия, Родонежского чудотворца», Мельников-Печерский рисует ужасающие картины произвола православных старцев над подвластными им крестьянами. Приказные старцы и монастырские слуги саранчой налетали и поедали все в вотчинах. Разные сборы и пошлины не давали мужику оправиться. На долгие годы сохранилась в народе память о преподобном отце Вассиане, сорок лет властвовавшем в Миршени, который батогами выбивал из

---

[1] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 4, л. 1.

[2] Там же.

крестьян недоимки. «Вымучивал старец немалые деньги и в свой карман, а супротивников в погребах на цепь сажал и бивал их там плетьми... Зачастую бывало, что святой отец пьяным делом мужиков и ножом порол» (т. 4, с. 548). Все переносили миршенские мужики от разгульных старцев — и грабеж, и побои, и бесчестие жен и дочерей.

Такая резкая критика православных пастырей расходилась с направлением «Русского вестника». По свидетельству Андрея Павловича Мельникова, именно в это время к писателю начинает придираться цензура. В одном из писем заведующий редакцией «Русского вестника» Н. А. Любимов писал: «Обратите, добрейший Павел Иванович, внимание на одно обстоятельство. Выводите две стороны — хлыстов всех почти описываете доброжелательными, с возвышенными помыслами; людей — православное духовенство — пьяница на пьянице, вор на воре. Выводили б одну сторону — не беда б... Поуменьшите водочки, мошенничества у православных пастырей, игумнов и архиереев»[1].

Но Любимов был прав только отчасти. Наряду с православным духовенством, в романе резко сатирически изображается и хлыстовщина.

Следует отметить, что описать хлыстовщину писатель задумал только по окончании работы над романом «В лесах». В плане 1872 года главы о хлыстах запланированы не были. Но и намерения Мельникова-Печерского, высказанные в Обществе любителей российской словесности в 1875 году, были приведены в исполнение лишь частично. Замышляя показать «вечно живущего в восторженных мечтах хлыста», он хотел изобразить религиозные по форме народные идейные искания. Но этот первоначальный замысел он осуществляет через Дуню Смолокурову, хлысты же изображаются в сатирическом плане.

В романе «На горах» писатель не рассказывает о других религиозных сектах, как намечалось им в начале работы. Вместо изображения их, Мельников-Печерский обращается к важнейшим вопросам современности. В «На горах» читатель видит уже не старую патриархальную Русь, стоящую в стороне от столбовой дороги народной жизни, а Россию, становящуюся на капиталистический путь развития.

В период нового общественного подъема Мельников-Печерский по-прежнему упорно ищет выход из создавшегося в стране положения. Его он находит уже не в патриархальной

---

[1] *Усов П. С.*, с. 304—305.

старине, как в период работы над романом «В лесах», а в просвещенной буржуазии, верной исконно русским нравам и обычаям, но приобщившейся к европейской культуре. Вероятно, уже в период работы над вторым романом возникли в замыслах писателя и образы купцов нового типа — Меркулова и Веденеева, которые не встречаются ни в ранних планах писателя, ни в его заметках и выступлениях.

В романе «На горах» значительно усиливается социально-обличительная струя. Она непосредственно связана с Марком Данилычем Смолокуровым. Как было сказано выше, образ Смолокурова Мельников-Печерский намеревался ввести в повествование как один из главных еще в период работы над романом «В лесах». Но центральным героем Смолокуров становится только в романе «На горах». По плану 1872 года этот образ не должен был носить обличительного смысла. Но уже в период работы над последней частью первого романа Смолокуров рисуется в резком противопоставлении Чапурину. Устами Натапа Максимыча писатель строго осуждает практику Смолокурова. На предложение Марка Данилыча заняться рыбной торговлей Чапурип наотрез отказывается, заявляя, что не способен заниматься грабежом и обманом.

Говоря об экономической силе Смолокурова, Мельников-Печерский показывает его тесную связь с правящей бюрократией.

Тугая мошна Смолокурова может творить чудеса. Перед ним заискивает сам губернский предводитель и даже не прочь породниться с ним. Мелкое чиновничество также ждет подачки от богатого торговца и готово оказать ему любую услугу. Экономическая сила смолокуровых дает им возможность быть неограниченными хозяевами жизни.

Не предусматривалась по планам Мельникова-Печерского и критика продажности правящей бюрократии, которая в романе «На горах» приобретает довольно сильное звучание. Мельников показывает, что деньги открывают человеку все возможности. Об этом красноречиво говорит Патан Максимыч Чапурин, выражающий в романе народную точку зрения на установившиеся в жизни порядки. Продажность, взяточничество чиновников рассматриваются им как характерные явления времени. Вес, значимость в обществе и силу дают деньги, а кто силен, тот и прав. Взяв на себя заботу о Дуне Смолокуровой после смерти ее отца и хлопоты по делу покойного, Чапурин рассчитывает прежде всего использовать продажность местного начальства. Дарью Сергеевну он уверяет, что «подмаслит», кого нужно, начальству «протрет очи золот-

цем», и оно удовлетворит все его просьбы по делу Смолокурова, а самое главное, приберет к рукам рабочих.

Правящая бюрократия, получая щедрые подачки, помогает толстосумам держать в повиновении народную массу. Недаром взбунтовавшиеся на смолокуровских баржах бурлаки беспокоятся, упустив хозяина: «Теперь он, собака, прямехонько к водяному. Сунет ему, а тот нас совсем завинит» (т. 4, с. 91).

Новым в романе «На горах» является обращение Мельникова-Печерского к деревенской теме. Как уже отмечалось, писатель в первом романе идеализирует жизнь заволжанина.

Совершенно иная картина крестьянской жизни рисуется в романе «На горах». Крайняя нужда гонит нагорного крестьянина то на сибирские золотые прииски, то на астраханские рыбные промыслы. Картины крайней бедности крестьянина в романе «На горах» были вызваны изменением отношения Мельникова-Печерского к кустарным промыслам. Если в романе «В лесах» утверждается, что распространение кустарных промыслов является единственной спасительной мерой для русского мужика, то в романе «На горах» писатель уже отказывается от этой мысли. Хотя для нагорного крестьянина, как и для заволжанина, кустарные промыслы, идущие об руку с земледелием, имеют большое значение, но все же не спасают его от крайней бедности.

В 1875 году, когда писались первые главы романа «На горах», каждому вдумчивому человеку уже было ясно, что Россия встала на европейско-капиталистический путь развития и повернуть ход истории вспять невозможно. Мельников-Печерский это понимал хорошо. Толстые подшивки статей, хранящиеся в личной библиотеке писателя, свидетельствуют, что он с особым интересом следил за экономическим развитием страны. Вопросы развития промышленности его волновали особенно и заставляли зорче всматриваться в действительность. Было совершенно очевидно, что перед силой развивающегося капитализма кустарным промыслам не устоять. Мельников-Печерский показывает, что производители-кустари попадают в полную экономическую зависимость от крупных промышленников. Говоря о кустарных занятиях мирщенцев, едва сводивших концы с концами, он пишет, что у них «как и везде, барыши достаются не рабочему люду, а скупщикам, да хозяевам точильных мельниц, да тем же, что железо сотнями пудов либо пеньку сотнями возов покупают. Работая из-за низкой платы, бедняки век свой живут ровно в кабале, выбиться из нее и подумать не смеют» (т. 4, с. 547).

Изображению русской деревни в романе «На горах» отведено много страниц. Обращение писателя к данной теме во второй половине 70-х годов вряд ли было случайным. Именно в это время складывается народническая идеология, идеализирующая крестьянскую общину. Вероятно, это обстоятельство и послужило одной из причин обращения Мельникова-Печерского к деревенской теме.

Писатель рассказывает о расслоении внутри общины. Деньги приобретают на селе большую силу. Недаром Аграфена Ивановна Мутовкина из села Миршень говорит: «Что у господ, что у купцов, что по нашему крестьянству в теперешни времена все на деньгу пошло» (т. 5, с. 189). Могла бы стать счастлива миршенская красавица Аннушка Мутовкина, если бы у ее матери нашлось триста рублей в приданое. Да где их взять? «Не живать сизу орлу во долинушке, не видать Алеше Мокееву хозяйкой бедную Аннушку. Не пошлет сватов спесивый Мокей к убогой вдове Аграфене Мутовкиной, не посватает он за сына ее дочери бесприданницы, в Аграфенином дворе ворота тесны, а мужик богатый, что бык рогатый, в тесны ворота не влезет» (т. 5, с. 189).

Писатель показывает, как безземелье и малоземелье не дают крестьянину подняться на ноги. Годами тянется вражда между миршенцами и якимовцами из-за земли. Сколько крови было пролито, сколько людей в Сибирь было сослано, но ни те, ни другие отступиться от земли не могли.

Такое же положение мы видим и в Сосновке, где живут Чубаловы. «При самом хорошем урожае у сосновцев своего хлеба дальше великого поста никогда не хватало, и нужда заставляла их приняться за промысел — все-таки подспорье убогому хозяйству» (т. 4, с. 449).

С самой безысходной нуждой встречается читатель в доме Абрама Чубалова. И мужик Абрам работящий, и хозяин неплохой бывал, а вот разорился окончательно и никак не может подняться на ноги.

Трезвая правда о жизни мужика, высказанная Мельниковым-Печерским, противоречила представлениям о ней народников.

В романе «На горах» рассказывается о тяжкой доле не только нагорного крестьянина. Если в первом романе писатель говорит о довольстве, в каком живет заволжании, то во втором жизнь того же заволжанина так характеризует крестьянка Мироновна: «И хлеб-то вздорожал, а к мясному и приступу нет... Бьемся, колотимся, а все ни сыты, ни голодны. Хуже самой смерти такая жизнь, просто сказать, мука одна,

а богачи живут да живут в полное свое удовольствие... а бедному человеку от недостатков хоть петлю на шею надевай» (т. 5, с. 469).

Крестьянин, покинувший свой клочок земли и убогое хозяйство, в городе и на промыслах сталкивается со страшной эксплуатацией. В сцене расчета Смолокуровым наемных рабочих показывается, кому достаются плоды народного труда.

Таким образом, замыслы Мельникова-Печерского, отображенные в планах 1872 года, в период работы писателя над романами, претерпели значительную эволюцию и изменение. От поэтизации и идеализации русской старины и патриархального уклада жизни он приходит к критике современных ему общественных порядков.

Роман «На горах» для самого писателя оказался неожиданностью. Как говорит П. Усов, «начав «За Волгой», продолжая «В лесах», Мельников, очевидно, и не думал, что очутится «На горах»[1].

6. ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно.

А. С. Пушкин. «Борис Годунов»

П. И. Мельников-Печерский принадлежит к числу тех писателей, в творческой деятельности которых решающую роль играл наблюдаемый ими или услышанный жизненный факт. Эту особенность своей художественной манеры писатель сам неоднократно подчеркивал. «Вздумалось мне писать: ну, думаю, давай писать, и стал писать по памяти, как по грамоте, как говорит старинное присловье»[2],— заверял он читателей, выступая на праздновании своего юбилея в 1874 году.

Действительно, одни эпизоды дилогии «В лесах» и «На горах» были подсказаны личными наблюдениями Мельникова-чиновника (линия Марьи Гавриловны Масляниковой, эпизоды, связанные с Красноярским скитом), другие — изучением служебных и следственных дел (линия Дуни Смолокуровой), третьи — воспоминаниями современников (судьба Фленушки) и т. д.

---

[1] *Усов П. С.*, с. 300.
[2] Там же, с. 276.

Опора на реальные события и этнографию изображаемого края определяет зачастую очерковую точность его описаний. Отдельные части некоторых глав представляют собой не что иное, как бытовой или этнографический очерк из жизни Нижегородского Поволжья.

Однако бытовой и этнографический материал писатель умело переплетает с поэтическим вымыслом, дополняя его ситуациями, созданными творческой фантазией. Факт, имевший место в действительности, в творческой лаборатории писателя получал такую обработку, что только тщательный анализ жизненного события и эпизода произведения, основу которого оно составило, позволяет установить их аналогию.

Так, Н. Агафонов в статье «Казанская героиня «В лесах» Андрея Печерского»[1] убедительно доказывает, что сюжетная линия романов «В лесах» и «На горах», связанная с молодой вдовой Масляниковой, была навеяна личными наблюдениями Мельникова-Печерского.

Случай, который лег в основу глав, посвященных Марье Гавриловне, произошел в Казани в начале 50-х годов прошлого столетия. Свое сообщение автор статьи обосновывает архивными документами и устными рассказами очевидцев. До настоящего времени жители Казани не только считают сведения, данные Агафоновым, достоверными, но могут указать и тот старый купеческий дом, что стоит недалеко от нынешнего Казанского педагогического института, в котором жила Марья Петровна Дегтярева, послужившая Мельникову-Печерскому прототипом для Марьи Гавриловны Масляниковой.

Н. Агафонов сообщает, что в начале 50-х годов в Казани возникло очень запутанное уголовное дело между старообрядческими семействами, принадлежащими к различным сектам. Дело дошло до синода[2], а затем было передано в Министерство внутренних дел. Министр поручил П. И. Мельникову, бывшему тогда чиновником этого ведомства, произвести самое тщательное его расследование.

Суть этого судебного дела заключалась в следующем. Один из членов очень знаменитого купеческого рода Дегтяревых, Петр Андреевич Дегтярев, начал судебный процесс со свекром дочери, тоже казанским купцом, Степаном Макеевым. Дочь Дегтярева, отличавшуюся редкой красотой, во время провожания Смоленской иконы случайно увидел сын Степана Макеева (в романе «В лесах» Марья Гавриловна, дочь

---

[1] Исторический вестник, 1902, № 1.

[2] В настоящее время хранится в ЦГИАЛ, ф. 1284, № 209.

казанского купца, впервые встретилась с Евграфом во время встречи иконы). Через год после свадьбы дочь Дегтярева, Марья Петровна, пришла в слезах в дом родителей и заявила, что ее перекрестили. Дегтярев подал в суд жалобу па Макеевых. Началось следствие, в результате которого никто не был признан виновным. Вскоре после суда умер Дегтярев, а потом и Степан Степанович Макеев, муж Марьи Петровны, оставив на руках жены маленького сына.

Мать Марьи Петровны, строгая старообрядка, настояла на том, чтобы переехать с дочерью в один из скитов Семеновского уезда Нижегородской губернии. Они поселились в Манефиной обители Комаровского скита и жили в отдельном домике своим хозяйством. П. И. Мельникову часто приходилось бывать в Комаровском скиту и встречать свою старую знакомую из Казани. «Назвав Марьей Гавриловной,— пишет Н. Агафонов,— он ввел ее в ряд героинь своего талантливого литературного произведения, столь известного русскому читающему обществу, украсив биографию своей героини цветами своей игривой фантазии»[1].

В результате сравнения следственного дела, в котором Мельников отвел характеристике Марьи Петровны целые страницы, с портретными зарисовками Марьи Гавриловны Агафонов сделал заключение, что характеристика казанской героини полностью перенесена Мельниковым-Печерским в его романы «В лесах» и «На горах» для портрета вдовы Масляниковой.

Таким образом, казанское уголовное дело не находит прямого отражения в эпопее Мельникова-Печерского, если не считать некоторых его деталей. Правда, повествование о судьбе Марьи Гавриловны начинается с описанного случая с Дегтяревой. Марья Гавриловна, как и Марья Петровна, родилась и выросла в богатой семье казанского купца. Обстоятельства встречи с будущим мужем у той и другой одни и те же. Но дальнейшая судьба героини романа «В лесах» более драматична по сравнению с судьбой казанской купчихи Дегтяревой. Если несчастье Марьи Петровны было обусловлено религиозными мотивами, то драма Марьи Гавриловны объясняется социальными причинами — погоней родителей за богатством. Изображение самодурства и деспотизма, бытовавших в самом старом укладе жизни, значительно ослабляет идеализацию патриархальных отношений, имеющую место в романе «В лесах».

---

[1] Исторический вестник, 1902, № 1, с. 228.

Дальнейшая судьба Марьи Гавриловны — плод творческой фантазии писателя.

Вполне возможно, что сюжетная линия Марьи Гавриловны создавалась по истории двух человеческих судеб. Известно, что в Комаровском скиту проживала до начала 50-х годов «своим коштом» богатая петербургская вдова. А. С. Гациский в своих путевых заметках, рассказывая о некоей Ульяне Гавриловне, пишет: «Ульяна Гавриловна в скиту с малолетства, сиротой была отдана в скит дальними родственниками и с 9—10 лет находилась в услужении у богатой петербургской купчихи-вдовы, проживавшей до разорения 1853 года в Комарове в собственном, полном, как чаша, доме»[1].

Возможно, что жизненная судьба «купчихи-вдовы», с которой Мельников-Печерский, производивший ревизии в скитах, безусловно, был знаком, послужила дополнением к судьбе казанской героини.

Иногда основу того или иного сюжета эпопеи составляет услышанная писателем история, с которой он обращается по своему усмотрению. Есть основания полагать, что сюжетная линия Фленушка — Самоквасов построена опять-таки по аналогии с подлинным событием, имевшим место в Комаровском скиту в начале прошлого века, во времена игуменства Манефы Старой, почитавшейся старообрядцами после ее смерти святой. В 1887 году в «Русской старине» было опубликовано сообщение К. И. Коваленковой под заглавием «Александра — Фленушка», свидетельствующее о том, что Мельников даже не всегда изменял имена прототипов своих героев. Коваленкова утверждает, что бабушка ее, Жедринская, почтенная старица, лично знала мать Манефу (прототип героини Мельникова-Печерского «В лесах»). Жедринская в молодости со своим отцом, семеновским предводителем дворянства, часто бывала в гостях в обители матери Манефы. Подлинное же имя героини когда-то разыгравшейся трагедии, которая в романах Мельникова-Печерского выведена под именем Фленушки,— Александра. После смерти матери Манефы она заступила на ее место. «Раз явился к ней Самоквасов (действующее лицо в рассказах Печерского). Уходя от игуменьи, Самоквасов говорит ея послушнице: «Матушка не приказала беспокоить ее!» Проходит час, другой, наконец, послушница теряет терпение, начинает беспокоиться, идет к сестрам сообщить им свою тревогу. Монахини идут к игуменье; подходят к ее двери и ви-

[1] *Гациский А. С.* Из путевых заметок по Нижегородскому Поволжью.— В кн.: Первый шаг. Казань, 1876, с. 245.

дят, что дверь кельи снаружи заперта. Они окликнули матушку, но ответа нет. Тогда, увидя что-то неладное, открывают дверь и глазам их представляется ужасная картина: несчастная Александра, привязанная косою к самоварному крану, совсем ошпаренная, была уже мертвая»[1].

Наблюдать этот случай Мельников, конечно, не мог. Сообщенные Коваленковой события могли происходить лет на 50 раньше окончания его работы над романом «В лесах», поскольку, по имеющимся сведениям, Жедринская была свидетельницей рассказанного события в годы своей юности, а в 1887 году ей было 88 лет. Часто бывая в керженских скитах и находясь в довольно тесном общении со старообрядцами, Мельников мог слышать былое из жизни раскольничьих обителей, а потом использовать его в процессе работы над своими романами.

О своей приверженности к реальным фактам в литературно-художественном творчестве Мельников-Печерский сам неоднократно свидетельствует в многочисленных сносках в романах «В лесах» и «На горах». Рассказывая о комаровской игуменье Вере Иевлевне, обобравшей обитель и повенчавшейся в православной церкви, писатель в сноске указывает, что этот факт имел место в заволжских скитах. Подтверждают эту особенность Мельникова-художника и архивные разыскания. Достаточно вспомнить аферу с ветлужским золотом, историю Красноярского скита и другие эпизоды романов.

Жизненные наблюдения и личные встречи играли определяющую роль и в построении основных образов романов «В лесах» и «На горах». Поразивший воображение писателя реальный жизненный тип зачастую изменял весь художественный замысел писателя.

Судя по напечатанным в 1868 году главам повести «За Волгой», образ матери Манефы в тот период работы над произведением представлялся Мельникову-Печерскому далеко не таким, каким он получился впоследствии. В этих главах героиня предстает хитрой, льстивой, не лишенной ханжества старицей. Судя по отношению писателя к обитателям скитов, иначе и быть не могло. Не случайно отношение самого автора повести «За Волгой» к образу игуменьи — чапуринское. Очевидно, намереваясь развенчать скитскую мораль, показать обратную сторону обительского благочестия, Мельников-Печерский не щадит и самою игуменью. С легким юмором описывается в повести сцена на именинах Аксиньи Захаровны, ког-

---

[1] Русская старина, 1887, т. 56, с. 230.

да все гости упрашивают честную игуменью хотя бы «пригубить» рюмку за здоровье хозяйки. После долгих просьб она согласилась «пригубить», но, поднеся вино к губам, не удержалась «и вместо того выпила добрую рюмку мадеры»[1]. Позднее этот эпизод был исключен из романа. Если в повести «За Волгой» Патап Максимыч в гневе кричит сестре: «Так слушай же ты, спасенная твоя душонка...»[2], то в отдельном издании романа «В лесах» презрительное и снижающее образ «душонка» заменено словом «душа». В разговоре с гордой и величавой игуменьей, каким в конечном итоге предстал образ Манефы, даже Чапурин должен подбирать соответствующие слова.

Перелом в замысле писателя в отношении к образу матери Манефы произошел после его встречи в 1869 году с матерями Маргаритой и Эсфирью. П. С. Усов в статье «Среди скитниц» замечает: «В Оленевском скиту П. И. Мельников нашел для своих романов («В лесах» и «На горах») те типы, которых он представил действующими в Комаровском скиту, лежащем на северо-востоке от Семенова. Мать Манефа, игуменья Комаровского скита, в действительности была мать Маргарита, настоятельница Анфисиной обители в Оленевском скиту... П. И. Мельников посетил ее в 1869 году и при этом посещении видел у нее св. Филиппа и старинные святцы»[3].

Не менее сильное впечатление на Мельникова-Печерского должна была произвести другая настоятельница Оленевского скита, мать Эсфирь, не знать которую Мельников, принимавший активное участие в разорении заволжских скитов, не мог. Она была действительно выдающейся личностью. Ее облик во многом созвучен с образом матери Манефы — героини романов «В лесах» и «На горах». Очевидно, встречи писателя в Оленевском скиту в 1869 году и явились причиной тех поправок, которые писатель внес в повесть «За Волгой», написанную годом раньше и явившуюся началом романа «В лесах».

Образ Фленушки в повести «За Волгой» сначала предполагался писателем также в другом плане по сравнению с той Фленушкой, какую мы знаем по роману. Если в эпопее Фленушка — жертва социальных условий и религиозных догм, то при чтении повести не чувствуется, чтобы писатель намеревался раскрывать ее образ в драматическом плане. Дело в том, что и характер Самоквасова намечался иным. По первоначальному замыслу он не был тем решительным и настойчивым молодым купчиком, каким он является в романах «В ле-

[1] Русский вестник, 1868, кн. 10, с. 682.
[2] Там же, кн. 7, с. 234.
[3] Исторический вестник, 1887, № 27, с. 317.

сах» и «На горах». Первоначально он характеризовался как слабовольный и робкий человек. Насте Фленушка в повести жалуется: «Увезу, говорит, увезу беспременно, а сам ни с места»[1].

Представляя читателю Фленушку, Мельников-Печерский пишет: «Фленушка, приятельница дочерей Патапа Максимыча, была девица-белоручка, любимица игуменьи и баловница всей обители... Фленушка... давно уже сговорилась с одним молодым человеком повенчаться «уходом». Да парень-то робок больно был, очень уж он матерей келейниц боялся и никак не решался увезти возлюбленную»[2].

В романе «В лесах» мы читаем: «Молодая, красивая, живая, как огонь, Фленушка, приятельница дочерей Патапа Максимыча, была девица-белоручка, любимица игуменьи, обительская баловница... Фленушка думала было обвенчаться «уходом» с молодым казанским купчиком Петрушей Самоквасовым, по матушки Манефы было жалко ей — убило бы это ее воспитательницу» (т. 2, с. 40). Нельзя было ждать от робкого и слабовольного Самоквасова, каким он был намечен в повести «За Волгой», и тех действий и поступков, какие он совершает в романах «В лесах» и «На горах».

Не ясно представлялись Мельникову-Печерскому в период работы над повестью «За Волгой» и характеры дочерей Чапурина. Как известно, за младшей дочерью Патапа Максимыча, Парашей, установились в романе постоянные определения «толстая», «жирная», «сонная». В повести же «За Волгой» Натан Максимыч в шутку говорит Параше: «Тебя сжарить велю, а Настя пожирней будет, так ее во щи»[3]. В повести Параша представляется читателю бойкой, озорной дочерью тысячника. Когда мать за острый язык упрекает ее в нескромности, она запевает задорную песенку «Я у батюшки дочка была...», чего никак нельзя ожидать от той Параши, которую мы знаем по роману «В лесах». Позднее, когда определится характер Параши, писатель эту песню вложит в уста Фленушки в эпизоде объяснения с пей Насти.

Некоторые изменения внес Мельников-Печерский и в свой рассказ о Чапурипе. Вначале он хотел представить его лишь зажиточным мужиком, у которого, по слухам, «тысяч сорок на серебро в кубышке непременно есть»[4]. В отдельном издании о Чапурине мы читаем следующее: «Денег у него в

---

[1] Русский вестник, 1868, кн. 6, с. 499.
[2] Там же, с. 494.
[3] Там же, с. 477.
[4] Там же, с. 464.

мошне никто не считал, а намолвка в народе ходила, что не одна сотня тысяч есть у него» (т. 2, с. 11). Конечно, только при этом условии Чапурин мог быть тем, кем он явился в романах «В лесах» и «На горах» — полновластным хозяином Заволжья, которому сам губернатор оказывает всякое содействие и уважение.

Отталкиваясь при создании образа положительного героя от реального прототипа, личности П. Е. Бугрова, Мельников-Печерский в лице Чапурина стремится раскрыть свой идеал гражданина и человека. Безусловно, важную роль тут сыграли симпатии и антипатии автора, его отношение к тем или иным явлениям действительности. Особенно это заметно в отношении главного героя романа «В лесах» к церковному расколу и скитской морали. Читая рукопись «отчета» Мельникова и очерк Даля «Дедушка Бугров», нельзя уловить двойственности Бугрова в отношении к старообрядчеству. Его отношение к своим единоверцам и скитам лишено той иронии и насмешливости, которые часто проявляются у Патана Максимыча Чапурина.

С одной стороны, Чапурин является самым влиятельным благодетелем керженских скитов, их опорой, с другой — всячески высмеивает их. А ведь заволжские скиты являлись оплотом старообрядчества и хранителями дорогой сердцу Чапурина старины. Эта двойственность была присуща и самому писателю. Хороший знаток и ценитель старого русского искусства, страстный его поклонник, он в то же время явился разорителем скитов и гонителем старообрядцев, свято его хранивших. В отношении к расколу и старообрядческим скитам у Чапурина много мельниковского. Не случайно Н. С. Лесков, хорошо знавший Мельникова-чиновника, в статье «Народники и расколоведы на службе» писал: «...но у меня было и свое разномыслие с Павлом Ивановичем: мне не нравилось и не казалось справедливым его обыкновение относиться к чувствам старообрядцев слишком по-чапурински,— как говорится, с «кондачка». Приведите себе на память П. М. Чапурина, который как начнет про скитское житье рассказывать, то так разговорится, что женский пол вон да вон. В мельниковском превосходном знании раскола была неприятная чиновничья насмешливость»[1]. Вот эту «насмешливость» по отношению к скитам Мельников-Печерский передает и своему положительному герою. «Обойди ты все здешние ски-

---

[1] *Лесков Н. С.* Собр. соч. В 11-ти т. М., Госуд. изд-во худож. лит-ры, 1958, т. 11, с. 37.

ты,— говорит Чапурин Василию Борисычу,— да прихвати и Стародубские слободы, Рогожское на придачу возьми, найди ты мне старицу меньше девяти пудов весу, меньше десяти вершков в отрубе... Десятка не наберешь! Вот каковы у них пост да воздержание» (т. 3, с. 149—150).

Характер Чапурина в эпопее также во многом определяется личностью самого Мельникова-Печерского, его позицией в вопросах поведения в быту и общественными идеалами.

Одним из главных образов в романах «В лесах» и «На горах» является уставщик с Рогожского кладбища Василий Борисыч. У него тоже был реальный прототип — Василий Васильевич Борисов. Андрей Павлович писал в воспоминаниях об отце: «В числе людей, находившихся с отцом в дружественных отношениях, был А. И. Хлудов, владелец редкой библиотеки старопечатных книг и рукописей. Хранителем этой библиотеки состоял довольно известный деятель по учреждению Белокриницинской иепархии, старообрядец Василий Васильевич Борисов, выведенный отцом в его «В лесах» под именем Василия Борисыча»[1].

В романе «В лесах» Мельников-Печерский рассказывает о том, как Василий Борисыч с Жигаревым ездили в Австрию по делам устройства Белокриницинской митрополии. В одном из сборников следственных дел из архива Мельникова-Печерского хранится донесение № 58 от 24 июля 1847 года, содержание которого следующее: «При отъезде моем из С.-Петербурга Вы изволили, между прочим, поручить мне узнать как о фамилии Василия Васильева, так ровно и о том, когда они с Федором Жигаревым возвратились из Австрии»[2]. В сборнике № 2388 из собрания Титова сообщается, что Борисов и Жигарев ездили в керженские скиты. «В. В. Борисов ездил (нрзб) в Керженец с милостыней 400 руб., жил... в Оленеве у Кузьмовны, учил петь (нрзб). В Комарове жил у Игнатьевых и был у Манефиных. Милостыню привез в Оленев, Комаров, Улангер, Шарпан».

В романе «В лесах» Василий Борисыч тоже обучает пению девиц Манефиной обители. Уже в плане 1872 года есть пункт: «Марьюшка с Улангерскими и Оленевскими белицами поют с Василием Борисычем». Это говорит о том, что образ московского певуна был заранее предусмотрен писателем.

Прием построения художественного образа с ориентацией

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 58.

[2] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), отдел рукописей, собрание А. Титова, сборник 2353, л. 187.

на прототип сохраняется у Мельникова-Печерского и в период его работы над романом «На горах», главным героем которого является Смолокуров Марко Данилыч. По свидетельству А. П. Мельникова, прототипом Смолокурова был горбатовский рыбопромышленник Смолин. Все данные говорят за то, что Андрей Павлович был прав.

Мельников-Печерский, рассказывая о прошлом смолокуровского рода, замечает, что отец Марка Данилыча занимался гонкой смолы, отсюда получил и свою фамилию. В «Нижегородском сборнике» в статье «Гонка смолы и дегтя в Горбатовском уезде» (где жил Смолин), рассказывается: «Время появления этого промысла остается неизвестным. Но нет сомнения, что он возник до настоящего столетия. Старики не только сами не помнят его начала, но ручаются и за своих дедов в том, что им оно не было известно»[1].

Марко Данилыч, как известно из романа «На горах», занимается не только торговлей рыбой, в его руках вся прядильно-пеньково-канатная промышленность края. На его канатных промыслах работают все окрестные крестьяне. «Главные производители снастных, пеньковых изделий Горбатовского уезда,— писалось в «Нижегородском сборнике»,— купцы: А. В. Орехов, А. Е. Зайцев, братья Смолины, Булдины, Мохотины, ...на главных хозяев-торговцев работают преимущественно жители Избыльца, Горбатова, деревень: Попадьина, Верхнего и Нижнего Кожухова и т. д.»[2]. Рыбопромышленник Смолин упоминается и в статье Овсяникова, напечатанной в «Нижегородском сборнике» за 1867 год. «Астраханская торговля рыбой,— пишет он,— совершается главным образом у нас на ярмарке, на Гребеневской пристани. Почти ежегодно на Гребеневскую пристань привозят рыбного товара на 4 или 5 млн. руб... Все, прикосновенные к делу торговли в Астрахани, кроме рабочих, разделяются на рыбопромышленников... и на купцов, торгующих скупленной рыбой. Из первых особенно известны: г.г. Сапожниковы, Макаров и К°, Машенников и Хлебников; из вторых: гг. Орехов, Солин, Смолин, Шапошников, Марков и Крицкий»[3]. В статье отмечается, что в 1864 году Смолин, Орехов и другие купцы получили полумиллионные барыши.

«Целый ряд баржей стоял на Гребеневской с рыбой Марка Данилыча» (т. 4, с. 80),— читаем мы в романе «На горах». Так же, как и Смолин, Марко Данилыч Смолокуров занимает-

---

[1] Нижегородский сборник, 1890, т. 9, с. 153—154.
[2] Там же, 1871, т. 4, с. 301.
[3] Там же, 1867, т. 1, с. 92—93.

ся скупкой и продажей рыбы, наживая на этом миллионные барыши.

Все эти совпадения говорят о том, что именно купец Смолин послужил Мельникову-Печерскому прототипом для Смолокурова.

От фактов, от реального прототипа отталкивается Мельников-Печерский и при работе над образом Герасима Чубалова и эпизодами, связанными с его судьбой. Как известно, торговец старопечатными книгами и иконами Герасим Чубалов провел долгие годы в странствиях и поисках истинной веры, прошел все секты и наконец убедился, что самой правильной и истинной является вера, проповедуемая официальной церковью.

По всей вероятности, прототипом Герасима Чубалова послужил не кто иной, как Е. Г. Перевощиков, с которым Мельников-Печерский был знаком. В «Отчете о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии» Мельников пишет: «Из числа гласных торговцев старинными книгами, рукописями и иконами только одного можно признать безвредным. Это единоверец, вольноотпущенник графа Панина — Ефим Григорьев Перевощиков, живущий в с. Работках (Макарьевского уезда) и торгующий книгами на нижегородской ярмарке. Он был раскольником, прошел все скиты, был даже бегуном и, обратившись к святой церкви по собственному убеждению, доказал искренность своего присоединения тем, что обратил из раскола к единоверию очень много раскольников в Нижегородской, Костромской, Владимирской и Московской губернии. Перевощиков отличается редким умом и начитанностью»[1].

Опираясь при работе над сюжетами на имевшие место в жизни события и обращаясь при лепке характеров к реальным прототипам, Мельников-Печерский в то же время давал полную волю авторскому вымыслу. Факт, являясь основой его творчества, служил толчком для его художественной фантазии.

Приемы раскрытия характеров персонажей на протяжении эпопеи претерпевают значительную эволюцию. Если при работе над первым романом Мельников-Печерский чаще всего прибегал к авторской характеристике персонажа, то во втором характеры главных героев раскрываются в основном в действии.

---

[1] Сборник, т. 9, ч. 2, с. 316.

«Один из самых крупных тысячников жил за Волгой в деревне Осиповке,— начинает Мельников рассказ о главном герое романа «В лесах».— Звали его Патапом Максимычем, прозывали Чапуриным. И отец так звался, и дедушка» (т. 2, с. 10).

А дальше идет рассказ о домашней обстановке героя, которая красноречиво говорит о его вкусах и наклонностях, о его деле.

Таким образом, еще до встречи с героем читатель узнает о нем очень многое: это крестьянин по своему социальному положению, связанный с торговлей и кустарным промыслом.

Прибегая к авторской характеристике, Мельников-Печерский сообщает и о некоторых чертах характера главного героя: до начала действия романа писатель замечает, что «почет Патапу Максимычу ото всех был великий. По Заволжью никто его без поклона не миновал; окольные мужики, у которых Чапурин посуду скупал, в глаза и за глаза звали его «наш хозяин». Доверие имел не в одном крестьянстве, но и в купеческом обществе...» (т. 2, с. 12—13).

Тут же Мельников-Печерский пишет, что Патап Максимыч «старинки придерживался, раскольничал, но закостенелым изувером не бывал никогда» (т. 2, с. 13), и раскольничал он по привычке, придерживаясь старинной пословицы: как отцы жили, так и нас благословили. Кроме того, «кредита от раскола больше было» (т. 2, с. 13). Все это говорит о том, что Патап Максимыч тверд в своих убеждениях, когда дело касается традиций.

Рассказывая о семье Чапурина, писатель показывает душевную доброту и отзывчивость главного героя. «Семья была у него небольшая, сам с женой, да две дочери. Богоданная дочка была еще Груня — сиротка, сызмальства Чапуриным призренная,— та уже замуж выдана была в деревню Вихорово за тысячника» (т. 2, с. 15). Весь экскурс в прошлое Груни служит раскрытию характера Патапа Максимыча, подчеркивая его беспредельную доброту.

Познакомив читателя с героем, Мельников-Печерский вводит его в действие. Впервые читатель встречается с Патапом Максимычем в горнице Насти и Параши, когда он читает на столике рукописную тетрадь, оставленную старшей дочерью.

Прием авторской характеристики героя сменяется самораскрытием персонажа. Разговор Чапурина с женой, вызванный чтением Пастиной тетради, его размышления о дочерях не только подтверждают авторскую характеристику, но и до-

полняют ее. Патап Максимыч скептически относится к скитскому житью, не верит в его святость. На слова жены, что дочери «ничегохонько» еще не разумеют и что о мужьях им и в голову не приходило, Чапурин отвечает: «Держи карман! Не разумеют! В Комарове-то, поди, всякие виды видели. В скитах завсегда грех со спасеньем по-соседски живут» (т. 2, с. 15).

Еще более определенно отношение Чапурина к скитам и церковному расколу раскрывается через его диалог с Василием Борисычем и Колышкиным. Тем не менее он самый сильный и влиятельный покровитель старообрядческих обителей. В конце эпопеи Мельников-Печерский заставляет своего героя наиболее откровенно и конкретно высказать свое отношение к церковному расколу. На просьбу Колышкина рассказать «по совести», какую веру он предпочитает, если отвлечься от материальной выгоды — древлее благочестие или веру официальной церкви, Чапурин отвечает: «Обе чисты, обе непорочны и обе спасительны. И нам грех наносить хулу на великороссийскую, и вам не спасенье нашу хулить. А признаться: сдается мне, что ваша-то маленько поправедней будет» (т. 5, с. 228).

Патапу Максимычу присущи какая-то необузданная веселость нрава, почти мальчишеское озорство, иногда близкое к самодурству. Но образ Чапурина далек от типов Островского. Чапурин добродушен, неспособен на низкие поступки.

Раскрытию характера Патапа Максимыча во многом способствуют бытовые зарисовки, сделанные писателем, описание простонародных обычаев, праздничных и семейных торжеств, подготовки к ним. В бытовых сценах проявляется вся патриархальная закваска героя. На протяжении всей дилогии мы видим Патапа Максимыча в основном в семейном и дружеском кругу. Характер героя, как правило, раскрывается через монолог и диалог. Монологи Чапурина обычно передают народный взгляд на те или иные явления действительности, и этим подчеркивается единство героя с народной массой. Вот Патап Максимыч, расходившись, на крещении внука, заявляет, что не мешало бы какую-нибудь из скитских «чернохвостниц» в тюрьму упрятать, потому что «все они дармоедницы, ханжи, да к тому же сплетницы и смотницы».

Так Мельников-Печерский раскрывает не только отрицательное отношение героя к скитской жизни и морали, но показывает и традиционность его взглядов. Именно этой верностью заветам отцов объясняется его всяческое содействие и поддержка керженских скитов.

Через его диалог с Марком Данилычем Смолокуровым (именины Самоквасова) раскрываются взгляды Чапурина на новейшие способы обогащения. Он с глубоким сочувствием относится к нагорному мужику, с которого хозяева дерут три шкуры. На предложение Марка Данилыча последовать его примеру, пуститься в новые промыслы Чапурин отвечает: «Нет, Марко Данилыч, не пущусь я в ваши промыслы. Бог с ними» (т. 3, с. 447). Хоть и не наживает он с горянщины «на рубль полтора», зато душа спокойна, совесть чиста, а токари да красильщики богу на него не жалуются. Патап Максимыч понимает, что волчья хватка смолокуровых приносит народу много горя и страданий.

Чаще всего писатель рисует Чапурина в семейном кругу, и это дает ему возможность показать своего положительного героя как ревнителя патриархальных нравов и старорусского уклада жизни. В отношениях с членами своей семьи Чапурин — неограниченный властитель, и тут он следует традиции. Наказывая Аксинье Захаровне проверить, что необходимо купить к намеченным «столам», приуроченным к ее именинам, он говорит будущей имениннице: «Только смотри у меня, чтобы не было в чем недостачи. Не осрами. Не то знаешь — гости со двора, а я за расправу» (т. 2, с. 50). Тем не менее в своей семье Чапурин дорогой и желанный человек. Вся семья с радостью встречает возвратившегося из города накануне крещенья Чапурина: «Жена торопливо стала распоясывать кушак, повязанный по его лисьей шубе. Прибежала Настя, стала отряхивать заиндевелую отцовскую шапку, меж тем Параша снимала вязанный из шерсти шарф с шеи Патапа Максимыча. Ровно кошечки ластились к отцу дочери» (т. 2, с. 20).

Очень часто, раскрывая характер Патапа Максимыча, писатель перемежает авторскую характеристику героя с приемом самораскрытия персонажа. Говоря о честолюбии Чапурина, его стремлении к общественной деятельности, Мельников-Печерский пишет: «И думает он и передумывает, как примется земляное масло копать, как выйдет в миллионщики. Полно тогда за Волгой жить... Хоть и жаль расставаться с родиной, да нечего делать, придется...

И вот уж строит он в Питере каменный дом, да такой, что пеший ли, конный ли только что с ним поверстаются, так ахают с дива: «Эк, мол, какие палаты сгромоздил себе Патап Максимыч, Чапурин сын!»

Патап Максимыч мечтает не только о славе и почете. Он думает, достигнув миллионного состояния, настроить везде

больниц, богоделен для бедных и беспризорных, хочет заслужить славу заботой о народном благе. «Волгу надо расчистить,— размышляет он,— мели да перекаты больно народ одолевают, пускай люди добром поминают. Дорог железных везде настрою, везде» (т. 2, с. 172).

Чапурин рисуется как народный благодетель. В своей торгово-промышленной деятельности он преследует не только личные, корыстные цели. Через его диалог с Василием Борисычем писатель показывает, что Патап Максимыч, так же как и некий Коновалов, о котором в народе ходили добрые слухи, хочет «сеять добро, посыпать добром, жать добро, оделять добром» (т. 3, с. 167). Жизненным правилом Чапурина является следующее: «Голодного накорми, слабому пособи, неразумного научи, как добро наживать трудом праведным» (т. 3, с. 107).

Но каким образом идеальный Чапурин «наживает добро», Мельников-Печерский не говорит. Читатель знает лишь одно, что Чапурин скупает горянщину, торгует мукой, берет подряды. Но на протяжении всей эпопеи читатель не видит дела Патапа Максимыча, о нем лишь упоминается. Когда же писатель хотя бы вскользь рассказывает о деловых интересах главного героя первого романа, тот перестает быть идеальным и безупречно справедливым. По расчету Патап Максимыч решается выдать Настю за Снежкова против ее желания. Настя хорошо понимает отца. Дарье Никитишне она говорит о Снежкове: «Он тяте по торговле хорош. Дела, вишь, у него со стариком какие-то есть; ради этих делов и надо ему породниться» (т. 2, с. 112).

На брак дочери со Снежковым Чапурин смотрит как на выгодную сделку. Услышав, что где-то рядом есть золото, и оно может оказаться в его руках, Патап Максимыч утрачивает интерес к задуманной свадьбе. Его не радует и приезд будущего зятя, он стремительно выбегает из комнаты, оставив удивленных гостей, чтобы удержать оскорбленного Стуколова: «Не старый друг, не чудный паломник — золото, золото уходило» (т. 2, с. 165).

Уже в первых главах романа «В лесах» Мельников-Печерский прибегает к приему взаимохарактеристик персонажей. Отправляя сына наниматься в работники к Патапу Максимычу, Трифон Лохматый говорит: «Чапурин — человек добрый, обиды никому не сделает» (т. 2, с. 36). Но доброта Чапурнна часто уживается с суровостью и надменностью. Даже его сестрица, мать Манефа иной раз не знает, с какой стороны подойти к брату. «Крутенек. Не знаешь, как и подойти. Прямой

медведь» (т. 2, с. 42),— говорит она о нем Евпраксии. Но мать Манефа хорошо знает, что эта напускная суровость братца не от сердца, а больше для важности. В разговоре с Марьей Гавриловной она дает ему такую характеристику: «Злобы точно что нет. Зато своенравен и крут, а разум кичливый имеет и самомнительный. Гордыня, сударыня... Поглядеть бы вам, как сценится он когда с человеком сильней да именитей его. Чем бы голову держать уклонно, а речь вести покорно, ровно коза, кверху глядит... Станет фертом, ноги-то азом распялит!.. Он ведь, сударыня, только страх на всех напускает, а сам-от вовсе не страшен, не грозен... Ну а любит, чтоб боялись его» (т. 2, с. 580).

От героев «темного царства», изображенного Островским, которые, как замечает Добролюбов, вымещают свое самодурство на беззащитных и слабых, пасуя перед всяким, кто сколько-нибудь сильней его, Чапурин отличается незаурядным умом и ярко выраженным чувством собственного достоинства. Его «суровость» — необходимая черта характера представителя патриархального уклада жизни, воспетого Мельниковым-Печерским.

Образ Патапа Максимыча раскрывается всесторонне. В его лице читатель видит не только сурового хозяина, практичного дельца и неограниченного властителя в семейном кругу. Вместе со всем этим, Чапурин — любящий отец и великодушный человек. У постели умирающей Насти читатель видит в лице Патаиа Максимыча лишь несчастного, убитого горем отца. Напрасно мучается умирающая при мысли, что отец никогда не сможет простить ей ее греха. Все его мольбы, обращенные к небу,— о ней. В ответ на просьбу дочери простить ее за то, что она перед ним «согрубила», Патап Максимыч со слезами говорит: «Не поминай, Настенька, не поминай, господь простит... Полно, забудь, выздоравливай только... К чему поминать?» (т. 2, с. 549).

Добродушие и щедрость души Патапа Максимыча раскрываются в его отношении к Трифону Лохматому и Алексею. Он от души сочувствует семье Лохматого и готов помочь, чем может. Алексею, пришедшему наниматься в работники, он говорит: «Молви отцу-то, Алексеюшка,— нужны деньги, приходил бы. Рад помочь в нужде» (т. 2, с. 39). Не забывает он своими милостями Алексея даже после той смертной обиды, которую тот ему нанес. Долгое время после отъезда Алексея с тревогой думает Патап Максимыч об этом человеке, лишившем его самой большой радости. «Все гребтится Патапу Максимычу, куда-то он денется, каково-то ему будет в чужих лю-

дях жить» (т. 3, с. 46). Даже самого Алексея Лохматого приводит в удивление невиданная щедрость и доброта Чапурина. «Что за человек, что за милостивец!— думает он.— И впрямь не всякий человек о сыне так печется, как он обо мне... И это после того, после такой обиды» (т. 3, с. 46).

Наделяя своего положительного героя редкой душевной добротой, Мельников-Печерский проводит мысль о том, что зло можно победить добрым делом.

Всем ходом повествования в романе «В лесах» Мельников-Печерский стремится убедить читателя, что опорой страны являются люди, подобные Патану Максимычу Чапурину. Именно они обеспечат стране благополучие и покой и сумеют противостоять натиску надвигающегося капитализма. Патап Максимыч не только народный благодетель, но и опора трона. Представляя себя миллионером, Чапурин размышляет: «Министры скачут, генералы, полковники, все: «Патап Максимыч, во дворец пожалуйте. И выходит наше красно солнышко» (т. 2, с. 172).

Характерно, что Мельников-Печерский очень редко обращается к портретным зарисовкам героев. К портрету героя писатель, как правило, прибегает лишь тогда, когда внешность героя мотивирует возникновение и разрешение тех или иных конфликтов. В Алексее Лохматом Чаиурина привлекает не только ум, но и красивая наружность. Красота Алексея покорила Настасью Патаповну. Отсюда возникновение любовного сюжета Настя — Алексей. Внешность Лохматого обратила на себя внимание и молодой вдовы Марьи Гавриловны, жившей в обители матери Манефы.

Полученное богатство совершенно меняет Алексея. Из робкого деревенского парня он превращается в чванливого, самовлюбленного хозяина. Между Алешей Лохматым и Алексеем Лохматовым лежит целая пропасть. Насколько привлекателен первый, настолько отвратителен второй. Писатель подчеркивает внутреннее опустошение героя, передавая это через описание его наружности, костюма и манеры держаться. Вот он, завитый и напомаженный, вертя в руках шляпу и «изо всей силы тараща кверху брови», объясняет Колышкину причину своего преображения: «Но тому самому, Сергей Андренч, что как я теперь, будучи при таких, значит, обстоятельствах, что совсем на другую линию вышел, по тому самому должен быть по всему в окурате» (т. 3, с. 238).

Речь Лохматова, невнятная, косноязычная, также способствует раскрытию его внутреннего ничтожества. На вопрос удивленного Колышкина, не очумел ли он за Волгой-то,

Алексей отвечает: «Зачем чуметь, Сергей Андреич, помилуйте! Это даже совсем неблагородно чуметь!» (т. 3, с. 238).

В романе «На горах» Алексей — второстепенное лицо. Теперь о нем читатель узнает только из рассказов других героев.

Во втором романе писатель все свое внимание сосредоточивает на образе Марка Данилыча Смолокурова.

Так же как и в «В лесах», главный герой вводится в роман авторской характеристикой. В дальнейшем же образ Смолокурова раскрывается через поступки.

На протяжении всего романа Мельников-Печерский остается верен реалистической правде. Руководствуясь принципами типизации и индивидуализации, он создает жизненно правдивый образ, отличающийся ярко выраженной социальной определенностью. При всем своем отрицательном отношении к Смолокурову писатель дает ему всестороннюю характеристику, подчеркивая и присущие герою подлинно человеческие качества. В отношениях с Дуней он нежный и любящий отец, готовый на что угодно, лишь бы доставить дочери удовольствие. Кроме этой страстной привязанности к дочери, для Смолокурова нет ничего святого. Страсть к наживе, ничем не прикрытые жадность и алчность руководят всеми его поступками и действиями. Такая характеристика придает образу убедительность и жизненную конкретность.

В лице Смолокурова читатель видит прежде всего бесцеремонного и наглого эксплуататора, набивающего свой карман за счет трудового народа. А ведь Марко Данилыч — представитель того же старообрядческого мира, что и Чапурин. Но если в образе Чапурина писатель подчеркивает его единство с народной массой («Сами-то мы каких великих боярских родов? — Все одной глины горшки» (т. 2, с. 464),— говорит он Алексею), то, рисуя образ Смолокурова, Мельников-Печерский показывает его враждебность простому народу. Смолокуров живет в постоянной войне с наемными рабочими. Мы видим Марка Данилыча то среди взбунтовавшихся бурлаков, выведенных из терпения его грабежом и притеснениями, то расправляющимся с рабочими своих мастерских. Мораль Смолокурова — эгоистическая, буржуазная, основанная на строгом расчете. Он живет интересами самого беззастенчивого приобретательства. Ради наживы он готов пойти на любой обман. Он обманывает рабочих, знакомых и близких и ничуть не чувствует при этом угрызений совести. Избежав участи быть обманутым на тюлене Орошиным, он сам высматривает себе жертву: кого бы ему теперь «объегорить» на том

же товаре? Хоть и друзья-приятели они с Зиновием Алексеевичем, да ведь своя рубашка ближе к телу. Почему бы не воспользоваться оплошностью приятеля? Писатель шаг за шагом прослеживает действия Смолокурова, раскрывает его мысли и планы. «Почище обработаю, чем Орошину хотелось меня,— думает Марко Данилыч, расхаживая по комнате.— Объегорю! Купец, что стрелец,— оплошного ждет» (т. 4, с. 145).

Поступки Марка Данилыча, раскрывающие источники смолокуровских прибылей, всего убедительнее характеризуют его натуру.

Если в романе «В лесах» читатель не видит активных действий Патапа Максимыча, то в романе «На горах» деятельность Смолокурова представляет собой основу произведения. Быт семьи Марка Данилыча не интересует писателя. В основном читатель видит Смолокурова на Макарьевской ярмарке в кругу Орошина, Седова и других представителей старого купечества.

В период работы над романом писатель, очевидно, уже хорошо понимал, что Чапурин лишь желанная и несбыточная мечта. В старом патриархальном мире он увидел хищничество и алчность. «По ихнему старому завету,— говорит о старом купечестве Веденеев,— па торгу ни отца с матерью нет, ни брата с сестрой, родной сын подвернется — и того объегорь» (т. 4, с. 340).

Не случайно Мельников-Печерский во втором романе показывает полный распад семьи Чапурина, а его любимого героя читатель видит одиноким, потерпевшим жизненные неудачи, с разбитыми мечтами и неосуществленными планами.

Именно этим изменением отношения писателя к старине объясняется некоторая эволюция характеров персонажей второго романа.

Если образ Чапурина непосредственно раскрывается через его речь, прямо выражающую его намерения, то смысл поведения Смолокурова зачастую обнаруживается лишь в результате анализа скрытого значения его слов и поступков. Труднообъяснимо для читателя поведение Марка Данилыча во время его разговора с Марьей Ивановной Алымовой. Гордый и спесивый Смолокуров вдруг начинает унижаться перед «фармазонкой» до того, что признает себя ее крепостным рабом. Однако вскоре выясняется, что он хочет «задобрить» свою бывшую барыню, надеясь за бесценок приобрести некоторые ее владения.

Иногда в диалоге непосредственно обнаруживается гру-

бость, цинизм и предпринимательская проницательность Марка Данилыча. Интересен в этом отношении его диалог с Субханкуловым, к которому он приходит по делу освобождения Мокея Данилыча из неволи. Во время визита к Субханкулову Смолокуров, впервые перешагнувший порог его дома, еще не нащупав почвы и не зная, как себя вести с хозяином, протягивая ему руку, говорит: «Сала маликам, Махмет Бактемирач!» (т. 5, с. 171). Через несколько минут разговора хозяин для него уже «Махметушка», еще позднее — «Махметка». А перед уходом, поняв, что Субханкулов у него в руках, обещает: «Вот еще что: любимая моя сука щенна,— самого хорошего кутенка Махметкой прозову, и будет он всегда при мне, чтоб мне не забывать, что кажду ярманку надо приятелю вишневку возить» (т. 5, с. 179).

Большую работу проводил Мельников-Печерский не только над образами и сюжетами эпопеи, но и над ее слогом. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас некоторые корректуры романа «На горах», сравнение текста журнала с отдельным изданием.

О серьезной работе, проводимой писателем над текстом эпопеи, его исключительной работоспособности свидетельствуют воспоминания его детей. Мария Павловна, дочь писателя, вспоминает: «Трудно ему бывало сесть за работу, но раз уж он начал, то способен был проработать несколько дней, почти не отрываясь, спал мало, про еду совершенно забывал, и если бы не мать, то, пожалуй, оставался бы голодным. Беда, если что-либо нарушало тишину, водворявшуюся в эти дни во всем доме. Прислуге отдавалось обыкновенно приказание никого не принимать»[1].

По свидетельству современников, вся обработка текста велась писателем в корректуре, а не в рукописях. «Окончив работу,— вспоминает Мария Павловна,— отец залпом выпивал холодный чай, собирал все, что записал, часто даже не перечитав написанное, свертывал все в трубку, вместе с корректурами, просмотренными им раньше, и клал на столик перед зеркалом в прихожей для отправления в типографию»[2].

Современники писателя свидетельствуют, что он приводил в отчаянье издателя «Русского вестника» Каткова. П. И. Усов, например, писал[3], что Мельников-Печерский испещрял листы для журнала поправками до такой степени, что каждая

---

[1] ЦГАЛИ. Архив П. И. Мельникова, ф. 321, оп. 1, № 7, л. 25.
[2] Там же.
[3] Исторический вестник, 1884, № 2, с. 346—350.

правка стоила нового набора. Недаром Мельников навсегда уступил 25 рублей в пользу наборщиков. «Сдав рукопись,— пишет С. Ф. Либрович,— Мельников поставил условием, чтобы каждая глава доставлялась ему для просмотра в гранках. И тут он почти все изменял: выкидывал сотни строк, прибавлял, вновь обрабатывал и требовал затем новую корректуру «для проверки»[1].

Мария Павловна вспоминает: «В 70-х годах многие журналы, более популярные, чем «Русский вестник», «переманивали» его к себе, но он не оставлял «Русского вестника» главным образом из-за корректур. Он держал обычно до шести корректур, что обходилось редакции довольно дорого, причем делал такие поправки, что иногда зачеркивал целые полосы и на нолях писал заново»[2].

Сам Мельников-Печерский в письме к жене от 26 октября 1872 года писал по поводу предполагаемого переезда на жительство в Петербург: «Что касается корректуры, то никто нигде таких удобств получить не может, как в «Русском вестнике», да и в «Русском вестнике» я один пользуюсь подобною привилегиею. А моя корректура служит издателям по крайней мере в четыре или пять раз дороже обыкновенных на то типографских расходов. Говорят же, что один мой печатный лист стоит в типографии столько же, сколько восемь листов других авторов... От этого мои произведения выходят свежее и обработаннее и обращают на себя внимание публики... Талант заключается только в том, что человек умеет взяться за работу и имеет такт. Главное же — труд, труд и труд. Не только обыкновенные смертные, к числу коих принадлежу и я, все берут главнейшим образом трудом, но даже и гений есть не что иное, как труд»[3].

Дошедшие до нас гранки[4] с правками Мельникова-Печерского убедительнее всего подтверждают высказывания писателя и его современников.

В каком же направлении шла работа Мельникова-Печерского над текстом? Гранки с исправлениями писателя красноречиво свидетельствуют о том, что усилия его были направлены на то, чтобы придать языку произведения выразительность и большую эмоциональность, чтобы приблизить речь каждого персонажа к речи той среды, к которой он принадлежит.

---

[1] *Либрович С. Ф.* На книжном посту. СПб., Изд-во М. О. Вольфа, 1890, с. 145—148.
[2] ЦГАЛИ. Архив П. И. Мельникова, ф. 321, оп. 1, № 7, л. 12.
[3] Исторический вестник, 1884, № 12, с. 565.
[4] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1.

Гранки и черновые рукописи эпопеи пестрят многочисленными исправлениями писателя. Иногда одна и та же фраза имеет несколько вариантов. Вот луповицкий священник, отец Прохор, рассказывает, как ему удалось спасти Дуню Смолокурову:

I вариант: Я случился тогда в соседнем селе, дельце у меня одно там было, и взял на свое попеченье бесприютную девицу.
II вариант: Я тогда в соседнем селе случился, дельце там одно у меня было, и взял на свое попеченье бесприютную девицу.
III вариант: А я тогда случился в соседнем селе,— прибавил отец Прохор,— дельце там было одно у меня. Вот и взял я на свое попеченье бесприютную девицу[1].

На всем протяжении дилогии очевидно стремление писателя к естественности, к постижению народного строя речи.

Совершенно в другом направлении шла работа писателя над речью нового, образованного купечества. Речь Меркулова и Веденеева писатель старается приблизить к литературной. Стремление к выразительности и жизненной достоверности обнаруживается при сравнении разных вариантов фраз героев. Меркулов:

I вариант: «Не одни рыбаки, Марко Данилыч, ближние наши».
II вариант: «Не одни рыбаки, Марко Данилыч, наши ближние»[2].

Чтобы придать речи персонажа большую выразительность и соответствие языку того сословия, к какому принадлежит герой, писатель иногда делает всего лишь перестановку слов в фразах, изменяет логическое ударение. Совершенно по-новому начинает звучать фраза «А вот бы как по-моему»[3] после перестановки слов: «А по-моему вот бы как»[4].

Иногда Мельников-Печерский просто сокращает фразы, чем добивается большей четкости и характерности.

I вариант: Ну-ка кто знает — смекните, много ли денег потребуется на закуп и сколько у кого есть наличных. Наберется ль их столько, чтобы все скупить? Что стоит весь товар по заявленным Меркуловым ценам? Кто знает?
II вариант: Ну-ка смекните, много ль денег потребуется на закуп и сколько у кого денег. Кто знает, что стоит весь товар по заявленным ценам?[5]

---

[1] ИРЛИ. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 5, л. 60.
[2] Там же, л. 165.
[3] Там же, л. 157.
[4] Там же.
[5] Там же.

Большая работа проводилась Мельниковым-Печерским и над формой авторского повествования. Стилизуя авторскую речь под простонародную, писатель стремится как можно больше использовать народную лексику. В черновых рукописях и гранках постоянно встречаются случаи замены одних слов другими, наиболее часто употребляемыми в простонародной речи. Вот пример подобной замены:

I вариант: Немного подумавши, Сусалин сказал.
II вариант: Немного подумавши, Сусалин молвил[1].

Часто писатель изменял целые предложения и фразы, характеризующие тот или иной персонаж. Вот два варианта текста с подобными исправлениями.

I вариант: Убирайся ты ко всем чертям со своей разверсткой,— зарычал Орошин, бросая на стол подписной лист с такой силой, что он отлетел на пол.— Ни с кем дела не хочу иметь. Завтра же поеду к зятьям Доронинским и один все скуплю у них. Меня хватит на это. Дурак я, что в Астрахани все не скупил, да ведь они, подлецы, цен тогда не объявили.— И, плюнув, бегом почти выбежал из комнаты.

II вариант: Убирайся ты к чертям с разверсткой,— зарычал Орошин, бросая на стол подписной лист.— Ни с кем не хочу иметь дела. Завтра же один все скуплю. Меня на это хватит. Дурак я, что в Астрахани все не скупил, да тогда ведь они, подлецы, цен не объявили.— И плюнув, скорыми шагами вышел из комнаты[2].

Всего вероятнее, что изменения, внесенные в текст, объясняются тем, что первый вариант не совсем верно характеризует пожилого, опытного в делах и знающего себе цену торговца.

Громадную работу над слогом провел Мельников-Печерский и при подготовке первого романа к отдельному изданию. Эта работа очевидна при сравнении журнального текста с отдельным изданием романа.

Повесть «За Волгой» («Русский вестник», 1868, кн. 6, с. 459)	Роман «В лесах» (т. 2, с. 7)
1. Народ там живет досужий, смышленый, бойкий и ловкий.	1. Там народ досужий, бойкий, смышленый и ловкий.

---

[1] ИРЛИ. Архив И. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 5, л. 157.

[2] Там же.

2. Ниже не то пойдет: там либо глушь лесная, никем не заселенная, либо черемиса луговая, чуваши да татары.	2. Ниже не то: пойдет лесная глушь, луговая черемиса, чуваши, татары.
3. Укажут там даже тропу Батыеву—по лесам Семеновского, Варнавинского и Макарьевского уезда; укажут и место, где стоит невидимый славный град Китеж на озере Светлояре.	3. Укажут и тропу Батыеву, и место невидимого града Китежа на озере Светлояре.
4. Старая Русь, Русь исконная, Русь кондовая.	4. Старая Русь, исконная, кондовая.

Эпопея П. И. Мельникова-Печерского представляет собой два самостоятельных романа, в центре каждого из которых стоят разные герои. Роман «В лесах» сам писатель рассматривал как собрание многочисленных очерков. Не случайно он предпослал ему подзаголовок «Рассказы Андрея Печерского», а работая над первыми главами «На горах», отмечал, что его будущее произведение не что иное, как «продолжение тех очерков и рассказов, что под общим названием «В лесах» печатались в «Русском вестнике»[1]. Этой особенностью содержания эпопеи определяется и ее построение. Действительно, «В лесах» и «На горах» не представляют собой композиционного единства, а состоят из группы сюжетов, следующих один за другим. Но все эти очерки и рассказы объединены главными героями, мыслью автора, стилем.

Построение эпопеи «В лесах» и «На горах» во многом определялось и тем изменением замысла писателя, которое прослежено в предыдущей главе. «Начав в «Русском вестнике» первые главы «В лесах» под заглавием «За Волгой», он, как сам после сознавался, думал, что напишет книжки на две, на три журнала, а затем ...затем сам еще не знал, что стал бы делать, думал опять вернуться к научным статьям, и... вместо того, продолжал свои «В лесах» — «Па горах» до конца жизни»[2].

Примеры многосюжетных, многоплановых произведений в русской литературе для Мельникова-Печерского уже были. В шестидесятые годы появилась эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир», печаталась поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

---

[1] ИРЛИ, отдел рукописей. Архив П. И. Мельникова-Печерского, ф. 95, оп. 1, № 4, л. 1.

[2] Сборник, т. 9, ч. 1, с. 7.

Решив рассказать о жизни старообрядцев за Волгой в небольшом по объему произведении, Мельников-Печерский берет за его основу не раз наблюдаемый им в Заволжье обычай свадьбы уходом. (Как уже отмечалось, сюжетная линия Настя — Алексей не завершается «самокруткой» в силу изменения замысла писателя.) На первый сюжет происходит затем напластование второго — Алексей — Марья Гавриловна, а на него третьего — Василий Борисыч — Параша. Первый сюжет является стержневым в первых двух частях романа «В лесах», второй — в третьей его части, и третий — в четвертой. Завязка каждой последующей сюжетной линии происходит до развязки предыдущего конфликта, что дает писателю возможность сглаживать резкий переход от одного ведущего сюжета к другому.

Такое построение романа отвечало задаче всестороннего раскрытия идеализированного образа главного героя произведения — Чапурина. Поставив его в различные обстоятельства, столкнув с многочисленными персонажами, Мельников вполне добивается своей цели.

В центре второго романа стоит семья Смолокуровых — торговые сделки Марка Данилыча и нравственные искания Дуни. Здесь, кроме того, продолжают и завершают свое развитие сюжетные линии, завязавшиеся в романе «В лесах»: Самоквасов — Фленушка, Дуня — Самоквасов, Фленушка — мать Манефа и др. Второй роман является прямым продолжением первого. Но если в романе «В лесах» изображается жизнь левобережного Поволжья, то в «На горах» представлено нагорное правобережье.

Главных героев каждого из романов и определяет их этнографическая принадлежность.

Правобережье поддерживает тесную связь с Заволжьем, главные персонажи обоих романов связаны между собой дружескими и деловыми отношениями. Но с изменением места действия меняется и роль каждого из них в произведении. Патап Максимыч со своей семьей в романе «На горах» отходит на второй план, основные персонажи произведения теперь всем развитием действия связаны с Марком Данилычем Смолокуровым.

Керженские скиты являются как бы промежуточным, связующим звеном. Марко Данилыч, как и Патап Максимыч, поддерживает постоянные отношения с обителью матери Манефы, где долгие годы воспитывалась Дуня. Несмотря на свое второстепенное значение в романе «На горах», керженские скиты и здесь имеют прямое отношение к основной его интри-

ге. Косвенной виновницей начала душевной драмы Дуни Смолокуровой становится Фленушка. Любовь к ней заставляет Петра Степановича Самоквасова оставить правобережье и уехать в керженские скиты. Это ведет к душевной драме любившей его Дуни Смолокуровой, дает толчок началу ее нравственных исканий.

Стремясь наиболее полно и многосторонне показать простонародную русскую жизнь, Мельников-Печерский не особенно заботится о стройности своих романов. Стержневые сюжетные линии в них оказываются обремененными множеством экскурсов в прошлое героев, вставных эпизодов, не имеющих ничего общего с основной линией повествования, исторических данных, касающихся края. Многие из вводных эпизодов, расширяющих рамки повествования, могли бы иметь самостоятельное значение. Отдельными повестями и рассказами могли бы быть экскурсы в прошлое матери Манефы, приемной дочери Чапурина Груни, Марьи Гавриловны, история семейства Дорониных и др.

Но, несмотря на относительную самостоятельность того или иного вставного эпизода, все они объединены общей идеей и представляют собой части единого целого. Так, рассказ о прошлом матери Манефы не только дополняет общую картину патриархальной русской жизни, но глубже раскрывает характер героини, дает представление об истории чапуринского рода.

Сохранившиеся черновые рукописи отдельных глав дилогии, многочисленные варианты некоторых эпизодов свидетельствуют о большой творческой работе, проделанной Мельниковым-Печерским, и полностью опровергают его слова, сказанные 10 ноября 1874 года: «Говорили о художественности моих литературных произведений, об их обдуманности. Да ей же богу, когда беру лист бумаги и пишу на нем первую строку, никогда не знаю, о чем буду писать на последней строке той же страницы»[1].

При работе над дилогией Мельников-Печерский исключительно важную роль отводил зачинам. Ими начинаются оба его романа, зачинами он открывал действие отдельных частей и даже глав, в которых намеревался познакомить читателя с теми или иными особенностями быта его героев, историей края или народным миросозерцанием. Чаще всего это не что иное, как бытовые или исторические очерки, задающие тон всему последующему повествованию.

---

[1] *Усов П. С.*, с. 276.

Иногда — это лирический рассказ о близкой сердцу писателя русской старине.

Очерковый характер зачина, открывающего действие первого романа, чувствуется уже с первых строк: «Верховое Заволжье — край привольный. Там народ досужий, смышленый и ловкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца. Ниже не то пойдет: пойдет лесная глушь, луговая черемиса, чуваши, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народ там другой: хоть русский, но не такой, как в Верховье».

Как правило, художественный вымысел у Мельникова начинается с очерка. В зачине писатель как бы сообщает нам направление дальнейшего действия. Рассказав об обычае «столы строить», наблюдаемом в Заволжье, писатель затем развертывает художественную картину подготовки и проведения «столов» в доме Патана Максимыча Чапурина.

Многогранность изображения русской народной жизни в дилогии определяет и ту важную роль, которую выполняет в ней образ народа. На протяжении обоих романов в центре внимания писателя — население целого края. Народ становится собирательным героем, что подчеркивается зачинами, характеризующими особенности быта, прошлое и настоящее края.

Часто Мельников-Печерский прибегает к созданию массовых сцен. Народ как масса представляется в романах довольно часто, причем каждая группа обычно отличается определенными интересами, образом жизни, мировоззрением и верованиями. Единым воодушевлением охвачены собравшиеся поклониться невидимому граду Китежу, едины интересы ветлужских лесорубов или взбунтовавшихся бурлаков. Исключение составляет описание Макарьевской ярмарки.

Многоголосо шумит знаменитая ярмарка. Во всем своем блеске представляет писатель это всероссийское торжище. Перед читателем проходит масса лиц: тут теснятся разряженные щеголихи и «глубокомысленные земские деятели со своими супругами», там молодые чиновники и пехотные офицеры, тут деревенские молодицы и спесивые купчихи со своими дочками. Мелькают одно за другим лица: казанские татары в широких шелковых халатах и смуглые армяне в высоких бараньих шапках, евреи в длиннополых сюртуках, сдержанные англичане и щегольски одетые французы. Носится над ярмаркой многоголосый говор, «чуть не заглушая музыку».

Но это лишь внешняя, парадная сторона ярмарки. Заслуга Мельникова-Печерского состоит в том, что он вскрыл меха-

низм обмана и спекуляций русского купечества, замахнулся на мировую буржуазию, отметив ее хищническую сущность. Он ведет читателя в трактиры, где заседают крупные купеческие воротилы и ладят свои торговые сделки. Вскрывая махинации поволжских купцов, писатель подчеркивает их типичность, отмечая, что «к Макарью» из крупных торговцев приезжают более половины московских. «Оттого,— пишет он,— на ярманке и порядки все московские. Тех порядков держатся там и сибиряки, и уральцы, народ верховой и низовой — словом, все...» (т. 4, с. 127).

У Мельникова-Печерского не может быть и речи о безликом единстве народа. Даже в массовых сценах выделяет он яркие, неповторимые лица, отличающиеся резкой индивидуальностью. Из общей массы лесорубов, с которыми встречается Чапурин по пути на Ветлугу, обращают на себя внимание и рассудительный дядя Онисим, и бедняк Артем, весельчак и балагур, любитель разпнских песен, и Петрян, «клевашный» парень, и многие другие.

Писатель мастерски передает и общее настроение массы через отдельные реплики собравшихся или умело подобранные определения и сравнения («Расходилась толпа, что волна» — т. 4, с. 90; «И в ночной тиши раздались радостные клики по всему смолокуровскому каравану» — т. 4, с. 106 и др.).

В романах «В лесах» и «На горах» раскрывается психология целых народных коллективов. Их герои выражают особенности всего сложного, противоречивого народного мировоззрения.

Отличительной чертой романов Мельникова-Печерского является и то, что в них народная жизнь показана «под углом зрения и в окраске религиозного уклада»[1], что дало писателю возможность со всей силой осудить религиозный фанатизм «взыскующих па земле ангельского образа». На примере матери Маиефы он, как никто до него, раскрыл страшную «философию русской души не только боящейся бога, но и страшно напуганной богом»[2]. В то же время писатель постоянно показывает, что таит сердце, прикрытое черной рясой. Враг аскетизма и догматизма, Мельников-Печерский страстно призывает любить жизнь, пользоваться ее земными радостями. Неоднократно повторяемой в дилогии формулой «человек человечьим живет, пока душа из тела не вынута»,

---

[1] *Измайлов А. А.* П. И. Мельников-Печерский (критико-биографический очерк).— В кн.: *П. И. Мельников (Андрей Печерский).* Полн. собр. соч. СПб., 1909, т. 1, с. 11.

[2] Там же.

он утверждает право человека на простое земное счастье и радость. Правда, Мельников хорошо понимает, что не всегда человека толкает за монастырские стены чувство религиозного долга. В обществе, где не ценятся моральные качества, талант, душевная чистота, для человека, оказавшегося без поддержки, две дороги — отречение от мира или путь преступлений. Отвергнутые миром, не нашедшие в нем места души, разбитые и отчаявшиеся сердца зачастую вынуждены искать успокоение и кусок хлеба за стенами старообрядческих обителей. Ценой молодости и счастья покупают себе приют большинство белиц Манефиной обители. Но трудно унять молодое сердце и примирить его со строгим обительским режимом. Этот неосознанный протест читатель улавливает то в удалой «мирской» песне девушек на супрядках, то в смелой выходке Марьи Головщицы, то в проказах озорной Фленушки, то в открытом ропоте Устиньи Московки. Исключительно заманчивой и недосягаемой кажется им даже простая, трудовая «мирская» жизнь. «Где уж нам, Флена Васильевна, мирские радости видеть!— говорит голосистая Марья.— У нашей сестры что в миру есть? Беднота, пить, есть нечего, тут не до веселья. И то денно и нощно бога благодаришь, что матушка Манефа призрела меня, сироту. По крайности не голодаешь, как собака» (т. 2, с. 358).

Жизнь, изображенная в эпопее, раскрывается в различных аспектах. Трагическое, комическое и обыденное не взаимоисключают в ней друг друга. Трагична судьба Насти Чапуриной, драматично положение Фленушки. Но рядом соседствуют и комические ситуации, связанные с образами Параши, Василия Борисыча и старца Иосифа.

Богатству содержания романов «В лесах» и «На горах» соответствует спокойный, эпически величавый язык писателя. В литературе о Мельникове-Печерском неоднократно отмечалось, что он художник чистого эпоса. Немногие писатели возвышались до такого бесстрастия повествования, какое мы наблюдаем у автора «В лесах» и «На горах». «Что-то поистине гомеровское в его манере. Неторопливо льется повесть. Он как бы привык ничему не удивляться»,— пишет о нем один из исследователей его творчества[1]. Перед нами открывается «тихо движущаяся картина русской жизни», хорошо изученная и познанная писателем, и читателю кажется, что сама жизнь создает и разрешает естественные столкновения и про-

---

[1] *Измайлов А. А.* Бытописатель взыскующих града.— Ежемесячное приложение к «Ниве», 1908, № 11, с. 305.

тиворечия, отраженные в действии. Но Мельников-Печерский не боится и сильного драматического момента (сцена пострига Фленушки, объяснение Насти с отцом и ее смерть и многое другое).

Хороший знаток народного быта, прекрасный рассказчик, Мельников-Печерский не только с эпической невозмутимостью повествует «на память грядущим поколениям о том, как русские люди в старину живали», не только дает путем привлечения огромного документального и исторического материала и его художественного осмысления всестороннюю обрисовку современной ему действительности, но мастерски передает и сам никогда не прекращающийся процесс жизни, показывает смену поколений, отличающихся друг от друга как интеллектуальным обликом, так и взглядами на жизнь, проводит мысль о неизбежности торжества гуманизма и справедливости. Ростки нового представлены прежде всего образами Колышкина, Меркулова и Веденеева, пришедшими на смену купцам старого закала с их произволом и откровенным хищничеством. Единственной надеждой и радостью Чапурина является подрастающий внук.

Большим достоинством романов «В лесах» и «На горах» является чистый, меткий народный язык. «Язык у него,— писал П. П. Бажов,— изюминка, без преувеличения и без преуменьшения, именно тот самый язык, которым говорят нужные типы. Язык у него изумительный. Причем соблюдена точность мелочей в описании обряда, обстановки — здесь большая детализация. Уж если он изображает рыбный стол, то можно быть уверенным, что есть там и белужье звено. Словом, детализация предметов у него очень точная, а главное — прекрасный язык, которому следует подражать. Это именно тот самый русский язык, где нет ударения в горбуповщину, нет снижения качества литературного языка»[1]. Творчество Мельникова оказало па Бажова, по его собственному мнению, серьезное влияние.

Высоко ценили язык Мельникова-Печерского и его творческое наследие и другие советские писатели. «Что за чудо в знаниях языка,— писал о нем К. Федин,— какое чутье к речевому ладу!»[2]. А. М. Горький гордился своим талантливым земляком. «Земляк наш, Мельников-Печерский,— говорил он художнику Богородскому,— тоже писатель великолепный.

---

[1] *Бажов П. П.* Некоторые вопросы литературности творчества.— В кн.: Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1955, с. 125.

[2] *Федин К.* Писатель, искусство, время. М., 1961, с. 421.

Посмотрите, как у него слова-то сцементированы!»[1]. В письме к К. А. Треневу он писал: «Позвольте посоветовать следующее: проштудируйте богатейших лексикаторов наших — Лескова, Печерского, Левитова, купно с такими формовщиками слова и знатоками пластики, каковы Тургенев, Чехов, Короленко»[2].

В своей повести «В людях» Горький назвал роман «В лесах» «славной русской поэмой», давшей ему возможность «почувствовать, что такое хорошая книга».

---

[1] *Богородский Ф.* Полгода в Сорренто.— Октябрь, 1956, № 6, с. 159.

[2] *Горький М.* Собр. соч. М., 1955, т. 29, с. 212.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество П. И. Мельникова-Печерского представляет яркую и самобытную страницу в истории русской литературы XIX века. Уже первые произведения Мельникова-Печерского, рисующие сатирические картины из жизни русского чиновничества и выражающие сочувственное отношение автора к простому человеку, позволяют говорить о нем как о последователе Гоголя и писателей натуральной школы.

Превосходное знание жизни и народного языка, проявившееся в первых рассказах и повестях Андрея Печерского, сочувственное изображение человека из народа во многом способствовали демократизации русской прозы и ставили начинающего писателя в один ряд с выдающимися деятелями русской литературы середины XIX столетия.

Основное творческое наследие П. И. Мельникова-Печерского составляют его романы «В лесах» и «На горах», поразившие читателя своей оригинальностью, яркостью и превосходным знанием живой народной речи. В них писатель раскрыл никому неведомый до тех пор старообрядческий мир, создал новые литературные типы, запечатлел исконно русские национальные нравы и обычаи.

В основу романов «В лесах» и «На горах» Мельников-Печерский положил по крупицам в течение всей жизни собранный материал. Как чиновник по особым поручениям, он, исполняя служебные задания, хорошо познал народную жизнь. Отменная память сохранила многочисленные подробности из быта Нижегородского Поволжья, наблюдаемые им как в детские годы, так и за время службы.

Историк по образованию, археолог и этнограф по своим увлечениям, Мельников-Печерский собрал огромный исторический, этнографический и фольклорный материал, который был им использован при работе над эпопеей.

Долгие годы, исследуя жизнь старообрядцев, общаясь с ними, Мельников всесторонне изучил их нравы, обычаи, духовные устремления. Здесь, в старообрядческом Заволжье, он увидел старую Русь, древнюю культуру, не сохранившуюся в других слоях русского общества. Здесь писатель нашел и то, по его мнению, здоровое зерно будущего общественного развития России, без которого, как он полагал, невозможно дальнейшее движение вперед. Ничем не искаженное, не подверженное никакому внешнему воздействию, подлинно национальное русское начало Мельников-Печерский увидел в старообрядческой среде.

Взгляды Мельникова на раскол на протяжении его жизненного пути претерпели сложную эволюцию. Если в 40-х годах, в начальный период изучения раскола, он стоял за самые суровые меры по отношению к старообрядцам, вплоть до того, что предлагал всюду первыми их отдавать в солдаты, а детей, рожденных от браков, не оформленных в официальной церкви, записывать в кантонисты, то в 50—60-е годы он, бывший гонитель старообрядчества, сам ходатайствует за терпимость в отношении к сторонникам древлего благочестия, поскольку его научные выводы в этот период противоречили прежним взглядам на раскол.

Только этим изменениям во взглядах писателя на нравственное состояние раскола обязана эпопея «В лесах» и «На горах» своим появлением на свет.

Изучая историю церковного раскола и современное состояние старообрядцев, Мельников-Печерский использовал всю имевшуюся тогда литературу по интересующему его вопросу, беседовал с крупнейшими расколоведами, что и помогло ему выработать правильный взгляд на церковный раскол и защитников старой веры.

Одним из основных составных компонентов эпопеи «В лесах» и «На горах» является устное народное творчество. Источниками его послужили Мельникову-Печерскому как современная ему литература, так и живая русская действительность. Нижегородское Заволжье, на территории которого развертывалась деятельность Мельникова, долгое время хранило древнейшие сказания, легенды, обряды и весь старинный русский национальный уклад семейной жизни с его старозаветными нравами и обычаями, остатками древнейших верований и празднеств в честь старых русских богов.

Эти «осколки» нашей старины, по крупицам собранные писателем, вместе с современной ему устной народной поэзией выполняют в романах «В лесах» и «На горах» исключительно важные художественные функции. Многовековая верность народа древнейшим верованиям, старинному национальному быту доказывает приверженность народа ко всему исконно русскому, упорную невосприимчивость к нововведениям, искусственно перенесенным в русскую действительность. Национальные корни русского народа настолько глубоки, что выкорчевать их невозможно. Не случайно все, что отрывается от этого корня, гибнет или нравственно разлагается.

Влияние чуждой цивилизации, по мнению писателя, губительно действует на русскую нацию, порождает такие непри-

емлемые черты, как деспотизм, эгоизм и произвол. Русский же человек по своей натуре свободолюбив, жизнерадостен — об этом говорят те «осколки» далекой, еще языческой, старины, которые писатель находил в закоулках русской земли.

Если славянофилы устремляли свои взоры в старую допетровскую Русь, то Мельников-Печерский часто обращает свой взгляд в далекое дотатарское и даже дохристианское прошлое, где русская чистородная жизненная струя еще была не подвержена чьим-либо влияниям. С древним домонгольским Китежем связывают свои стремления и желания герои романов «В лесах» и «На горах».

В эпопее Мельникова-Печерского можно встретить все виды устно-поэтического творчества русского народа — лирические и исторические песни, былины, сказания и предания, легенды и сказки, пословицы и поговорки. Писатель широко использует особенности народно-поэтического языка, выразительные средства фольклора, что придает его романам народно-песенный колорит.

Устная народная поэзия помогает Мельникову-Печерскому раскрыть психологию целых народных слоев, передать внутреннее состояние персонажей эпопеи, играет исключительно важную композиционную роль.

Как писатель Мельников-Печерский стоял в одном ряду с видными художниками слова своей эпохи, оказывал на них определенное воздействие и сам на себе испытывал их серьезное влияние.

Личные наблюдения, результаты научно-исследовательской работы, современная писателю литература и фольклор составили богатую основу замечательных романов Мельникова-Печерского.

Поучительны и методы творческого труда Мельникова-Печерского. Он принадлежал к так называемым «устным» авторам: его произведения выросли из его устных рассказов, и сам он постоянно подчеркивал их импровизационный характер. Вместе с тем творческая история романов «В лесах» и «На горах» показывает, как труден был процесс формирования сложной структуры его произведений, которые, со слов самого автора, было принято считать сложившимися стихийно.

Работа Мельникова-Печерского над своими обширными романами растянулась чуть ли не на два с половиной десятилетия. В течение этого времени менялись не только взгляды писателя, но и методы его творческого труда. Были этапы, когда работа над эпопеей осуществлялась стихийно, но были и периоды, когда она была планомерной и носила строго ор-

ганизованный характер; всестороннее продумывание способов организации накопленного материала сочеталось с письменной разработкой планов.

Процесс создания «В лесах» и «На горах», движение авторской мысли в них, начиная с повести «За Волгой» и вплоть до последних глав романа «На горах», заметно отступающих от планов, является отражением идейной эволюции писателя и тех изменений в русской пореформенной действительности, которые он наблюдал и изучал.

Исключительно кропотливой была работа Мельникова-Печерского над сюжетами, образами и стилем дилогии.

Отталкиваясь от реального факта, наблюдаемого в жизни, или прототипа и давая волю творческой фантазии, писатель стремился к максимальной широте обобщений и типизации. Кропотливая работа над образами, сюжетами и слогом эпопеи определялась высокой требовательностью художника к себе и его осознанием великого назначения искусства слова, его огромной воспитательной и мобилизующей силы.

История работы Мельникова-Печерского над его сложным творческим замыслом являет собой поучительный пример того, каким путем в сознании писателя формируется структура большого художественного произведения, включающего обширные материалы, собранные в течение длительной и богатой впечатлениями жизни.

В настоящее время, когда интерес к древней русской культуре особенно возрос, творчество П. И. Мельникова-Печерского, отобразившее связь русской культуры более поздних периодов с ее истоками, запечатлевшее старинный национальный быт в тех его формах, которые были еще живы в XIX веке, и одновременно заключающее в себе острый социально-критический элемент, приобретает особое значение, а проблема его изучения становится все более актуальной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валентина Федоровна Соколова

П. И. МЕЛЬНИКОВ (АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ)

Очерк жизни и творчества

Редактор *З. С. Колодина*
Художник *В. З. Вешапури*
Худож.-техн. редактор *В. В. Кременецкий*
Корректор *В. В. Карякин*

ИБ № 1147.

Сдано в набор 19.08.81. Подписано к печати 10.12.81. МЦ 00364. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Елизаветинская». Печать высокая. Усл.-печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 11,28. Тираж 10 000 экз. Заказ 5157. Цена 70 коп.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда», 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

70 коп.